

ВЕСТНИК
ШКОЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Общая тетрадь

Рига 2023

**Издание выходит
раз в квартал**

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертес (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Литературный редактор *А. Заматаева*

Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 4 (91) 2023

К читателю

Как жить вместе 5
Юрий Сенокосов

Тема номера

*Россия: демократический транзит,
которого не было* 8
Мария Снеговая

*Международный трибунал
и переходное правосудие* 18
Елена Лукьянова

Кто накажет «псов войны» 23
Михаил Савва

Опыт истории

*Россия, Украина и Польша: конец
трагического треугольника* 31
Рене Нюберг

*Стивен Коткин: «Нужны инвестиции
в российский народ, а не в государство»* 41
Андрей Колесников

Точка зрения

*О примитивности диктатуры
и нелепости тиранов* 53
Марк Гамза

Подъем и упадок империй 63
Юрий Слёзкин

Биография

*Никита Петров: «Андропов,
проживи дольше, не спас бы СССР...»* 78
Максим Рычков

In memoriam

Лена Немировская 92

Слова Кристофера
Марк Дамян 93

В память о Кристофере Коукере
Руне Хенриксен 96

Наш анонс

Была ли война неизбежна?
Сабина Фишер 100

Книги

В бой идут одни старики?..
Андрей Симбирцев 104

Контрапункт
Максим Горюнов 118

Nota bene

Введение. Нерассказанная история
Франсин Хирш 116

Как жить вместе

Если вы хотите вести счастливую жизнь, вы должны быть привязаны к цели, а не к людям или к вещам.

А. Эйнштейн

*Юрий Сенокосов,
главный редактор журнала
«Общая тетрадь»*

В какое время мы живем? Почему провалились в пропасть, где невозможно почувствовать надежную опору?

Задавая сегодня вопрос «Как жить вместе?», когда идет агрессивная война России против Украины, я не призываю «жить единым человеческим общежитием». Нет, я просто решил напомнить, что после окончания Второй мировой войны был подписан и в октябре 1945 года вступил в силу Устав ООН — международный договор, учреждающий международную Организацию Объединенных Наций. В преамбуле которого было сказано: «...создать условия, при которых могут соблюдаться справедливость и уважение к обязательствам, вытекающим из договоров и других источников международного права».

И далее — Статья 1: «Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира».

Таким образом, с первых дней существования ООН вопрос соблюдения и укрепления международного права и мира был и остается важнейшей частью ее деятельности, включая полномочия, возложенные на постоянно действующий орган — Совет Безопасности и на его пять постоянных членов, имеющих «право вето».

Между тем рекорсмены по применению этого права — Российская Федерация и США — продолжают использовать его не только для сохранения статуса великой державы, но и оправдания нарушений: США после вторжения в Ирак 20 марта 2003 года, Россия после полномасштабного вторжения в Украину. Поэтому большинство государств и комментаторов не случайно оценивают сегодня действия России через призму отношения к Соединенным Штатам, когда заявляют, что «ведь Россия делает то же самое, что и США». Хотя известно, что характер демонстрируемого при этом их величия имеет разное происхождение. В России абсолютно другое, чем в США, где были созданы работающие правовые институты современной демократии и появилась ООН.

*Вспомним о понятиях,
изобретенных для жизни
и мира, а не войны,
о которых говорится
во Всеобщей декларации
прав человека*

О России же мир заговорил после Октябрьского переворота 1917 года, названного большевиками Октябрьской социалистической революцией пять лет спустя, когда 30 декабря 1922 года они провозгласили создание нового государства — Союза Советских Социалистических Республик. А еще через 15 лет в эпоху террора 1930-х годов к уже существующему названию революции добавили слово «Великая», перекликающееся с известным выражением Путина о «распаде СССР как крупнейшей

геополитической катастрофе XX века». Не говоря уже об отношении Путина ко Второй мировой войне, победу в которой он не считает общей, мировой, а продолжает относиться к ней, подобно Сталину, как к особой, великой победе в Отечественной войне. Продолжая тем самым свой ритуал самоубийства России.

Поэтому я не случайно напомнил об Уставе ООН и Совете Безопасности.

Что нам, людям разных культур, вероисповеданий, национальностей, может помочь осознать и преодолеть сегодня, в эпоху интернета, смертельную угрозу третьей мировой войны?

Разумеется, прежде всего — победа Украины и Словарь мира.

Человечество уже давно живет в искусственно созданной им второй природе и продолжает латать дыры в искусственности, совершенствуя искусственный интеллект. И, подобно загнипнотизированным, увы, мы продолжаем это занятие, опираясь в том числе и на понятия этики и эстетики, прикрывающие нашу сущность животного потребителя.

В природе есть все — гармония (музыка) сфер, гармония мира, его красота и богатство, вечность, бесконечность. Но остается загадкой, кто и когда впервые в физических звуках (фонах) «услышал» гармонию морфем и семем. Не говоря уже о выражении этой гармонии в живописи (7 цветов радуги) и музыке (7 нот).

А в обществе? Какие слова и понятия могут возродить социальную гармонию в отношениях между людьми? Что незримо объединяет нас — людей разных культур, вероисповеданий, национальностей?

Ян Шуфен (Yan Shufen). Рука мира. 2018

Вспомним о понятиях, изобретенных для жизни и мира, а не войны, о которых говорится во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года.

Современные правозащитные отчеты о состоянии демократии и прав человека в мире свидетельствуют о том, что демократия находится под угрозой. Вторжение России в Украину привело в наше время к самым массовым нарушениям прав человека, заявил Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш, выступая 27 февраля 2023 года в Женеве на открытии 52-й сессии Совета ООН по правам человека. И призвал международное сообщество сделать все, чтобы вернуть человечество на путь выполнения Всеобщей декларации, принятой 75 лет назад.

Один из первых уже сделанных и успешных шагов на этом пути — создание нового мандата Совета ООН по правам человека и публикация в СМИ Призыва к назначению специального докладчика ООН по вопросам демократии, а также полного списка подписавших его гражданских организаций и частных лиц.

«Защита прав человека является фундаментальной опорой ООН, а демократия — одной из ее основных ценностей», — говорится в Призыве. Поэтому ответ на вопрос «Можно ли уже сегодня, когда идет война, начать преодоление последствий войны?» очевиден. Его можно выразить двумя словами: «пацифизм» и «космополитизм», имея в виду под пацифизмом антивоенное движение за культуру мира, а под космополитизмом философию глобальной гражданственности.

Вопреки популярному мнению, считает автор, после распада СССР в России случился не демократический транзит, а временное ослабление власти федерального центра. Об отсутствии транзита свидетельствует почти полное отсутствие смены политических элит и воспроизводство в малоизмененной форме многих институтов, присущих советской системе властных отношений, в новой России. И тем самым, реавтократизация России была не следствием роковых ошибок отдельных политических лидеров (будь то Ельцин или Путин), а всего лишь вопросом времени.

Мария Снеговая, политолог, научный сотрудник Института европейских, российских и евразийских исследований (IERES) Университета Джорджа Вашингтона

Россия: демократический транзит, которого не было

Введение

Хотя наблюдатели склонны винить отдельных политических лидеров (будь то Б. Ельцин или В. Путин) в провалах российской демократии, но, на мой взгляд, причины реавтократизации носят более структурный характер. После распада Советского Союза Россия толком так и не перешла к демократии, недемократическая система власти и институты воспроизвели себя, а реформы носили преимущественно косметический характер: это был тот же самый старый волк, пусть и в обновленной демократической шкуре. основополагающие структурные характеристики системы остались теми же, потому что те же советские элиты в значительной степени удержались на верхушке российской власти. Исключением была экономика, но даже там старая элита сохранила за собой наиболее лакомые активы и должности. В силу этой мощной инерции старой системы реавтократизация России была лишь вопросом времени.

Что такое номенклатура?

Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) не была политической партией в обычном понимании этого слова. КПСС была структурой государственной власти. Для создания централизованного контроля над системой принятия решений большевики разработали номенклатурный принцип — перечень всех значимых бюрократических и

управленческих должностей в государственных органах и на предприятиях культурной, медийной, образовательной и других сфер, для назначений на которые требовалось разрешение вышестоящего партийного органа. Представители номенклатуры — лица, занимавшие эти должности, — составляли порядка 1–3% советского населения, или от 750 тыс. до 2–3 млн человек, включая членов семей.

Принцип отбора на номенклатурные должности был антидемократическим. Выборы были заменены централизованным назначением в номенклатуру. Даже когда такие должности формально были избираемыми, высшие органы партии предварительно отбирали и рекомендовали нижестоящим органам кандидатов (обычно только одного на одну вакансию), которые затем допускались к участию в выборах. Например, кандидатуры секретарей волостных комитетов партии предварительно отбирались губкомом, а кандидатуры секретарей губкомов — Секретариатом ЦК. Иными словами, номенклатура была монопольным и довольно секретным правящим классом назначенцев, которые отбирались во власть больше на основе их способности беспрекословно выполнять поставленные начальством задачи, чем на основе их квалификации, они были зависимы от руководства, послушны системе и заинтересованы в сохранении статус-кво.

Роль номенклатуры заключалась в защите интересов партии и государства, а не в том, чтобы служить обществу

Советская элита управляла населением с помощью довольно недемократических и патерналистских методов. Роль номенклатуры заключалась в защите интересов партии и государства, а не в том, чтобы служить обществу. Дисциплина и лояльность были ключевыми принципами членства в номенклатуре. Социализация в номенклатуру начиналась задолго до формального вхождения в нее и продолжалась на протяжении всей последующей жизни, включая массированную пропаганду и идеологическое давление через ряд образовательных учреждений и мероприятий. Те, кто проявлял нелояльность к системе, подлежали изгнанию. Угроза лишения партбилета, а вместе с ним привилегий и элитарного положения в советском обществе создавала стимулы к надежному усвоению партийной идеологии.

Воспроизводство элит и институтов

Преємственность элит

К концу 1980-х годов даже советскому правящему классу стала очевидна необходимость радикальных изменений в системе. Советские бюрократы среднего и низшего звена были недовольны своими карьерными перспективами в позднем СССР — геронтократической системе с умирающими на своих постах от старости лидерами Политбюро (к

1986 году *средний* возраст членов Политбюро достиг 68 лет). Членам номенклатуры среднего и низшего звена поздний СССР оставлял мало перспектив продвижения по службе, роста благосостояния или вертикальной мобильности. К тому же неизбежность реформ стала очевидна после случившегося в конце 1980-х обвала цен на нефть, обострившего давние проблемы в советской плановой экономике. Нехватка продовольствия и сбои в поставках зерна распространились по всей стране.

В итоге к началу 1990-х гг. номенклатура раскололась на прореформистскую группу, заинтересованную в проведении ряда политических и экономических изменений, во главе с Борисом Ельциным, бывшим кандидатом в члены Политбюро КПСС и бывшим первым секретарем Свердловского обкома КПСС, и реакционную группу, представленную основной массой членов партии, которые выступали против реформ.

Законодательная власть России контролировалась реакционной номенклатурной группой. На первых относительно свободных выборах в Верховный Совет, состоявшихся в марте 1990 года, кандидаты от КПСС, сторонники старого статус-кво, одержали победу над оппозицией (т. н. независимыми кандидатами) с подавляющим перевесом в 86%. Это была самая высокая доля голосов, набранных кандидатами Коммунистической партии на первых свободных выборах среди всех стран Восточной Европы, за исключением Беларуси.

Напротив, прореформистское номенклатурное крыло доминировало в исполнительной власти (исторически более важной в российской политике) после победы Бориса Ельцина на президентских выборах 1991 года. Но и на этих выборах конкуренция за власть шла преимущественно среди номенклатурных групп. Пять из шести кандидатов в президенты ранее были членами КПСС, а все шесть кандидатов в вице-президенты состояли в КПСС на момент выборов. После победы на выборах прореформистское крыло номенклатуры во главе с Борисом Ельциным начало экономические реформы. Продолжающийся экономический кризис, усугубленный внезапным распадом СССР, лишил новое политическое руководство России организационных и финансовых возможностей, необходимых для консолидации политического контроля. Правительство с трудом могло платить зарплаты российским силовикам, военным, бюрократии и региональным органам власти. Утрата контроля над российским силовым аппаратом подрывала репрессивные и контрольные функции государственной машины. Так, в 1993 году президенту Ельцину едва удалось убедить военных выступить на его стороне во время его противостояния с Верховным Советом. Это вело к кризису государственной легитимности. Традиционные связи между разнообразными структурами власти разрывались, их роль теряла определенность.

Недостаток ресурсов ослабил контроль Кремля над обществом, что привело к росту альтернативных центров власти. Ослабление

Тонгчай Шрисукпрасерт (Thongchai Srisukprasert). *За пределами человеческого*. 2012

федерального центра усилило региональные элиты. Чтобы заручиться поддержкой регионов, Ельцин был вынужден пойти на многочисленные уступки. В 1994–1998 годах он подписал договоры о разделении власти и различные сопутствующие соглашения с 46 субъектами РФ, часто предоставляя отдельным регионам особые прерогативы. Усилению альтернативных центров способствовали и экономические реформы: уменьшение доли государства в экономике открыло новые возможности для появления новых независимых игроков.

Преемственность институтов

Несмотря на рост плюрализма и снижение роли федерального центра, изменения внутри самих госструктур оставались незначительными. За исключением смены верхушки советского Политбюро и ограниченного вливания новой крови в виде прихода во власть небольшой группы экономических реформаторов, большинство номенклатурных групп среднего и низшего звена остались у руля страны. Организационные структуры и бюрократия советской эпохи почти полностью воспроизвели себя в постсоветской России, пусть и под новыми названиями.

В частности, состав ключевых политических институтов в постсоветской России практически полностью сохранился с советских времен, в том числе все высшие военные и разведывательные должности, большое количество политических позиций, почти все должности в исполнительных, представительных, региональных, хозяйственных и военных структурах России. Большая часть советской бюрократии не

изменилась: Министерство иностранных дел, дипломатический корпус, Министерство обороны, аппарат государственной безопасности и многие другие министерства и ведомства существовали почти в том же составе, что и их советские аналоги. Мой количественный анализ показал, что на протяжении 1990-х годов элиты, происходящие из советской номенклатуры, составляли порядка 80–90% во всех Советах безопасно-

*На протяжении
1990-х годов элиты,
происходящие из советской
номенклатуры, составляли
порядка 80–90% во всех
Советах безопасности
России – ключевом органе
принятия решений
в России*

сти России — ключевом органе принятия решений в России, ответственном за формулирование и осуществление внешней и внутренней политики.

В экономической сфере произошла хоть какая-то ротация. Для помощи в проведении экономических реформ Ельцин привел на вершину российской политики группу молодых реформаторов (Анатолия Чубайса, Григория Явлинского, Сергея Васильева, Михаила Дмитриева и других) с нено-

менклатурным происхождением. Однако их количество и влияние были слишком малы, чтобы радикально поменять систему. Даже в экономической бюрократии, несмотря на приток молодых реформаторов, только 18% тех, кто занимал элитные позиции в 1988 году, больше не входили в эту группу к 1993 году.

Не только федеральные, но и большинство высших региональных элит новой России продолжали рекрутироваться из среднего и высшего руководства КПСС и ранее избирались депутатами в советские законодательные структуры. Победы независимых оппозиционных кандидатов на выборах были изолированными и в основном ограничивались крупными городами: оппозиция не смогла получить контроль ни над одним региональным заксобранием. Москву и Санкт-Петербург (тогда Ленинград) окружали регионы, где контроль сохраняли партийные и государственные аппаратчики, находившиеся у власти со времен СССР. В начале 1990-х годов около 50% всех глав местных администраций работали в советское время в высшей исполнительной или законодательной власти соответствующих регионов, остальные 20% — в структурах более низкого уровня, и только порядка 30% имели другой бэкграунд. Выходцы из советской номенклатуры составляли 78% членов региональной элиты в 1992 году, 73% в 1997 году и 66% в 2002 году. Снижение этого показателя за 10 лет было связано в основном с естественными причинами, а не с целенаправленными попытками обновить элиты.

Господство старой советской номенклатуры обусловило преемственность тех же самых практик и неформальных институтов в российской политике. Так, прямоком в новую Россию перешла устоявшаяся система личных связей между элитами с выраженными элементами патронажа и клиентелизма. К таким практикам относят блат, который

трансформировался в традицию использования общественной службы в целях личного обогащения, «телефонное право» и систему «понятий».

Но это были не просто *похожие виды* отношений. Поскольку на вершине российской власти удержались во многом те же самые представители элит, речь часто шла буквально о *тех же самых* отношениях с одними и теми же людьми. Опрос почти 2000 членов элиты в 1998 году показал, что 57% из них считали связи, сформированные в советский период, «очень важными» или «достаточно важными» (и только 6% считали их «неважными»). К 2000 году эта цифра опустилась всего лишь до 47%. То есть спустя десять лет после падения коммунизма около половины опрошенных представителей российской элиты по-прежнему считали связи, сформированные в советское время, ключевыми в своей работе. Эти связи воспроизводили советскую систему, основанную на личной лояльности, что ограничивало возможности для проникновения во власть новичков-аутсайдеров. Некоторая ротация элиты, насколько она вообще происходила, шла прежде всего за счет притока во власть силовиков, а также лиц, имевших связи с организованной преступностью.

Поэтому, несмотря на формально демократический фасад, политическая система новой России

сохранила многие элементы, сформированные в советское время. Советским элитам не хватало необходимых знаний, демократических ценностей и опыта, чтобы осуществлять подлинные продемократические изменения. Вместо того чтобы служить инструментом инкорпорации аутсайдеров в систему, выборы в постсоветской России быстро превратились в форму разрешения внутриэлитных конфликтов. Для конкуренции на выборах были необходимы ресурсы и связи, доступные преимущественно только лицам, имевшим отношение к номенклатуре. Помимо бывших номенклатурщиков, только крупные бизнесмены обладали сопоставимыми ресурсами и могли периодически участвовать в выборах с хорошими шансами на победу, но и они сами часто имели номенклатурное происхождение.

На региональном уровне конкуренция тоже шла в основном между действующими главами парламентов, областных и городских администраций, и все они, как правило, были выходцами из номенклатуры. На федеральном уровне ситуация была похожей. Так, на президентских выборах 1996 года президент Борис Ельцин, стоявший во главе реформистского крыла номенклатуры, конкурировал с ее антиреформистским крылом, возглавляемым лидером Коммунистической партии Геннадием Зюгановым, который в позднем СССР руководил сектором пропаганды КПСС. Другие вероятные претенденты на пост президента России во второй половине 1990-х годов — Евгений Примаков, Юрий

*Советским элитам
не хватало знаний,
демократических
ценностей и опыта,
чтобы осуществлять
подлинные
продемократические
изменения*

Лужков, генерал Александр Лебедь и Владимир Путин (через линейный состав КГБ) — были выходцами из номенклатуры.

Конечно, в такой ситуации выборы не могли радикально изменить состав элит.

Экономическая сфера

В экономической сфере доминирование советской элиты предопределило специфику экономических реформ и зарождающегося российского капитализма. Государство де-факто приватизировало само себя, что позволило госчиновникам в полной мере воспользоваться этим процессом. Новые рыночные отношения часто основывались на унаследованных с советских времен неформальных контактах и системе личных связей. Члены номенклатуры либо оставались на своих госдолжностях, чтобы собирать ренту с зарождающегося бизнеса, либо переходили на еще более доходные места в бизнесе. Бывшие «красные директора» приобретали финансовые доли в управляемых ими госпредприятиях.

Так, из 296 наиболее заметных бизнес-магнатов первой волны 43% получили этот статус благодаря своему привилегированному номенклатурному происхождению. Почти две трети представителей крупного частного бизнеса в 1993 году составляли бывшие члены Коммунистической партии. До 61% новых предпринимателей ранее работали в советских органах власти, и даже из оставшихся 39%, никогда не работавших в органах власти, более половины были выходцами из номенклатурных семей (у 36,8% были номенклатурные отцы и у 18% — номенклатурные матери). Даже в 2001 году 41% крупных предпринимателей России все еще имел номенклатурное происхождение (т. е. обладал опытом работы в советских властных структурах), у остальных 59% значительная часть была связана с номенклатурой через семейные или иные виды связей.

Поэтому зарождающийся российский бизнес оставался в значительной степени зависимым от государства. Интересы нового капитала тесно переплетались с интересами госчиновников, с последними он разделял общие ценности и номенклатурное происхождение. Поэтому, в отличие от предсказаний теории модернизации, он не только не был агентом демократизации, а, наоборот, стремился ограничить демократические тренды или заблокировать дальнейшие реформы. В частности, слишком медленно проводились те реформы, которые впоследствии могли ослабить позиции элиты.

Номенклатурный реванш

Хотя советские аппаратчики по большей части удержались на вершине российской власти, на протяжении первой половины 1990-х годов они были разобщены. Но по мере того, как исчезал первоначальный шок, начиналась их постепенная реконсолидация. Эти группы «неизбежно сохранили старые идеи и установки, тоску по сверхдержавному

Рой Виллерой (Roy Villevoe). Инсталляция. 2009

или имперскому статусу России». По замечанию вице-премьера Сергея Шахрая, «многие из них сбросили коммунистическое покрывало, но не стали от этого другими людьми». Сохранив привычный образ мышления и действий, они стремились восстановить свой прежний статус, влияние и привилегии.

В то время как реформы все болезненнее ощущались обществом и рейтинг Ельцина начал падать, номенклатурные группы усиливали свое давление с целью затормозить реформы и уволить ключевых реформаторов. Уже в декабре 1992 года Ельцин, столкнувшись с тем, что на Съезде народных депутатов выросло влияние консервативных сил, был вынужден заменить Гайдара на посту премьер-министра связанным с номенклатурой Виктором Черномырдиным. К середине 1990-х годов перелом, обусловленный реконсолидацией «номенклатурной партии», стал полностью очевиден: он проявился в замедлении внутренних реформ и усилении реваншистского курса во внешней политике. Кульминацией был момент, когда, узнав о начале натовских бомбардировок Югославии, премьер-министр Евгений Примаков на пути в США развернул самолет над Атлантическим океаном и вернулся обратно в РФ.

Однако этот тренд значительно усугубился при Путине. В начале 2000-х годов рост цен на нефть и последовавший экономический рост улучшили госфинансы и организационные возможности Кремля, повысив его общественную поддержку. Ушла необходимость терпеть ельцинский «плюрализм по умолчанию», и Путин приступил к ликвидации

альтернативных центров власти, расплотившихся ранее. Уже к 2004 году он восстановил контроль над регионами и выборами, кооптировал частный сектор и многие независимые СМИ и подавил политических оппонентов. Элиты с эйфорией восприняли путинскую реавтократизацию. Для них она означала восстановление понятных и привычных правил игры — вертикаль власти и предсказуемое будущее. Прошли ельцинские времена неопределенности и нестабильности.

При этом реавтократизация имела ярко выраженный советский душок. Путин во многом просто восстанавливал толком не реформированные советские структуры, которые в ельцинский период ослабли, но радикально не изменились. Номенклатура возвращалась к знакомой традиции, включавшей характерные для позднесоветского периода кадровые методы и управленческий подход, пусть и в более

Путин во многом просто восстанавливал толком не реформированные советские структуры, которые в ельцинский период ослабли, но радикально не изменились

технократичной форме. Спустя всего несколько лет после прихода Путина к власти законодательная власть почти полностью контролировалась пропрезидентской партией «Единая Россия». Со временем съезды единороссов все больше напоминали стиль КПСС: пространные отчеты о достижениях, бурные аплодисменты, единодушная поддержка и бесконечные заверения элит в верности вождю и его «генеральной линии».

Другими элементами ресоветизации были растущая закрытость элиты, рост числа ее привилегий, ренационализация экономики и восстановление советской символики. Эта тенденция стала еще более очевидной в последние годы, когда возрождение имперских амбиций привело Путина к полномасштабному вторжению в Украину.

То, что реавтократизация России все больше напоминает ресоветизацию, вряд ли удивительно, учитывая преемственность номенклатуры в российской политической системе. Советские аппаратчики, многие из которых удержались во власти до сегодняшнего дня, просто вернулись к привычным им практикам. Мой анализ показал, что в 2010-х и 2020-х годах из топ-100 представителей путинской политической элиты до 60% имели связи (через карьеру или семью) в советской номенклатуре. В 2010 году имели номенклатурные связи порядка 63–74%, а в 2020 году таких было около 55–57%. То, что замещение выходцев из номенклатуры происходит так медленно, указывает на постепенную смену поколений при отсутствии революционных изменений в составе элит. Номенклатура — небольшая группа, составлявшая в советское время лишь 1–3% населения, — сохранила свою власть и влияние в России спустя тридцать лет после краха системы.

Заключение

Успехи третьей волны демократизации в мире породили тенденцию уравнивать любой крах режима с демократическим транзитом. Но постсоветская Россия имела мало предпосылок для успешной демократизации. Российское продемократическое движение оставалось крайне слабым и сосредоточенным по большей части в крупных городах (что наблюдается и сегодня). За исключением продемократической интеллигенции, живущей в больших городах, у оппозиции отсутствовала социальная база поддержки. Поэтому либеральные изменения в России были не столько функцией общественного давления снизу, сколько решением части номенклатуры подправить систему на фоне политической и экономической стагнации позднего СССР. Последовавшие изменения не были фундаментальными структурными реформами: советская номенклатура, а с ней прежние формальные и неформальные институты старого образца сохранились на вершине власти. Впоследствии Путин быстро свел на нет многие достижения ельцинского «плюрализма по умолчанию». Элиты приветствовали возврат к ясным и привычным правилам игры после ельцинского хаоса. В российском контексте эта реавтократизация имела отчетливый советский оттенок, поскольку номенклатура, которая удержалась на вершине российской политики, просто восстанавливала знакомые ей образцы поведения.

Мой анализ подчеркивает необходимость люстрации или принудительной ротации элит в момент ослабления авторитарной власти. Хотя воспроизводство старых элит в новой системе до некоторой степени неизбежно, их абсолютное доминирование блокирует реформы, воспроизводит старые институты и препятствует дальнейшей демократизации. На практике международные организации могли бы попытаться усилить ротацию элит, увязывая экономическую помощь новым режимам с люстрацией или требованием выполнения определенных условий по ротации политической элиты.

В 2010-х и 2020-х годах из топ-100 представителей путинской политической элиты до 60% имели связи (через карьеру или семью) в советской номенклатуре

Елена Лукьянова,
доктор юридических наук,
сооснователь
Свободного университета

Международный трибунал и переходное правосудие*

Война между варварством и цивилизацией

Если мир не хочет агрессии в будущем, мало ставить вопрос только о наказании военных преступников.

К любой войне то или иное государство приходит, как правило, установив сначала в стране диктатуру. Значит, нужно создать условия, которые бы препятствовали ее возникновению. Или чтобы государство не могло развязать войну уже потому, что ему как минимум приходится свои действия согласовывать с обществом.

Иначе говоря, проблема гораздо сложнее, чем кажется с первого взгляда.

Здесь уже говорили о том, что Международный уголовный суд должен привлечь к ответственности всех виновных в развязывании новой войны. Но, исходя из сегодняшнего статуса этого суда, сделать это просто невозможно. Более того, я думаю, что может не хватить и полномочий дополнительного Международного трибунала.

А еще придется проводить *внутренние суды*, которые в четком соответствии с последней главой Уголовного кодекса России (где, вообще-то, ответственность за все, что сейчас происходит в Украине, предусмотрена!) будут судить за преступления. Сейчас внутри России за это к ответственности не привлекают.

Но и этого, опять же, недостаточно. Как сделать, чтобы ни Россия, ни кто-либо другой в Европе и во всем мире не смог впредь развязать войну?

И тут со всей остротой встает перед всеми нами вопрос переходного правосудия. Что это такое? Почему и зачем нужно переходное правосудие?

* Выступление на семинаре Школы в Риге 9 октября 2023 г.

Как известно, любой международный договор в момент, когда его *ратифицирует* государство, становится частью внутреннего права.

На днях я слышала много рассуждений по следам выступления Путина на Валдайском форуме. Там он высказался совершенно позорно: «Кто они такие, чтобы заставлять нас жить по их правилам? Что это за правила? Да мы вообще плевать хотели!..»

И пошли активные комментарии, в том числе моего коллеги, адвоката Марка Фейгина: «Да они подпись отзовут!» Я пишу ему: «Дружище, прочти слово “денонсация”!» Он в ответ: «Я знаю, что это такое». — «Так почему ты говоришь об отзыве подписи?»

Международный договор сначала подписывает полномочный представитель государства, но это не значит, что договор вступает в силу. Он вступает в силу в момент, когда парламент ратифицирует его, то есть подтверждает, что отныне договор включен во *внутреннее право* страны.

Мне не раз задавали вопрос: «У нас же в Конституции записан приоритет международных договоров. Как же так?» Да потому и записан, что ратифицированный международный договор — это уже часть внутреннего права. И раз в Конституции эта часть внутреннего права поставлена на высшую ступеньку иерархии нормативных актов, то не может возникать никаких вопросов.

Это я по поводу реплики «Кто они такие, чтобы заставлять нас жить по их правилам?». Это не «их» правила, *мы сами* те договоры ратифицировали, приняли их как свое внутреннее право и обязались его исполнять.

Единственный выход — это взять и денонсировать договор, сказать, мол, все, мы теперь по этим правилам не живем. Но такое решение надо проводить через парламент. Правда, провести его через сегодняшний российский так называемый парламент Путину тоже раз плюнуть. Нынешний российский парламент — некий орган, который ничего общего не имеет с парламентаризмом, народным представительством и выработкой каких-то альтернативных решений.

Это к вопросу о терминах.

Теперь что касается переходного правосудия. Переходное правосудие — очень серьезная вещь. Если нарушались права и свободы, если нарушались международные обязательства и если те, кто их нарушал, не понесли за это никакой ответственности, это считается *непрожитым опытом* государства. Непрожитым опытом, не зарубцевавшейся раной. И возможно повторение прецедента.

То есть цель переходного правосудия — в широком смысле, при создании Лаборатории переходного правосудия — в том, чтобы как максимум привлечь к ответственности и как минимум собрать данные,

Нынешний российский парламент ничего общего не имеет с парламентаризмом, народным представительством и выработкой альтернативных решений

предельное количество нарушений, сделав их достоянием общества и международного сообщества. Разложить все по полочкам и заставить людей задуматься о том, что нарушения, к которым они привыкли и которые стали едва ли не обыденностью и естественным укладом жизни, это ненормально. И что за них кто-то должен ответить. Что это противоправно — и с точки зрения внутреннего права, и с точки зрения международного права.

Кому интересно, я отсылаю к блестящему докладу академиков С. Дмитриевского и Н. Бобринского**. К их докладу-схеме, над которым мы сейчас будем думать и работать. Может быть, за полгода-год мы создадим целую учебную программу переходного правосудия.

Доклад называется «Между мезтью и забвением: концепция переходного правосудия для России». Очень точное название, потому что и мезть — плохо, и забвение — плохо. Мезть порождает мезть, а забвение порождает повтор. *Как и где* пройти между мезтью и забвением, чтобы ошибки были прочитаны, прожиты, переварены и учтены, а преступления озвучены, чтобы за них люди понесли ответственность или хотя бы поняли, что так действовать нельзя?

Доклад есть в открытом доступе в интернете. Это очень сильный текст, хотя сами авторы говорят, что это только схема.

Что в нем выделено? То, какие виды противоправных действий не получили оценки в России и в итоге привели к войне. У авторов этого вывода (о войне, учитывая год издания) нет, ибо мы имеем дело с академическим докладом. Но речь о действиях, безусловно, приведших к ужасным преступлениям, которым мы сегодня свидетели.

Первыми и главными идут не военные преступления, а преступления и правонарушения, направленные на присвоение и удержание власти. Дальше одно правонарушение ветвится и множится. Многое уже зафиксировано и описано, надо только собрать все воедино, аккумулировать, чтобы более выпукло показать, к чему что приводит.

Как происходило присвоение и удержание власти? Потихоньку менялось законодательство, поначалу — не Конституция. Сначала то одним законом, то другим внеконституционно, противоконституционно концентрировались полномочия президента или других органов исполнительной власти. Например, обошли статью Конституции об использовании вооруженных сил за пределами страны. А ведь статья однозначно прописана в Конституции! В ней жестко сказано: если Вооруженные силы России задействованы за пределами страны, Совету Федерации должно быть доложено, на какое время и с какими целями они действуют, сколько надобно и какого вооружения. Это предусмотрено Законом об обороне, Законом о борьбе с терроризмом, разными практиками.

** См.: Н. А. Бобринский, С. М. Дмитриевский. Между мезтью и забвением: концепция переходного правосудия для России. Аналитический доклад. — М.: Институт права и публичной политики, 2021.

Но когда вводились войска в Грузию — в то время президентом был Д. Медведев, — президент в первый раз не счел нужным заручиться согласием Совета Федерации. Тогда поднялся страшный шум — нарушение Конституции! Времена еще были вегетарианские. В итоге Медведев был вынужден задним числом, но все же *обратиться* в Совет Федерации за согласием.

Я привела всего один пример, а таких примеров множество. Где-то к 2010 году ученые насчитали уже 400 с лишним внеконституционных дополнительных полномочий российского президента, прописанных в других законах или в подзаконных актах. Но этого показалось мало. Ладно, полномочиями наделили. А дальше Путин возмущается: все время, дескать, меняются персонажи, с которыми он должен разговаривать. Непорядок! Вот было бы у него 20 лет правления, обо всем бы договорились и установили бы порядок!

Удержатъ власть — значит достигнуть *несменяемости* власти. Что для этого надо? По Конституции в том виде, в котором она была до 2020 года, сие невозможно. Но начиная с 2000 года постепенно, строчка за строчкой, пункт за пунктом законодательство менялось. Все это мы описали в нашей книге «Выборы строгого режима», которую написали и издали в Свободном университете перед войной. Мы описали весь процесс: как коверкалось избирательное и партийное законодательство в России, чтобы обеспечить несменяемость власти.

С 2000 года в России не было *ни одних* выборов, которые бы проходили по тем же правилам, что и предыдущие. В итоге, если взять в руки Закон о выборах в редакции 1993 года и тот, какой он сейчас, они будут разными даже по весу и внешнему виду. Это два категорически разных документа: один тонкий, второй — толстый, со всеми ограничениями, изъятиями, недопуском, ограничением политической конкуренции, правилами, позволяющими не наблюдать за выборами, фальсифицировать выборы. Из Закона о выборах изъята одна из главных статей — «Виды избирательных нарушений». Потом она же была изъята из уголовного законодательства, из административного законодательства. В финале мы видим, как глава ассоциации «Голос» попадает за решетку, и надежд на оправдательный приговор у нас на сегодняшний день нет.

Нам необходим целый комплекс мер. Одна их часть — описать, зафиксировать, как менялось законодательство, как использовались изменения для сохранения и удержания власти, что практиковалось на избирательных участках и в избирательных комиссиях. Другая часть — следующий вид преступлений, описанный в докладе, — коррупционные преступления. Как осуществить переходное правосудие для коррупционных преступлений, за которые никто не понес ответственности? Как должен выглядеть сам механизм расследования и возмездия? Коррупция ведь тоже всеобъемлющая, она как метастазы

*Удержатъ власть —
значит достигнуть
несменяемости
власти*

проникла во все наше общество, в суды, в госкорпорации и воспринимается уже обыденным явлением.

Далее. Преступления, совершенные в ходе вооруженных конфликтов. Причем не только в Украине. Это и чеченские войны, и Грузия, и все деяния частных военных компаний, которых якобы не существует, по утверждению Путина на Валдайском форуме. То, что они творили в мире, — отдельная история, мы сегодня обращаем на нее особенное внимание, потому что все происходит, в сущности, у нас на глазах, и за это больно.

И еще пункт доклада «Между мстью и забвением», который называется «Иные серьезные нарушения прав человека». Тут вскинется любой юрист. «Иные нарушения» — это пытки, несправедливое судебное разбирательство, нарушение прав заключенных, нарушение академических прав и свобод, нарушение прав на справедливую защиту, нарушение гендерных прав, домашнее насилие, которому государство не препятствовало, и так далее. Словом, еще один огромный список.

Вот что нам предстоит сделать. От объема этой работы волосы встают дыбом. Но работа уже идет, просто все, что сделано и будет делаться, нужно привести в единую систему, в целесообразный порядок, как говорил Сперанский, когда готовил свод законов Российской империи.

Мы начали активно описывать и негативные последствия Закона об иноагентах. Объявлять кого-нибудь иностранным агентом или нежелательной организацией — правонарушение, направленное на присвоение и удержание власти. Метить маркером конкурентов, чтобы им неповадно было, — это еще относится и к «иным нарушениям» как феномен дискриминации. В одном только нашем Свободном университете 36 преподавателей — «иностранцы агенты», и сам университет — нежелательная организация. Но посмотрите на реакцию Армении и Казахстана: там внесли в парламент проекты законов об иностранных агентах, и общество встало на дыбы. И политики отступили!

В современном мире сегодня идет борьба варварства и цивилизации. Мы видим, что один военный преступник развязал войну — значит, ему можно? И видели, как варвары бульдозером прорывали границу Израиля в районе сектора Газа. Очень наглядно: варварство и цивилизация, демократия и авторитаризм.

Да, война в Украине экзистенциальная. Но она же и война между варварством и цивилизацией. Главным условием для нормального развития является, во-первых, мир, а во-вторых, свобода, свобода личности. Собственно, все международные правила по большому счету направлены на защиту двух этих ценностей.

Кто накажет «псов войны»

Михаил Савва,
доктор политических
наук (Украина)

Почему я хочу и могу говорить об ответственности за военные преступления и преступления против человечности? Дело в данном случае не в моем научном статусе. Дело в том, что я живу в Бучанском районе Киевской области и жил там во время оккупации области. У меня удостоверение документатора военных преступлений гражданской инициативы «Евромайдан SOS» за номером 005. Как шутят мои коллеги, я на две цифры круче Джеймса Бонда — у того был номер 007.

Я — правозащитник. Когда говорят, что во время войны забывают о правах человека, относительно Украины это точно неправда. Мы будем находить и наказывать чужих, а иногда и своих, за нарушения прав человека, иначе вот эти «псы войны» очень скоро вырастут в «динозавров войны».

Центр гражданских свобод, членом экспертного совета которого я являюсь, в 2022 году получил Нобелевскую премию мира как раз за работу по документированию военных преступлений.

Общественная инициатива «Трибунал для Путина» — обычное гражданское общество Украины, состоящее из 18 общественных организаций, — задокументировала примерно 45 тысяч эпизодов из 100 тысяч, имеющих в базе данных Украины в настоящее время. Это эпизоды, каждый из которых нужно расследовать, проверять на предмет военного преступления.

Мы ведем документирование через интервью с людьми, иногда — через фиксацию происшедшего. Интервью можно взять не всегда. У меня на глазах убили шесть человек. Я это видел. Просто на Житомирской трассе люди на двух машинах выезжали из Ирпеня. Метров за 500 от них выскочила российская колонна, движущаяся со стороны Макарова в сторону Киева. И боевая машина пехоты, которая шла впереди, просто разнесла из 30-миллиметровой пушки

эти два автомобиля. Мы все это сфотографировали, нашли номерные знаки автомобилей, сфотографировали их тоже. И хорошо, что это сделали, потому что буквально через час следующая российская колонна все скинула в поле. Люди бы просто исчезли, никто бы не знал, где они. А так мы знаем хотя бы одного из шести погибших и, надеюсь, найдем остальных.

Это о том, почему необходимо документирование.

Документирование – только начало очень большого процесса, который должен привести к наказанию виновных

Но документирование — только начало очень большого процесса, который должен привести к наказанию виновных. У этого наказания есть две цели.

Первая цель — справедливость возмездия во имя памяти жертв. Вторая — своего рода профилактика негодяев. Если мы не задокументируем преступления самой масштабной войны в Европе за последние 70 лет, эта когорта негодяев вдохновится. Они станут пытаться расшатать и без того не очень устойчивую систему мирового правопорядка. И, конечно, получать как минимум локальные результаты. Поэтому необходим Международный трибунал.

Почему я делаю акцент именно на нем? Есть одна очень серьезная, ключевая проблема, суть которой нужно понимать. Главное преступление, которое открывает ворота ада, — это *преступление агрессии*. Сам факт агрессии, нападение одной страны на другую, дает начало цепочке других военных преступлений. И не только военных, что тоже важно.

На въезде в мой жилой комплекс под Киевом — пять фотографий. Пять моих соседей, которые погибли на фронте. Они комбатанты, их гибель не считается военным преступлением. Но они были бы живы, если бы не преступная агрессия.

Главное преступление, которое открывает ворота ада, — это преступление агрессии. Сам факт агрессии дает начало цепочке других военных преступлений

Мы постараемся найти наводчика БМП, который расстрелял те две машины на Житомирской трассе, это сложно, но мы можем его найти. Однако по большому счету в преступлении агрессии виноваты те, кто принимал решение. Это, по мнению украинской стороны, порядка 20 российских государственных деятелей, начиная с Путина, члены Совета безопасности и еще несколько персонажей.

Меру ответственности российского парламента тоже предстоит обсуждать, но сейчас давайте широкими мазками о главном. О том, что если мы не накажем за преступление агрессии, то негодяи всего мира будут считать, что они могут развязать войну, а ответственными потом назначат конкретных сержантов или капитанов, которые убивали людей. И, значит, можно начинать следующие войны.

Джон Кин (John Keane). Отряд смерти. 1991

При этом с наказанием за преступление агрессии есть проблема. Преступление агрессии как таковое обозначено в Римском статуте, но Международный уголовный суд по нему не работает. Потому что ни Украина, ни Россия не ратифицировали Римский статут. Выход в данном случае в обращении либо к Международному трибуналу, либо к так называемому «гибридному трибуналу». Последний термин нужно, вероятно, объяснить.

Когда говорят о «гибридном трибунале», имеется в виду простая схема. Украина судит за преступления, в том числе за преступление агрессии. То есть наказывает украинская правовая система. А остальные страны мира помогают Украине: дают своих прокуроров, следователей, делятся опытом. Мы говорим о «гибридном трибунале», но, по

сути, подразумеваем украинскую правовую систему, которая работает при поддержке других стран. И это уже другая, более слабая система наказания за преступление агрессии и за многие другие преступления, просто одна сторона — участник войны судит представителей другой стороны — участников войны.

Почему принципиально важен именно Международный трибунал, как это было в Нюрнберге, как это было после бойни в Югославии, как это было по результатам геноцида в Руанде? Потому что это суд международного сообщества.

Почему принципиально важен именно Международный трибунал? Потому что это суд международного сообщества

Как все это легитимизируется? Страны, которые хотят принимать участие в наказании за агрессию, подписывают договор. То есть, по сути, это формат международного договора. А Генеральная Ассамблея ООН утверждает его и дает полномочия этому органу.

Почему Генеральная Ассамблея? Потому что в Совете Безопасности ООН Россия все

блокирует: у нее есть право вето, и через Совбез решения Международного трибунала не пройдут. А вот в Генеральной Ассамблее ООН права вето нет, там голосуют нажатием на кнопку, и там чего-то можно добиться. Сколько стран должно проголосовать за Международный трибунал, такой нормы нет. Юристы сейчас спорят: кто-то говорит, что две трети, кто-то возражает, что и половины достаточно. На мой взгляд, половины достаточно. И мечтать о том, что 100 процентов стран — членов ООН, участвующих в Генеральной Ассамблее, проголосуют за такой трибунал, нереально. Потому что большинство стран мира вовсе не являются демократиями, не являются странами, где уважают права человека. В лучшем случае они имитируют это уважение, а иногда вообще знать не знают, о чем речь. Но тем не менее в ООН они голосуют.

Обращение к Международному трибуналу даст возможность миру, кроме всего прочего, убедительно показать, что не Украина, а именно мир в дальнейшем будет наказывать за содеянное. Это абсолютно другая позиция, *воспитательная*, как здесь сказали.

Международный уголовный суд не может судить за развязывание агрессивной войны. Но в российском Уголовном кодексе прописана ответственность за развязывание агрессивной войны. Есть, но почему-то это не работает.

Есть второй вариант: появится система российского правосудия за рубежом. Это новая конструкция, над которой еще нужно думать. Хотя почему бы и нет?..

А против создания Международного трибунала приводят три вида аргументов, все, на мой взгляд, смешные.

Первый: «Мы же не увидим Путина в клетке! Мы создадим Международный трибунал, вынесем приговор — а его в клетке не будет».

Второй аргумент: «Это очень дорого». Как-то это, знаете, даже странно — еще несколько месяцев назад представители Международного уголовного суда тоже говорили, что не будут создавать полевой офис в Украине, потому что это дорого. Но на днях они открыли его, причем действительно очень дорогой, и финансируют его. Потому что если этого не делать, миру грозит многократное усиление опасности.

То, что ХАМАС напал на Израиль, — это не просто так. Я не думаю, что они договаривались с Кремлем. Но ХАМАС действует, следуя простой железной логике: если Большому брату можно, то и мы попробуем, тоже пораскачиваем, пусть и локально, мировой правопорядок. И так же думают другие негодяи.

Третий вид аргументов выглядит примерно так: «Мы не хотим судить Путина. Мы боимся судить Путина». Этого никто не хочет прозвучать вслух. Но, по сути, речь идет о том, что они действительно боятся принимать участие в таком суде. И, на мой взгляд, это главный аргумент против создания Международного трибунала, который бы судил за агрессию.

Украина выступает категорически, конечно же, за Международный трибунал. Но мы понимаем, что, возможно, все сведется к гибриднему варианту. Тогда сработает главным образом украинская правоохранительная система. Своими силами, но при поддержке мирового сообщества. Сейчас (и мы это понимаем) украинская правоохранительная система к этому не готова. Во-первых, она перегружена — больше 100 тысяч военных преступлений, Национальная полиция порой просто не успевает заводить новые уголовные дела. Больше 11 тысяч пропавших без вести гражданских лиц (без учета пропавших без вести военнослужащих). Огромное число фактов уничтожения гражданской инфраструктуры. А вот по мне стреляли кассетными боеприпасами — это не нарушение Международной конвенции по кассетным боеприпасам? Хотя Россия конвенцию не подписывала...

В любом случае, как бы ни развивалась ситуация и какой бы вариант ни был в конечном счете выбран, виновные должны быть наказаны.

Справедливости ради и в память о жертвах нужно решить и вопрос о компенсациях. Платить придется очень и очень много. И, безусловно, платить должна Российская Федерация. Это еще один способ профилактики преступлений в будущем.

Преступление и наказание

Фрагменты дискуссии

Марат Атовмян: К сожалению, в реализации переходного правосудия у Армении отрицательный опыт.

В 2018 году у нас произошла так называемая революция. По моему мнению, она таковой не являлась, произошла смена власти и политического режима. И премьер-министр на одном из митингов провозгласил, что мы будем осуществлять переходное правосудие в отношении бывших чиновников, коррупционеров, судей, прокуроров, выносивших антинародные, антизаконные решения. Вроде бы Министерство юстиции начало разрабатывать какое-то законодательство, были слушания в парламенте, профессиональные экспертные обсуждения. Потом постепенно о них стали забывать. Власти, судебная система, правоохранительные органы продолжили работать в прежнем режиме. Собирались, правда, применять какие-то нормы переходного правосудия, и одним из инициаторов этой идеи была тогдашний заместитель министра юстиции. На этой волне она стала помощником премьер-министра по правовым вопросам. А потом хакеры влезли в ее электронную служебную почту и выяснили, что она корректирует решения следователей по уголовным делам против бывших представителей власти и некоторых членов парламента. Поднялся большой скандал, который быстро замяли. Сейчас эта женщина занимает пост генерального прокурора.

Вот такая история. К сожалению, бывают случаи, когда делаются популистские заявления, чтобы набрать политические дивиденды. В обществе

появляются какие-то ожидания, иллюзии, а потом власть заявляет: мы обещали переходное правосудие, но это небыстрый процесс, надо провести ряд законов, надо то-то ужесточить, того судью арестовать, а этого лишить полномочий — и все «под соусом» переходного правосудия. Поэтому надо очень осторожно и продуманно относиться ко всему, что происходит на наших глазах.

Елена Лукьянова: Поэтому мы этим и занимаемся. Еще режим не сменился и форточка возможностей не открылась, но этим надо заниматься очень тщательно и сейчас. Должны быть готовы не только мы. Должны быть готовы и проекты законов, которые позволят сделать то, что обязательно надо сделать.

Вопрос из зала: Насколько реалистично проведение эффективного суда над военными преступниками в условиях, когда значительная часть российского общества безразлична или поддерживает войну? И вообще насколько все же эффективны международные суды?

Елена Лукьянова: Я категорически не могу согласиться с тем, что население России равнодушно или не замечает того, что происходит. Беда в том, что у нас нет измерителя. Измеритель, которым мы располагаем, — это разве что работы группы социологов Елены Коновой. Мы пытались сами определить отношение россиян к происходящему, и даже из того немногого, что мы смогли и успели сделать, ясно, что людям в России совсем не безразлично, что

происходит в стране и за ее пределами. Утверждение обратного не соответствует действительности.

Михаил Савва: По поводу эффективности международных судов — насколько они эффективны и почему мало приговоров. Да, на самом деле мало приговоров. Потому что стандарт доказывания Международного уголовного суда запределный.

Я вспоминаю дело бывшего вице-президента Конго. Как вы думаете, сколько свидетелей Международный уголовный суд опросил по обвинению бывшего вице-президента в преступлении против человечности? 5 тысяч человек! 5 тысяч человек допросили в зале суда, чтобы прийти к выводу о том, что тот не виновен. Это называется «высокий стандарт доказывания». Мы можем ругать Международный уголовный суд, но его стандарт доказывания безупречен. Никто не может сказать, что этот суд осудил человека незаконно.

В то же время у Международного уголовного суда есть блестящие приговоры. В частности, в отношении президента Судана Омара аль-Башира. Он сейчас не в Гааге в тюрьме, а в тюрьме в Судане, и Судан обещает его выдать. Но ему 78 лет, и там ждут, когда он сам умрет в тюрьме, дабы не вызывать недовольства в народе: отдали, мол, хоть и бывшего, но все-таки общенационального лидера. Однако приговор есть, и этот приговор очень сильный сигнал для всех.

Мне трудно представить, как лидеры некоторых стран вели бы себя, не будь таких приговоров в прошлом. Не говоря уже о двух международных трибуналах, которые были созданы решениями Совета Безопасности, где

Россия голосовала за: она голосовала за Международный трибунал по геноциду в Руанде и за Международный трибунал по бывшей Югославии.

Почему Россия не ратифицировала Римский статут, не принимает участия в работе Международного уголовного суда, торпедирует его? Обиделись в свое время на приговоры по Югославии. По мнению российских руководителей и того, и этого времени, Трибунал по Югославии осудил слишком мало хорватских военных преступников и слишком много сербских. Вот из-за этого начался, на мой взгляд, один из трагических мировых разломов.

К вопросу об ошибках прошлого и о том, насколько этот опыт используется.

Сейчас, помимо войны на земле, в воздухе, на море, идет очень жесткая *юридическая война*. Я принимаю в этом участие, и я знаю, о чем говорю. И когда что-то готовится, то изучается *все*. Изучаются все прецеденты. Выкапывается из архивов все, что только можно. Все анализируется, и только после этого принимается решение.

Мы каждый день работаем над ошибками прошлого.

Вопрос: Как вы считаете, насколько Международный трибунал ангажирован? Опыт суда над Милошевичем показывает, что не все его права соблюдались во время суда. Есть ли надзорный орган, который следит за этим? И второй вопрос: будут ли в трибунале расследоваться случаи военных преступлений, совершенных украинскими военными?

Михаил Савва: Международный уголовный суд сам выбирает, какие случаи он расследует. Ни Украина, ни Россия, никакая другая страна не могут

скомандовать суду, что брать, а что нет. И Международный уголовный суд очень жестко следует этому принципу. Там есть четкие процедуры. Взять дело к расследованию в Международном уголовном суде — это тот еще квест, это очень сложно. И сейчас, по моим данным, они взяли для расследования не больше 15 эпизодов по Украине. Все эти эпизоды — преступления российской стороны. Но, очевидно, если Международный уголовный суд получит информацию о военных преступлениях, которые совершены Украиной, и захочет принять к рассмотрению, то будет расследовать. Я пока таких случаев не знаю. Но я знаю военные преступления, которые совершались украинскими военными. И не только я знаю. Их расследуют. Хуже, чем мне бы того хотелось, но расследуют.

По поводу нарушения прав Милошевича. Когда я слышу, что какие-то права Милошевича нарушались, моя первая реакция — расскажите какие? Как это было? Мне это будет очень интересно.

Вопрос: Какое наказание в конечном итоге могло бы ждать Путина, российскую верхушку и отдельно пропагандистов российских телеканалов и прочих медиа? Это поддается оценке и прогнозированию?

Михаил Савва: Когда создается специальный Международный трибунал, он определяет для себя регламент работы. Мы не знаем, что это будет за орган. Но если ориентироваться на регламент Международного уголовного суда, то для значительной части этих людей наказание — до пожизненного. Такая норма там есть.

*Россия, Украина и Польша: конец трагического треугольника**

*Рене Нюберг,
финский дипломат*

Было морозное декабрьское воскресенье на Штайнплац в Берлине. Выступал украинский детский хор, и я был там с профессором Карлом Шлэгелем. После этого мы сели за чашечкой горячего чая в ближайшем кафе. Карл был прямолинеен: мы должны пересмотреть историографию России, даже в том виде, в каком она представлена такими классиками, как Ричард Пайпс и Джордж Вернадский. Нам нужно сменить фокус. Уже после 2014 года мы поняли, что историков, специализирующихся по Восточной Европе, за редким исключением, не осталось.

Аналогичные взгляды были озвучены на прошедшем семинаре в Берлине, организованном неправительственной организацией «Историки без границ», основанной бывшим министром иностранных дел Финляндии Эрkki Туомиоя совместно с Фондом Фридриха Эберта. Участники семинара были фактически единодушны в том, что необходимо деколонизировать российскую историю.

* * *

Стыдно осознавать, что доминирующая интерпретация российской истории на Западе по-прежнему представляет собой канонизированный и упрощенный нарратив о прямом пути из древнего Киева в Московию, затем в Петербург, а потом снова в Москву. Этот имперский и сталинский миф о воссоединении разрозненных детей Киевской Руси был впоследствии воспринят и адаптирован президентом Владимиром Путиным, который поставил в один ряд воссоединение Германии и аналогичные стремления России, попросив в этом сочувствия немецкого народа.

* *Carnegie Politika*. 28 июля 2023 г. <https://carnegieendowment.org/politika/90289>

В какой-то степени это можно понять. Историю пишут победители. Но после аннексии Крыма, войны на истощение на Донбассе и полномасштабного нападения России на Украину неловко осознавать, что мы соглашались с российской картиной мира, доминировавшей на протяжении двух столетий. Отчасти это происходило из-за невежества, но отчасти и из-за халатности.

Утверждать, что причины российской агрессии заключаются лишь в искаженном представлении истории, было бы большим упрощением. Тем не менее сильная предвзятость в исторической политике действительно влияет на мировоззрение в Кремле. Мысль о том, что Россия существует как империя либо вовсе не существует, пропагандисты из России повторяют до изнеможения. И еще более абсурдными звучат утверждения, что Россия невозможна без Путина. В своем проницательном наблюдении Збигнев Бжезинский уловил суть: «Без Украины Россия перестает быть империей, с Украиной же, подкупленной, а затем и подчиненной, Россия автоматически превращается в империю». Такая же логика побуждала и немецкий имперский генеральный штаб поддерживать украинских сепаратистов и спонсировать финских и грузинских борцов за свободу во время Первой мировой войны.

* * *

История России и Украины — «запутанная история» (*histoire croisée*), цитирую профессора Андреаса Капелера. Это возвращает нас к мифам о России. Открытие гигантской 17,5-метровой статуи святого Владимира у Боровицких ворот Кремля в 2016 году не отменяет того факта, что Киевская Русь не была ни русской, ни украинской. Тысячелетняя

Православная церковь сыграла ключевую роль в выживании государств — правопреемников Киевской Руси

история восточнославянских племен — это история принятия князем Владимиром христианства из Константинополя, поддержания тесных связей с Европой и борьбы с кочевыми племенами, происходящими из евразийских степей, до тех пор, пока натиск монгольской армии хана Батыея в 1240 году

не положил конец Киевской Руси и не разорил город Киев. Борьба и сосуществование с Золотой Ордой, тюркизированным ханством монголов, длились более двух столетий.

Важным историческим моментом является утверждение правопреемства Киевской Руси. Большая часть ее населения стала так называемой Литовской Русью; северо-восток был объединен как Московия, а западные княжества образовали Галицийское королевство. Это начало борьбы за превосходство между тремя восточнославянскими племенами: русскими (или великороссами), украинцами (или русинами, или малороссами, как их называли) и белорусами.

Народный лубок, аллегорически изображающий наступление московского православия в виде чёрта. Литва, XVIII век

Религия и православная церковь сыграли ключевую роль в выживании государств — правопреемников Киевской Руси. Православие служило объединяющей силой даже при татарском правлении, формируя социальную ткань княжеств. Возникла Литовская Русь, основу которой составляло православие, а административным языком был русинский на основе церковнославянского.

Памятник тысячелетию русской истории в древнем Великом Новгороде иллюстрирует значение Литовской Руси в русской истории. Он был открыт Александром II в 1862 году и изображает несколько рядов реальных и мифических исторических лиц. Среди них три литовских великих князя, начиная с Гедиминаса (1316–1341), основателя Великого княжества Литовского. В XV веке оно было самым большим государством в Европе, с территорией от Балтийского до Черного морей. Литовская Русь сыграла решающую роль в борьбе с Золотой Ордой и ее преемниками, особенно с Крымским ханством. Переплетение истории княжеств иллюстрируется тем фактом, что Гедиминовичи являются одной из главных семей в родословной Московии.

Но кто был истинным наследником Киевской Руси и истинным собирателем русских земель? Это остается спорным вопросом в исторических и политических дебатах на протяжении столетий. Галицко-Волынское княжество считало себя ее настоящим правопреемником, потому что избежало татарского господства. Притязания Литвы ослабли, когда великий князь Ягайло стал королем Польши в 1386 году и вместе с литовской элитой обратился в католицизм.

В XIV веке территория современной Украины была включена в состав Литвы и Польши. Единственным исключением была Карпатская Украина, которая до Трианонского договора (1920 г.) принадлежала Венгерскому королевству и вошла в состав Советской Украины только

*XVII и XVIII века
консолидировали
Россию как европейскую
державу, которая
превратилась в империю,
но не в национальное
государство*

в 1945 году. Люблинская уния 1569 г. создала Речь Посполитую с внутренней границей вдоль Припятских болот, оставив современные Литву и Беларусь под властью Литвы и Украину в составе Польши.

Именно Иван Грозный разгромил наследников Золотой Орды, став сам Белым ханом. Он распространил власть Московии за Урал и на юг, вплоть до Каспийского моря. На западе Российское царство столкнулось с католической

Речью Посполитой. Настоящим возникшим противостоянием стала борьба между православной Россией и католической Польшей. Посередине оказались белорусские и украинские земли.

Внутренний распад России в период правления преемников Ивана Грозного и конец династии Рюриковичей известен как Смутное время. Это привело к польско-шведской оккупации Москвы и попыткам поляков посадить на русский престол самозванцев. Победа над поляками стала решающим поворотным моментом в русской истории, положив начало правлению дома Романовых. XVII и XVIII века консолидировали Россию как европейскую державу, которая превратилась в империю, но не в национальное государство.

Казачье восстание 1648–1657 годов под предводительством казачьего гетмана Богдана Хмельницкого было крупнейшим восстанием в Восточной Европе. Первоначально оно было направлено не против Польши, а против господства польской католической *шляхты* (дворянского сословия) над украинским православным населением. Это привело к созданию казацкой Гетманщины на левом берегу Днепра, своего рода протоукраинского государства.

В украинской историографии казацкая Гетманщина является следующей «аркой моста», который вел из Киевской Руси в Галицийское королевство. В австрийской Галиции господствовали поляки-католики и полонизированные украинские дворяне.

Успех антипольского восстания, а также войны, которые вели в это время против Польши Россия и Швеция, положили конец золотому веку Польши и вызвали вековой упадок польской власти. Спустя сто лет Польша была разделена между Россией, Пруссией и Австрией. И самое главное, эти войны привели к последующему присоединению правого берега Днепра к Российскому царству. Казаки, согласно Переяславскому соглашению 1654 года, присягнули царю, сохранив при этом широкую автономию до Великой Северной войны, во время которой казачий гетман Иван Мазепа дезертировал и присоединился к шведскому королю Карлу XII. После того как Петр I разгромил шведскую армию и ее казачьих союзников под Полтавой в 1709 г., слово *мазепист* стало синонимом предателя в русском языке. Поэтому неудивительно, что Россия и Украина не смогли договориться о совместном праздновании трехсотлетия Полтавской битвы в 2009 году. В 1764 году Екатерина II упразднила Гетманщину, которая к тому времени уже утратила свое значение.

Для Польши Хмельницкий — могильщик Речи Посполитой, а для евреев — зачинщик крупнейших до того времени погромов. Тогда как в Советском Союзе и России он остался героем.

Миф о вольных казаках, живущих в равноправии и братстве, остается центральным национальным символом Украины. На него повлияла политическая культура аристократической Польской республики, и он противопоставлялся централизованному самодержавию царской России. В России казачий миф — это история защитников границ империи.

* * *

Трагический треугольник, который я выбрал в качестве метафоры, иллюстрируется двойным давлением, которое испытывали украинцы на протяжении столетий, но, что важно, не больше, потому что польско-украинские трения остались в прошлом. Это была полонизация, и/или русификация, и даже мадьяризация украинских элит. Во всех случаях религия играла важную, хотя и различную роль. Российская империя охотно включила в себя лютеранскую немецко-балтийскую элиту, а позже и финнов, служивших в царской армии. То же самое относилось к различным иммигрантам-христианам, ученым и военным. Единственным требованием была верная служба императору. В случае с православными украинцами даже языковой барьер был незначительным, хотя в первые романовские годы от украинских православных требовалось повторное крещение. Имперская ментальность ярко отражена в романе Йозефа Рота «Марш Радецкого», в котором губернатор Тротта гневно отрицает существование нации. Для него нация — это чешское изобретение. «Есть только император и народ (*nur der Kaiser und das Volk*)».

Исторический факт — уровень образования на правобережье Днепра был выше, чем в Московии, которая за столетия борьбы и сосуществования с татарами потеряла связь с Европой. Это ярко продемонстрировали

литургические реформы 1660-х годов, которые в конечном итоге привели к длительному расколу, известному как *раскол* в Русской православной церкви. Высокообразованное украинское духовенство стало площадкой для западной мысли и контактом с греческим миром, от которого Москва была отрезана собственной замкнутостью. Интенсивный культурный обмен Речи Посполитой с Европой также повлиял на православное духовенство.

Важно отметить, что царское русское правление охватывало то, что мы сегодня называем Восточной и Центральной Украиной, а позже, после очередной войны с османами, побережье Черного моря, но не то, что известно как Западная Украина: Галицко-Волынская область оставалась

*Брестская уния
привела к разделению
Русской церкви
на греко-католическую
и греко-православную
юрисдикции*

частью Польши. Советский контроль над Западной Украиной был установлен только в 1939 и 1945 годах. Язык жителей Галиции (для краткости — русинов) стал основой современного украинского языка.

Брестская уния (1595–1596) привела к разделению Русской церкви на греко-католическую и греко-православную юрисдикции. Это был исторический переломный момент, когда большинство православных

иерархов на русинских землях Речи Посполитой передали свою церковную юрисдикцию из Константинополя в Рим, от Вселенского патриархата к Святому Престолу. Этот союз поддержал король Польши и великий князь литовский Сигизмунд III Ваза, выступивший против зарождающегося казачьего движения за украинское самоуправление. Греко-католическая церковь Украины, или, как ее еще называют, униатская церковь, придерживается греческих обрядов и принимает женатое священство, но находится в полном общении со Святым Престолом. Униатская церковь никогда не допускалась русскими правителями и была запрещена советской властью.

В некотором смысле униатская церковь, несмотря на свою маргинальную роль, символизирует русский *Feindbild* (чудовище), или пугало: Рим, латиняне, иезуиты, паписты и католическую Польшу. Назначение уроженца Польши Збигнева Бжезинского советником президента США Джимми Картера по национальной безопасности в 1977 году и избрание Иоанна Павла II папой римским годом позже были совпадениями, но виделись идеологами в Кремле, такими как Михаил Суслов, как злоеший заговор.

* * *

Разделенная Польша возродилась после Венского конгресса как царство, связанное политическим династическим союзом с Российской империей. Подавленные польские восстания 1830–1831 и 1863–1864 годов привели к отмене любых остатков автономии. Польша была переименована в Вислинскую землю (*Привислинский край*) в 1888 году.

Русификация была инстинктивным ответом русских на восстания, но с предсказуемой реакцией в Польше. Несмотря на то, что польская аристократия владела землей на Украине до большевистской революции, попытки поляков привлечь украинских крестьян к восстанию потерпели неудачу.

Защита Украины от польского влияния стала лейтмотивом российской политики на десятилетия. Это относится и к развитию украинского национализма, и возникновению украинской письменности. Литературное наследие Тараса Шевченко считается фундаментом современной украинской литературы. Императорский указ от 1863 г. запретил религиозную и учебную литературу на украинском языке, кроме художественных произведений. Причиной роста количества учебников и книг для начинающих на украинском языке считались «политические интересы поляков» и «сепаратистские намерения части малороссов». Это резюмировал министр внутренних дел России Петр Валуев: «Отдельного малороссийского языка никогда не было, нет и не будет, а язык простолюдинов есть не что иное, как испорченный влиянием Польши русский язык». Этот приговор оставался в силе до Первой русской революции 1905 года, когда Российская академия наук признала украинский («малороссийский») самостоятельным языком.

Первое украинское государство возникло на руинах имперской России в 1918 году, но впоследствии было разгромлено Красной армией. Однако память об украинской государственности и независимости не была утрачена, как и имя Симона Петлюры, в те времена командующего Украинской народной армией и президента Украинской Народной Республики. Польско-советская война, закончившаяся в 1921 году, привела к присоединению бывшей австрийской Галиции к Польше. Символы Украинской Народной Республики — синий и желтый цвета, золотой трезубец в качестве герба и гривна в качестве национальной валюты — были вновь введены, когда Украина восстановила свою независимость после распада Советского Союза.

* * *

Путин прав, обвиняя Ленина в крушении Советского Союза. Большевики ввели право на отделение для составных советских республик, которое материализовалось в 1991 году. Они же предпочли построить государство, в котором внутренние границы отражали этническое разделение. И одновременно и Ленин, и Сталин продолжали критиковать великорусский шовинизм. А результатом стал рассвет Украины и Беларуси как признанных этнических образований.

Коренизация (буквально — «пускание корней») была ранней большевистской национальной политикой, которая позволяла в Украине, Белоруссии, во всех советских республиках и автономиях преподавать местные языки и продвигать их культуру. Терри Мартин характеризует

эту фазу существования Советского Союза как «империю позитивных действий». Украинский превратился из диалекта, на котором в основном говорили крестьяне, в официальный язык Советской Украины. Все закончилось в середине 1930-х сталинским террором и депортациями разных национальностей.

Больше всего пострадали национальные меньшинства из соседних стран: поляки, латыши и финны, не говоря уже о немцах. Советский патриотизм органично переплетался с традицией имперского русского патриотизма.

Во время голода, вызванного принудительной коллективизацией на Украине, Сталин напомнил своему доверенному помощнику и партийному боссу Советской Украины Лазарю Кагановичу о важности Украины, потому что [лидер Польши Юзеф] «Пилсудский не мешкает». Сталин видел Украину, как и Путин, через польскую призму. В классическом сталинском романе Николая Островского «Как закалялась сталь» (1934) есть характерный отрывок, в котором знакомые из родного края героя предстают польскими дипломатами в роскошном вагоне и презираются как предатели.

Слова министра иностранных дел СССР Вячеслава Молотова о том, что Польша была ублюдком Версаля, подводят итог пути ко Второй мировой войне. Четвертый раздел Польши привел к присоединению Галиции к Советскому Союзу. Самые отчаянные партизанские силы Украины вышли из Галиции и сражались под командованием Степана Бандеры на разных этапах войны против немцев и Советов, а также против польских формирований. Бандера обогатил русский словарь предателей еще одним синонимом: *бандеровцы*, в том же духе, что и *мазеписты*, и *петлюровцы*.

Сопrotивление советской оккупации продолжалось в Западной Украине и Литве дольше, чем в других присоединенных регионах, до начала 1950-х годов. По словам историка Сергея Плохия, Западная Украина превратилась во внутреннее пограничье, где режим проводил политику, отличную от той, что проводилась в остальной Украине.

* * *

Неудивительно, что треугольник «Россия — Украина — Польша» находится на переднем крае нынешней войны. Польша теперь самый преданный из всех друзей Украины, а польско-украинская граница — центр всей западной помощи. Легендарное ночное железнодорожное сообщение с Киевом начинается сразу за польской границей.

Драматический сдвиг границ после Второй мировой войны удивительным образом изменил Польшу. Впервые в своей истории Польша стала моноэтнической и моноконфессиональной. Несколько десятилетий спустя Советский Союз потерял свою внешнюю империю, страны Варшавского договора, а вскоре после этого и внутреннюю империю.

Якуб Юлиан Зиолковски (Jakub Julian Ziolkowski). Общество. 2019

Когда в 1991 году вновь возникла Украина, Польша признала украинскую границу. Цитируя Тимоти Снайдера, это был «антиимперский шаг поляков по отношению к самим себе». Интеллектуальным достижением движения «Солидарность» было переосмысление польско-украинских отношений. Количество украинцев, работающих в Польше, быстро росло. Визовые ограничения были сняты в 2017 году.

Переговоры по Соглашению об ассоциации между ЕС и Украиной в 2013 году закончились драматично и привели к революции на Майдане в феврале 2014 года, которая свергла ориентированный на Москву режим президента Виктора Януковича. Всегда бдительная российская пропаганда, опираясь на исторические аллюзии, окрестила попытку ЕС переманить Украину ближе к себе новой «полтавской коалицией», поскольку наиболее активными сторонниками сделки были Польша и Швеция.

Владимир Леицёв. Кадр из мультфильма «Пропавшие в снегах». 2007

*Треугольник
«Россия – Украина –
Польша» находится
на переднем крае
нынешней войны*

В 2014 году после аннексии Крыма и попытки не только захватить Донбасс, но и создать новую «Новороссию», то есть отрезать Украину от Черного моря, российский политик-националист Владимир Жириновский написал главе Сейма Польши письмо с предложением присоединиться к демонтажу Украины. Недавно выяснилось, по словам бывшего главы Польского культурного центра в Москве (см. газету *Frankfurter Allgemeine Zeitung* за 11 мая 2023 г.), что Путин сделал такое же геополитически архаичное предложение премьер-министру Дональду Туску, который мудро предпочел проигнорировать его.

Как бы то ни было, Путин никогда не предполагал, что развязанная им война коренным образом изменит Европу. Он подтолкнул Финляндию и Швецию к вступлению в НАТО и открыл двери для членства Украины в ЕС. Когда война закончится, Россия столкнется у своих границ с двумя развитыми в военном отношении дееспособными соседями, противостоящими общему врагу. Польша и Украина связаны друг с другом крепче, чем когда-либо в истории.

Метафоры треугольника больше нет. Теперь он сплюснен, и остались только два полюса.

30 августа 2023 г. вышел в свет первый номер журнала «Горби», в день, когда ровно год тому назад ушел из жизни Михаил Сергеевич Горбачев.

«Горби» — это не журнал глорификации Горбачева. Он про другое, — пишет в своем обращении к читателю его главный редактор Андрей Липский. — В нынешней действительности запрос на успешный менеджмент мира и ненасилия невероятно высок. И наверняка будет расти и дальше. Горбачевское новое мышление обретает сегодня все большую значимость...

Мы хотим, чтобы в этом журнале были истории и сюжеты гуманистических попыток избавить мир от всякого рода насилия. И чтобы они сочетались с пристальным взглядом на современность и будущее».

Предлагаем читателю интервью Андрея В. Колесникова со **Стивеном Коткиным** — известным американским историком, профессором истории и директором отдела российских исследований Принстонского университета, исследователем сталинизма — о нынешнем режиме в России, перспективах и альтернативах.

Стивен Коткин: «Нужны инвестиции в российский народ, а не в государство»*

Стивен Коткин,
историк

Андрей В. Колесников,
журналист, политолог

— Начнем с главного. Объясните, пожалуйста, как историк, что произошло с миром? Или если не со всем миром, то с Россией?

— Что ж, есть одна закономерность. Закономерность, проявлявшаяся на протяжении многих веков. Она не постоянна в каждый исторический период, но вытекает из российских амбиций, из стремления России быть великой державой первого порядка, что называется, провиденциальной — державой под Богом, державой с особой мировой миссией, особой страной. И это очень давнее стремление России.

Оно прослеживалось при многих и многих различных режимах. Причем Россия — не единственная страна, которой свойственны подобные устремления.

* <https://gorby.media/issues/1>

Но проблема России в том, что ее устремления не соответствуют ее возможностям.

Между этими возможностями и стремлением быть державой первого порядка — очень большой разрыв. Инструментом сокращения и, возможно, устранения такого разрыва было государство.

Поэтому под руководством государства Россия неоднократно проводила принудительную модернизацию, призванную подтолкнуть страну в направлении, отвечающем этому ее стремлению быть великой державой первого порядка, державой с особой миссией в мире. Иногда на протяжении короткого периода времени это срабатывало.

Синдром несоответствия

Что в итоге получается? Вы проводите принудительную модернизацию, даете толчок, совершаете небольшой рывок, но потом приходите к застою и упадку.

Мало того, пытаясь построить сильное государство, чтобы преодолеть разрыв между собой и сильнейшими странами, вы приходите в итоге не к сильному государству, а к персоналистской власти.

Это происходило снова и снова: при царизме, при советской власти, а теперь и в постсоветский период.

В каждом периоде не всё так, как в другие времена, есть много важных различий, но закономерность узнаваема. И в рамках этой закономерности, когда устремления превышают то, на что можно рассчитывать, в попытке преодолеть отставание прибегают к силе государства, а затем переходят к персоналистскому правлению. И судьба страны увязывается с судьбой единовластного правителя. И утверждают, будто выживание страны зависит от выживания режима.

У России есть выбор. Либо она каким-то чудом расширит свои возможности, чтобы соответствовать своим устремлениям, либо откажется от стремления быть державой первого порядка, провиденциальной державой, державой под Богом.

Посмотрите на опыт Франции и Англии, а также Японии и нацистской Германии: все эти четыре страны испытывали похожее стремление. Две из этих стран отказались от такого стремления добровольно: Англия и Франция. С трудом, ибо отказаться от него нелегко. А у японцев и немцев это желание было отбито поражением в войне.

А сегодня стремление быть державой первого порядка проявляют Китай, США и Россия. И мы видим, что Россия, безусловно, слабейшая из этих трех стран и она страдает от названной закономерности, или, если хотите, от синдрома несоответствия. Избавиться от него можно, только если привести два фактора в соответствие — либо расширить возможности, либо умерить желания.

Наиболее значим для России пример Франции. Франция — страна с сильной монархической абсолютистской традицией, с обширной

бюрократией. Еще у нее в истории — революция, которая была болезненным процессом, а также «традиция» угрожать своим соседям. Во времена Наполеона, как мы знаем, Россия сыграла большую роль в том, чтобы Наполеон отступил к Парижу и в конце концов лишился власти. И Россия может стать такой страной, как Франция. Она может быть страной с монархическими абсолютистскими традициями, бюрократическими и революционными традициями, но больше не угрожающей своим соседям.

Россия могла бы стать такой страной, но для этого нужно отказаться от стремления встать на одну доску с Китаем и США.

— *А что вы можете сказать о значении русской имперской идеи, русско-го мессианства и «особого пути»?*

— У каждой страны свой, особый путь. Ни одна страна не похожа на другую. Россия в этом смысле ничем не отличается от остальных. Есть британский путь, немецкий путь, японский путь. Вопрос не в особом пути. Дело в природе институтов. В том, как осуществляется управление. Есть ли ограничения для исполнительной власти? Есть ли у общества потенциал для процветания и для того, чтобы государство было инструментом общества, а не общество — инструментом государства?

Россия в культурном отношении — европейская страна. Ее культура многослойна. В ней есть и восточный слой, как мы знаем, от татаро-монгольского ига. Здесь господствует восточная, а не западная ветвь христианства, но культурно Россия относится к Европе. Однако институционально это не западная страна.

*Культурно Россия
относится к Европе.
Однако институционально
это не западная страна*

Можно привести сравнение с Японией. Япония не относится к Европе в культурном отношении, но в институциональном — это европейская, точнее, западная страна.

Так что Япония — страна западная, но не европейская. А Россия — европейская, но не западная.

Посмотрите на успех Японии, а также бывших японских колоний — Южной Кореи и Тайваня. Это азиатские страны. Они образуют так называемую первую островную цепь: Корейский полуостров плюс острова в Азии. Они очень далеки от Европы, но сегодня это государства западного типа.

В них существуют ограничения для исполнительной власти. У них динамичная, свободная и открытая рыночная экономика. И там государство находится на службе у общества, а не наоборот.

Получается, что для России путь, который она выбрала, чтобы стать великой державой первого порядка, почти никогда не был успешным, и он отдалил Россию от Запада, в то время как неевропейские страны сумели присоединиться к Западу.

Недолговечные вершины

У России было три исторических вершины. Первая — когда Петр Великий победил шведского короля Карла XII, и в начале XVIII века Россия, как вы знаете, получила выход к Балтийскому морю.

Вторая вершина была достигнута, когда Александр победил Наполеона и дошел до Парижа. И главенствовал в определении условий мира.

Ну и, конечно, следующей вершиной была победа Сталина над Гитлером, когда войска Сталина дошли до Берлина.

За каждой из этих вершин в истории России (победа Петра Великого над Швецией, Александра I над Францией и Сталина над Германией) вскоре следовал период упадка. После великой победы над Наполеоном до Крымской войны, как вы знаете, оставалось не так уж долго: через два поколения — поражение в Крымской войне. А крах Советского Союза случился через три поколения после разгрома Гитлера.

Таким образом, эти вершины оказались недолговечны и неустойчивы. В остальное время Россия по большей части была слабее, чем любая из держав первого порядка. Но вкус державной мощи, ощущение вершины подпитывают стремление повторить прежнее достижение, вернуться на то место, которое Россия когда-то занимала.

Так что это своего рода понятное искушение. Оно очень глубоко укоренилось в элите. Однако это искушение — иллюзия. Идти по этому пути — значит гнаться за химерой. И кто будет расплачиваться? Российский народ? Соседи России?

Россия должна быть великой страной с блестящей репутацией. В свете всех ее культурных достижений невозможно представить себе мировую цивилизацию без русского вклада. Живопись, музыка, танец, литература, искусство, наука — по своему вкладу во все это Россия не уступает никому.

Россия должна быть процветающей страной, а не страной, которую презирают, которая стала изгоем и находится в упадке, застое или экономическом спаде. Это трагично не только для соседей России, но и для нее самой. И поэтому надо попытаться взять пример с Франции: признать важность реформ, необходимых для того, чтобы превратиться в страну не только с европейской культурой, но и с западными институтами.

И согласиться с менее значительным положением в международной системе, как сумела Франция. Учтите, Франция шла на это неохотно. После кризиса 1956 года Франция была весьма недовольна тем, что ее статус великой державы ослаб. Она тяжело переживала утрату империи.

Французы много лет воевали в Алжире. При де Голле Франция пыталась отстоять какую-то автономию в рамках европейской системы и в рамках Североатлантического альянса. Франция пыталась навязать французский язык международным организациям. Она прошла

Корнелия Паркер (Cornelia Parker). Холодная темная материя: наблюдение за разрушением. 1991

трудный, но успешный путь — ей удалось сохранить гордость великой страны, но также пришлось принять менее значительную роль в международном устройстве. И в результате удалось добиться процветания и мира для французского народа и его соседей.

Я думаю, такое было бы большим достижением для России. Однако вместо этого мы сейчас имеем то, что имеем.

— Значит, можно сказать, что Путин стремится пойти по стопам Петра Великого, покорившего Балтику, по стопам Александра, дошедшего до Парижа, и Сталина, дошедшего до Берлина, — то есть хочет добраться до той точки, где в его представлении лежит возвращение величия России?

— Да, каждый раз это происходит все менее убедительно. Видите ли, эта попытка устранить стратегическую слабость России лишь еще больше ее ослабляет. Путин думает, что преодолевает эту слабость, но он делает Россию только слабее. Он почти пленник этой задачки о мощи России в мире.

Между сталинизацией и десталинизацией

При Сталине система принуждения была гораздо жестче и было подчинение Восточной Европы, но для Советского Союза все это означало перенапряжение сил. Сталин выиграл войну, но проиграл мир. Потому что в 1990-х годах, после распада Советского Союза, все войска России пришлось отвести из Восточной Европы, и даже из стран Балтии, обратно к Москве. Они отступали по тем же дорогам, по каким отступал Наполеон, только в обратном направлении.

Так что Россия победила в войне — Второй мировой войне, Великой Отечественной войне, но проиграла мир. И сейчас Россия географически дальше от центра Европы, чем в любой период со времен Петра.

— Что ж, вы объяснили эту логику. Но мне кажется, что, вообще говоря, вся история современной России — это чередование периодов сталинизации и десталинизации. И сейчас мы переживаем очередную реинкарнацию процесса сталинизации. Кто-то может сказать, что до

Запад сильнее.

Его экономика

динамичнее.

И его технологии

лучше

Сталина нынешнему режиму еще далеко, но в любом случае похоже, что российской истории свойственна некая цикличность, чередование периодов.

— Да, надо быть осторожнее и не сравнивать Путина со Сталиным. Разница вам известна. При Сталине было убито миллионов 18–20, не считая жертв войны, развязанной Гитлером. Путин не является фигурой того же масштаба, что и Сталин, и никогда ею не будет. И хорошо, что так.

Но вы правы. Есть некая закономерность или синдром в том, что, как мы видим, антизападничество набирает очень и очень большую силу.

Репрессии внутри страны и антизападничество, направленное во вне, сочетаются и почти всегда идут рука об руку.

А затем наступает период прозападничества или сближения с Западом и либерализации внутри страны.

Периоды антизападничества и репрессий были более продолжительны, чем периоды прозападничества и внутренней либерализации. Фигуры, стоящие на позициях антизападничества и репрессий, как

правило, более популярны в воображении россиян. Поэтому искушение попробовать еще раз, даже если раньше не удалось, не исчезло.

Сидя в Кремле и говоря о том, как сильна Россия, как велика русская цивилизация, вы в то же время осознаете ее относительную слабость. Вы видите свою армию — и видите армию Запада. Вы видите свою экономику — и западную экономику. Вы видите свою «мягкую силу» — и «мягкую силу» Запада. И по всем параметрам вы слабее Запада.

И у вас возникает соблазн попытаться как-то преодолеть этот разрыв. И соблазн пойти на репрессии. Вы думаете: да, я на это способен. Пусть Запад сильнее, а я слабее, но у меня все равно это получится.

И еще вы слышите множество мифов и сказок. Запад разлагается. Запад в упадке. Запад ни за что не станет сражаться. Запад коррумпирован. Но каждый раз, когда эти мифы испытывают на прочность, оказывается — нет, Запад не в упадке. Не разлагается. Не убегает от сражения. Оказывается, что Запад сильнее. Он свободен. Его институты на самом деле сильны. Его экономика динамичнее. И его технологии лучше.

Откуда берется либерализация

Так отчего же случаются эти периоды либерализации? Оттого, что Россия упирается в стенку, приходит к застою и упадку. Когда представители элиты — не народ, а суровые мужчины, составляющие опору режима, сотрудники служб безопасности, военные — приходят к пониманию, что отрыв от Запада становится не меньше, а только больше. И, как правило, именно эти люди принимают решение, что нужно выправлять ситуацию, сближаться с Западом.

Вы ведь знаете, откуда взялся Горбачев? Михаил Сергеевич? Да, он прибыл из Ставрополя. Мы знаем его историю, но он протезе Андропова, он протезе суровых мужчин, опоры режима.

Понимаете, КГБ куда раньше осознал, что отставание от Запада нарастает. Советский Союз проигрывал конкуренцию в холодной войне.

Это понимали в КГБ. Они смотрели на то, что произошло в Польше, на польскую «Солидарность». И смотрели на то, что происходило в советской экономике. Только они владели точной информацией, для всех остальных информация была под цензурой и режимом секретности.

И вот они выдвигают человека, который не коррумпирован, который, как они надеются, вдохнет в систему новую энергию, и одобряют сближение с Западом — не для того, чтобы сдать позиции, не для того, чтобы отказаться от стремления быть сверхдержавой, великой державой первого порядка, а для того, чтобы снова поднять Россию до этого уровня.

Одно из первых же обращений Горбачева к Западу содержало просьбу отменить контроль за экспортом технологий, поскольку страна голодает, а экспортный контроль лишает Советский Союз технологий с Запада. По той же причине КГБ создавал всякие подставные компании,

прежде всего в Германии, чтобы нелегально приобретать западные технологии. Потому что такой ослабевшей державе, как Россия, которая экспортирует сырье — раньше это было зерно, потом углеводороды, то есть нефть и газ, — нужна технология с Запада.

А в сегодняшней России мы имеем технологическую пустыню. Она хуже, чем в позднесоветский период. Так что может случиться, что кто-нибудь придет и скажет: эта стратегия терпит провал. Мы все больше отстаем от Запада. Слабость России усугубляется. И нам снова необходимо сближение с Западом. Нам нужно добиться снятия санкций. Нам нужна передача технологий.

Но такой шаг еще не выйдет за рамки великодержавного синдрома. Это еще не преобразование. Преобразование начнется тогда, когда скажут: нам нужно менять внутренние институты, чтобы страна стала больше похожа на Францию. Нам нужно установить ограничения на исполнительную власть. Они нужны не потому, что страна большая. И нужны не ограничения по обстоятельствам, а ограничения, заложенные в институциональные структуры. Реальные конституционные ограничения, встроенные в так называемую систему сдержек и противовесов или разделения властей, восходящую к идеям Монтескье.

Вот тогда будет по-другому. Это было бы не просто сближение с Западом, передача технологий, дружба с Западом на короткое время, чтобы затем снова пойти тем же путем, что и сейчас, используя механизмы принуждения. Это было бы фундаментальным институциональным преобразованием.

Инвестицией в российский народ, а не в российское государство.

И это возможно. Подобное происходило при Борисе Ельцине. Помните — соратники Ельцина изучали французскую конституцию, французский государственный строй. Люди думают, что они копировали американскую систему. А на самом деле соратников Ельцина больше всего интересовала именно французская система.

И это была верная идея. Но ее реализация провалилась. Крах Советского Союза продолжался и после 1991 года. Россия унаследовала этот крах вместе с хаосом. Многие видели, например, что Ельцин нездоров. Другим не нравилась приватизация: люди, занимавшие государственные должности, во многих случаях получали под свой контроль собственность, что в глазах народа было нелегитимно.

Так что никакого перехода и не было: просто продолжались крах и хаос с выдвиганием идей о том, что, может быть, России предстоит стать такой же страной, как Франция. В девяностые годы этого добиться не удалось. Но ситуация может повториться. Потребуются твердые люди внутри режима, которые скажут: нынешняя стратегия ведет к провалу.

— Но, похоже, процесс был сложнее. Я имею в виду, что перемен желал отнюдь не только КГБ, но и некоторые группы в ЦК КПСС, Госплане,

интеллектуалы при власти и в академической среде. Это было более широкое движение, и перемен хотели в том числе снизу.

И еще один момент. Когда после афганской войны были введены санкции, под угрозой оказались целые сектора или даже отрасли — например, химико-технологическая промышленность. И это видела не только элита КГБ, но и промышленная элита.

— Директора. Совершенно верно.

— Министерства, отраслевые министры, люди из правительства.

— Именно так. В этом заключалось превосходство советской системы над путинской. Она была организована. Заинтересованные группы были организованы в рамках институций и могли выражать свои интересы.

Прежде всего проводились заседания Политбюро. Горбачев мог многое делать как хотел, без всяких указаний. Но вот созывалось заседание, куда он должен был прийти и рассказать о том, что делает. А сейчас мы этого не видим.

Нет института, подобного заседаниям Политбюро. Нет групп промышленного лобби, таким же образом организованных при министерствах. Они существовали даже при Викторе Черномырдине. После 1991 года были, а сейчас их нет. Так что в условиях персоналистского режима институционализация фактически отсутствует.

Но КГБ играл критически важную роль, потому что на самом верху он держал под контролем каналы связи. И если в некоем кругу обсуждалось, кто придет на смену Черненко, то сотрудники КГБ их прослушивали. Они же пристально следили за происходящим.

Стратегическое поражение и альтернатива

Мы пока не видим признаков изменений. Ничто о них не свидетельствует. Но они могут проявиться под давлением общества. Некоторые промышленники, у которых сейчас нет представительства, могут внезапно взять и создать ассоциацию — если откроется возможность, если они перестанут бояться. А кроме того, организация может возникнуть и «после того», а не «до того».

— Да, это один из возможных сценариев, но оснований для оптимизма не так много, потому что ситуация, в которой находится Россия, может затянуться, оставаясь в прежних рамках.

— Конфликт с Украиной — это стратегическое поражение. Россия теряет свои позиции в мире. С этого ей придется начинать, а затем, чтобы добиться институциональных преобразований, надо будет проводить их гораздо глубже, вовлекая в них общество в целом.

Это удалось Польше, потому что она вступила в Европейский союз. Это удалось Японии, Южной Корее и Тайваню, потому что они были союзниками США.

Виталий Левченко. Не могу поступаться принципами. 1988

*90-е годы были временем
большого насилия.
Но и временем
открытий: открывалось
сознание людей,
расширялся их опыт*

Каков же будет механизм, посредством которого это сможет сделать Россия? Сейчас Россия сблизилась с Китаем. Она движется в направлении, противоположном предлагаемому мною. Китай не обладает механизмом, годным для преобразования внутренних институтов России в сторону ее вестернизации на устойчивой и долговременной основе. Поэтому может случиться так, что близость к Китаю превратится в про-

блему, которая спровоцирует реакцию элиты. Слишком большая зависимость от Китая. Потеря Россией стратегической автономии.

Я этого не предсказываю. Я только говорю, что такое может произойти.

— К сожалению, похоже, что мы движемся по порочному кругу.

— К сожалению, да. Но были и достижения.

Когда закончился советский период, царил хаос, почти анархия. Воронство. Насилие. Не насилие между Россией и другими странами, а насилие внутри России.

Девяностые годы были временем большого насилия. Но и временем открытий: открывалось сознание людей, расширялся их опыт, открывались возможности. Особенно для тех, у кого прежде не было реального будущего. Россия надеялась на более светлое будущее. И это осталось в памяти людей.

Да, возникла и реакция, направленная против хаоса. Против обнищания в девяностых. Она, как вам известно, явилась одной из причин, по которой Путин стал популярен, — негативная реакция на все это.

Но по мере того как меняется настоящее, люди по-другому вспоминают о прошлом. Когда при Путине, в первый срок его президентства, наступил экономический подъем, довод о том, что девяностые годы были ужасным временем, еще имел силу. Сейчас при оглядке на девяностые годы этот довод уже не так действен и не так однозначен.

Россияне, проживающие за рубежом, — это обычно очень хорошо образованные люди. С предпринимательскими навыками. Они там открывают бизнес и зарабатывают больше денег, чем население в среднем даже в тех странах, где россияне образуют диаспору.

Виден огромный потенциал России, проявляющийся, как только людям представляются возможности.

И поэтому россияне есть везде — в Армении, Грузии, Казахстане, Кыргызстане, Турции, во всех странах, куда им не нужна виза. Кто-то из них преуспевает. Кто-то терпит неудачу и возвращается назад. Но те места, куда бежали россияне, сейчас переживают экономический бум. Они получили массу преимуществ от притока талантов из России.

Представьте себе этих талантливых россиян в их родной стране. Вы увидите, что потенциал России огромен. У нее масса возможностей, если она сможет найти путь к институциональным преобразованиям и отказаться от химерических попыток вести себя как держава под Богом с особой миссией в мире.

Так что это — тупик, что называется, *cul de sac*** . Совершенно очевидно, что Россия не на восходящей траектории. Это ясно всем. Это ясно и нам с вами, патриотам России.

Сейчас России еще труднее, чем раньше, представить себе возвращение в Европу. Но без Европы у России нет будущего. Россия, изолированная и полностью отрезанная от Европы, не сможет преуспеть как страна. А быть вассалом Китая — это не путь России к успеху.

*Без Европы
у России нет
будущего*

И, между прочим, не России решать, быть ли ей вассалом Китая. Это Китай выбирает, кого делать своим вассалом.

И очень может быть, что он Россию в вассалы не возьмет. Потому что в России неразбериха. Россия — это баскетбольная сетка, корзина без дна. Россия — это нечто, за что китайцы не хотят нести ответственность.

Ну и некоторые из тех русских, кто внутри режима, это осознают. Режим сузился, он охватывает куда более узкий круг, чем еще пять лет назад. Первый эшелон очень невелик. Второй и третий эшелоны отодвинуты, они очень далеки от первого эшелона. Они не знают, что происходит. Не знают, как принимаются решения.

** Тупик (фр.; дословно: дно мешка).

Но они живут и видят последствия. А последствия не позитивны. И поэтому если возникнет возможность для перемен, то еще неизвестно, что может случиться. Не исключено, что они ухватятся за такую возможность. Знаете, бывает, что авторитарные режимы терпят провалы во всем. Бывает, они даже проигрывают войну, но выживают — до тех пор, пока преуспевают в одном отношении: в подавлении политических альтернатив. Подавляя альтернативы, они способны пережить любые свои ошибки, поражения, которые сами же на себя навлекли, даже разгром в войне. Но если возникает альтернатива, авторитарные режимы могут очень быстро ослабнуть.

Откуда же берется альтернатива? Возможно, возникнет что-то лучшее внутри режима. Режим непрозрачен, и такие вещи всегда происходят случайно, а не запланированно.

— *Исторически все перемены исходили от верхов.*

— Вы правы. Они исходят от верхов, потому что таким образом построена система. Сейчас, поскольку государство контролирует общество, а не наоборот, изменения в основном формируются изнутри государства. Но даже большие перемены идут не только сверху — например, Горбачев являлся выразителем процессов, совершавшихся и в обществе тоже. Он получил высшее, университетское образование. И он — образчик трансформации общества в период после Второй мировой войны. Его соседом по комнате в общежитии Московского университета был Млынарж. Сталин умер, когда Горбачев учился в университете. Он посетил Чехословакию вскоре после Пражской весны.

Все это шло не сверху. Но Россия нуждается в некоем прорыве изнутри режима. И если такой прорыв произойдет, то он, возможно, трансформируется в нечто более широкое, с более широким общественным участием.

О примитивности диктатуры и нелепости тиранов*

Марк Гамза,
историк, Тель-Авивский
университет

Ежедневные новости из России уже давно отличает все возрастающая нелепость. Преступная война в Украине и попрание прав человека внутри страны разворачиваются на фоне ледящего кровь симбиоза идиотического и смехотворного. Для иллюстрации названия этой статьи можно было бы привести выдержки из речей Путина или, так как меня интересуют и события в Китае, Си Цзиньпина. Однако я решил сослаться на несколько новостей из широко известной «Медузы», независимого средства массовой информации, издающегося в Латвии и запрещенного в России.

1. Абсурд: случайные примеры

Вы наверняка помните антивоенных демонстрантов в России, арестованных только за то, что в руках у них были экземпляры «Войны и мира», а у других постеры с цитатами антивоенной направленности из речей самого Путина, постеры со звездочками (***) или даже чистые листы бумаги. «Медуза» собрала множество таких случаев под рубрикой «Лежал на тротуаре, произнося названия городов Украины» (29 июля 2022 г.).

Абсурдные обвинения, нелепость которых даже не пытаются скрывать, предъявляются оппозиционным деятелям, которые один за другим исчезают в государственных тюрьмах. Защитник Владимира Кара-Мурзы и Ильи Яшина сказал в интервью «Медузе», озаглавленном «Они считают, что тюрьмы недостаточно переполнены» (12 июля 2022 г.): «По версии полицейских, Кара-Мурза “изменил траекторию движения в собственном дворе”. Во втором случае Илья Яшин [якобы] “вылез из кустов и начал проявлять

* Статья написана на основе выступления на семинаре Школы в Риге 16 февраля 2023 г.

агрессию в отношении полицейских”. Вот я представляю себе абсолютно непьющего Яшина, который почему-то вылезает из кустов и начинает ругаться на полицейских... Это еще больший абсурд, чем “изменение траектории во дворе”. То есть эти люди даже не удосуживаются придумать менее абсурдные версии. Мне кажется, это не только показатель идиотизма наших правоохранительных органов, но и сознательный вызов: “Что бы мы ни сделали, все проканает”...

В январе этого года активистке в Бурятии, женщине за шестьдесят, собирались предъявить обвинение в нападении на полицейских с шариковой ручкой («Пенсионерку из Улан-Удэ собираются судить за “избиение силовиков” шариковой ручкой», заметка в «Медузе» 24 января 2023 г.).

*Используя эпитеты
«примитивный»
и «глупый»,
я подразумеваю
систему, а не людей*

Мы, кажется, вполне привыкли к этому шквалу глупостей, но мне бы хотелось задержаться и оглянуться: что, черт возьми, происходит? Хотя потоки бессмысленной болтовни захлестывали Россию за-

долго до 24 февраля 2022 года, их невозможно воспринимать как «новую норму». Да, это фарс, но неизмеримо более трагичный (очевидно, в первую очередь для жертв российской агрессии в Украине), чем смешной. Мать российского юноши двадцати одного года, заключенного в тюрьму за попытку уехать из страны и присоединиться к украинской армии, поделилась разговором с сыном: «У него постоянно как молитва: “У меня все хорошо, не переживайте. Мам, ну чего ты плачешь? Это же просто цирк. Я вот смеюсь”, — рассказывает Екатерина Фролова. — А я не смеюсь, — добавляет она. — Я говорю: “Даже если это цирк, ты в этом цирке кто: зритель, клоун, конферансье, акробат или животное, которое там в клетке сидит?” Ну в ответ, конечно, ничего» («Мам, ну чего ты плачешь? Это же просто цирк. Я вот смеюсь», «Медуза», 21 декабря 2022 г.).

Мой тезис выходит далеко за пределы утверждения об абсурдности цензуры или некоей «правовой системы» — нелепости, о которой свидетельствуют вышеприведенные примеры. Разумеется, они абсурдны, но примитивна и система в целом. Речь идет не только о строе, сложившемся в России: диктатуры XX и XXI веков примитивны по существу. Это путь в Северную Корею или в лучшем случае в Венесуэлу. Мне бы хотелось выразиться со всей определенностью: используя эпитеты «примитивный» и «глупый», я подразумеваю систему, а не людей. Нет такого понятия, как «примитивные народы». Человек волен изменить свое мнение. Однако системы, о которых я говорю, не подлежат реформированию — их необходимо демонтировать.

2. Проблема

Вот одна из самых острых на сегодняшний день проблем: как нам, думающим людям стран мира, бороться с натиском грубого, свирепого зла, которое основывается на потоках нелепой и, хочу подчеркнуть,

примитивной лжи? Даже если объектами нападения стали не мы сами, пока мы не найдем средства для концептуализации ответа, мы пребудем бессловесными и бессильными. Это в первую очередь относится к гражданам России, государства, которое применяет насилие и распространяет ложь во имя собственного народа, вероятно, считая своих граждан идиотами, готовыми поверить в пропаганду и поддержать агрессию. Как граждане мира, следящие за международными новостями, мы на ежедневной основе сталкиваемся с заявлениями других диктаторов, например, правителей в Пекине и Тегеране, или с речами потенциальных диктаторов, таких как Трамп (который, однако, может претендовать на членство в этом клубе только в силу своей непримиримости и иррациональности; демократическая система со сдержками и противовесами не позволила ему удержаться у власти после поражения на выборах при всех его попытках оперировать ложными доводами). Подобным образом, услышав заявления некоего представителя КНР, что в Синьцзяне нет концентрационных лагерей, или, скажем, столь же лживую (хотя и обновленную) версию китайской пропагандистской кампании, что, дескать, эти лагеря — лишь центры профессиональной подготовки, человек осознает, что ему лгут, благодаря тому, что он имеет доступ к правдивой информации. Так, можно читать статьи в *The Guardian* или «Медузе» или смотреть репортажи по CNN или BBC о геноциде уйгуров со стороны Китая. Можно было заметить, что эти лживые утверждения вовсе не отличаются изобретательностью или изощренностью: они плохо придуманы, не выдерживают элементарной критики (вспомните официальную российскую версию событий в Буче), распространяются с циничным расчетом. Основная предпосылка здесь — это презрение к тем читателям и зрителям, которые якобы не способны к независимым суждениям, и эпатаж остальной публики. («Мы знаем: вы знаете, что мы лжем, но мы лжем, потому что можем это себе позволить и потому что правда — для слабаков».)

Иногда ложь слишком абсурдна, чтобы пытаться ее опровергнуть. Да и следует ли оспаривать утверждения, единственная цель которых — засорять эфир и манипулировать ходом беседы? Стоит ли вообще пытаться опровергать ложь о том, что Украиной управляют неонацисты? Аргумент, который начинается со слов «Но ведь Зеленский сам еврей», на мой взгляд, играет на руку Кремлю. Более уместным было бы утверждение: «Вы лжете и сами об этом знаете». Пропагандисты (слово «политтехнологи» с большой точностью описывает эту профессию) мечтают измышления, предполагая, что если ложь повторить сотню раз, часть ее обязательно застрянет в общественном сознании и разовьется в «закономерную линию аргументации». Они желают превратить ложь в альтернативный факт, а если это невозможно, то хотя бы в приемлемую «точку зрения».

Как отвечать? Какой ответ на ложь предложит сознание критически мыслящего человека, который питает отвращение к риторике и действиям диктаторского режима и не желает, чтобы его принимали за глупца? А как стране отвечать на кампанию лжи, подобную той, что наряду с танками и пехотой вторглась из России в Украину?

Известны исследования языка и дискурса диктатуры — немецкой при нацистах, китайской при Мао, российской в Советском Союзе. Орбиту этих исследований теперь можно расширить до новояза в России при Путине и в Китае при Си. Однако ученые на Западе обычно стремятся объяснить, как подобный дискурс функционирует в исходной культуре и контексте. Другие точки зрения, особенно оценочные суждения или чувства возмущения и негодования, сразу вызывают подозрения в неуместном либерализме. Такие слова, как «примитивный» или «абсурдный», вычеркнуты из лексикона как политически некорректные (категоричность может сойти с рук, если назвать примитивным и абсурдным правительство собственной, но не какой-либо другой страны).

Повторю, что тезис, который я отстаиваю сегодня, имеет общую природу: я не просто имею в виду, что дискурс российской власти при Путине отличается примитивностью, но и то, что действия режима *одновременно* злобны и глупы. Мой аргумент состоит в том, что абсурдность подлежит диагностированию и анализу только вне исходного контекста; соответственно, так называемый герменевтический подход противен нашей цели. Призыв Клиффорда Гирца — евангелие культурной антропологии — «смотреть на вещи с оригинальной точки зрения» становится недейственным, вредным. В попытке понять механизмы борьбы за власть в таких институтах, как КПСС, или путинский режим, или компартия Китая, уместнее обращаться к средствам криминалистики, чем антропологии или политологии; эти режимы поддаются анализу, который применим для исследования мафии. Полагаю, что, помимо разоблачения очевидной лжи (исследователи и политики постепенно начали это делать в рамках всемирного противодействия потоку фейк-ньюз), нам следует проявлять пристрастность, дабы выступать против представителей этих режимов, которые заявляют о наличии у своих правительств некоей идеологии, позитивного видения или ценностей (тогда как в действительности они руководствуются во имя самосохранения лишь жадной властью и деньгами). Выявление абсурдности и примитивности российского, китайского, иранского или северокорейского режимов не отвечает на все наши вопросы в отношении этих систем и, конечно, не ставит точку в дискуссии. Однако такой подход позволяет внести нотку здорового скептицизма в примирительные речи многих либералов, относящих политические и дискурсивные нелепости в этих странах на счет «культурных особенностей», недоступных для анализа с точки зрения «западного здравого смысла».

Пожалуй, писателям чаще, чем ученым, удавалось отразить абсурд диктатуры, при которой им довелось жить: взять, к примеру, чешских изгнанников — Йозефа Шкворецкого в Канаде и Милана Кундеру во Франции. В позднесоветскую эпоху, а также в современной России и Китае писатели, хорошо осведомленные о разрыве между реальностью и языком официоза, изобличают несуразность жизни в горькой сатире (назовем имена Василия Аксенова, Виктора Пелевина и Владимира Сорокина; в Китае среди множества авторов абсурдистской и сюрреалистической прозы международное признание получили Юй Хуа и Янь Лянькэ). Драматурги, в свою очередь, исследовали сценические возможности театра абсурда.

3. Избранные стратегии

Русский писатель, навсегда покинувший родину вскоре после большевистской революции, показывает в своем творчестве один из подходов к рассматриваемой задаче. В романе Владимира Набокова «Под знаком незаконнорожденных» (1947) описывается кошмарное полицейское государство, расположенное где-то в Центральной или Восточной Европе. Гротескно-зловещий верховный правитель Падук по прозвищу Жаба в целях поддержания собственной абсолютной власти опирается на безжалостных, циничных агентов. В этой книге Набоков демонстрирует и присущее ему отвращение к «массам» — человеку с улицы, которого он подозревает и в глупости, и в жестокости. Таким образом, он сознательно порывает с «гуманистической традицией» русской литературы, которая задолго до коммунизма и социалистического реализма прославляла безраздельную «народную» простоту крестьян и рабочих. Набоковское предисловие к третьему американскому изданию «Под знаком незаконнорожденных» (1963) пестрит повторениями, то есть почти синонимичными выражениями отвращения и презрения. Вряд ли случайные в тексте столь изысканного стилиста, эти определения и эпитеты служат авторскому намерению утвердить обличение преступных режимов и их приспешников: эти «идиотские и презренные режимы... миры тирании и пыток» (с. 6); «жестokie, полоумные солдаты... абсурдные миражи»; «тупоголовая жестокость» — «придурков и дикарей» (с. 7). Словам автора вторит и аннотация издательства Penguin (ее вряд ли писал сам Набоков), в которой говорится о «гротескном идиотизме, тупоголовой жестокости и ужасающей абсурдности» мира этого романа.

В этих фразах немало патетики времен холодной войны, однако они показательны для позиции писателя. Роман «Под знаком незаконнорожденных» вырос из русского рассказа Набокова «Истребление тиранов» (написан в 1936 году в Берлине; позже включен в сборник 1956 г.

*Писателям чаще,
чем ученым,
удавалось отразить
абсурд диктатуры,
при которой им
довелось жить*

Рэй Баннаг (Raj Bunnag). «Белая ложь». 2022

«Весна в Фиальте»). Герой рассказа, повествующий от первого лица, мучим желанием убить примитивного, физически отталкивающего диктатора, которого он знал лично в дни юности. Лишь в финале он находит лекарство от своего наваждения, которое чуть не привело его к самоубийству. Это средство — смех: «Смех, собственно, и спас меня. Пройдя все ступени ненависти и отчаяния, я достиг той высоты, откуда видно как на ладони *смешное*. Расхохотавшись, я исцелился...»

Жестокость в глазах автора представляет собой эстетическую проблему, затем эстетика преобразуется в этику. Муки повествователя — и решение, которое он находит в космической перспективе, имеют сугубо частную природу; подобно главному герою «Под знаком незаконно-рожденных», он бежит политики и не питает надежд на демократию.

Позиция Набокова сопоставима со взглядами Иосифа Бродского и его романтической идеей (последняя красноречиво выражена в нобелевской лекции поэта 1987 г.), что эстетическое образование и мировосприятие могут предотвратить зло. Конечно, и Набокова, и Бродского можно упрекнуть в известном снобизме и политической бесчувственности. Но, несмотря на подводные камни, понимание того, что тоталитарное государство абсурдно и примитивно, представляет собой большую отдушину — дав верную оценку тирании, вы никогда не поверите в распространяемую тираном ложь. Кроме того, как показывает пример Набокова, презрение к злу не просто помогает выпустить пар — оно позволяет жертве сохранить достоинство, даже когда его попирают.

Разоблачение глупости целесообразно и еще по одной причине. Неудачи российского вторжения в Украину побуждают усомниться в ответственности диктатуры как военной машины. Управление посредством страха и принуждения не просто безнравственно — оно неэффективно. Просто демократия и либеральная экономика более функциональны.

Все диктаторы утверждают, что им нужна абсолютная власть, чтобы выполнить свою работу, навести порядок. Однако в долгосрочной перспективе они лишь приносят страдания своим гражданам и соседним странам. Генералы армий, которые возвращены в условиях этих систем, так же глупы и коррумпированы, как политики и полицейские. Они не способны справиться даже с поставленными перед ними «задачами по разрушению», а их грандиозные геополитические стратегии смехотворны.

Нам известны «диагностические» суждения такого порядка, например, слова заслуженного социолога Льва Гудкова: «Звучали лозунги освобождения Украины, дальше это сместилось на идею “денацификации” только Донбасса, затем — войны со всем Западом. Это говорит не только о качестве анализа [властями текущей ситуации], но и о стиле мышления нынешней власти, стратегическом идиотизме» («Это пассивная форма привычного соучастия в преступлениях государства», «Медуза», 18 июля 2022 г.).

А вот слова военного эксперта Павла Лузина: «Главная причина нынешнего поражения — это идиотизм российской власти. Идиотизм и психопатия. Потому что они поставили цель, которую не выполнит ни одна армия. К тому же сам авторитаризм российской власти делает невозможным существование офицеров, которые умеют работать головным мозгом» («Если ничего не поменяется, россияне медленно проиграют эту войну», «Медуза», 13 сентября 2022 г.).

4. Сила насмешки

В 2011 году китайский автор, путешествуя за границей, описал жизнь в коммунистическом Китае как абсурдный театр. Он разразился пламенной диатрибой: «Эта прогнившая система есть улюждок сталинско-маоистской идеологии и китайской политической культуры имперских времен, помесь закона джунглей с традиционной китайской хитростью и коммунизмом. Спустя десятилетия существования это существо стало монстром. Это чудовище суетное, тираническое и высокомерное. Оно никогда не признается в ошибках. Оно уничтожает людей во имя справедливости и реабилитирует их... также во имя справедливости. Оно требует, чтобы ему приписали заслуги за все положительное, и винит других во всех неудачах. Оно желает всем владеть и терпит только одну веру, веру в самое себя. Это чудовище допускает хвалу только одного рода, хвалу в собственный адрес. Оно владеет каждой газетой, каждой школой и каждым храмом. Без его разрешения не вправе цвести даже цветы» (Мужун Сюэцунь. «Посадить монстра в клетку» (Caging a Monster) — речь, произнесенная в Осло в ноябре 2011 г.).

*Один из проверенных
способов сражения
с тиранами —
это насмешки
с открытым забралом*

Несмотря на возможные последствия этой речи, Мужун вернулся в Китай и был вынужден удалиться в изгнание только летом 2021 года, выпустив в свет книгу «Смертельно тихий город» (Deadly Quiet City) о фиаско государственной системы управления в пораженном эпидемией коронавируса Ухане.

Один из проверенных способов сражения с тиранами — это насмешки с открытым забралом. Чарли Чаплин проделал это с Гитлером в «Великом диктаторе» (1940). В 2002 году, спустя два года после прихода к власти, Путин запретил сатирическую телепрограмму «Куклы», в которой марионетки высмеивали российских политиков, включая его самого. Диктаторы не ошибаются, полагая, что ирония принижает значение их власти, так как ирония действительно оказывает разъедающее воздействие на систему, которая требует ауры сакральности вокруг своих символов и провозглашаемых высоких ценностей. Соответственно, система налагает монополию на право высмеивания. Глумление над Западом и над либеральной оппозицией внутри России стало главным риторическим инструментом Кремля — от Путина и Медведева, Пригожина и Кадырова до последнего пропагандиста на федеральных телеканалах.

Однако режим не способен насмеяться над своими оппонентами, избегая осмеяния. Алексей Навальный опирался на юмор в своих знаменитых видеофильмах о коррумпированности Путина и его подельников, которые он и его команда производили и размещали на каналах YouTube. Иронией и юмором были проникнуты его выступления и защита в московском суде, который приговорил его к тюремному сроку в феврале 2021 года («Я был самым милым подсудимым на свете», «Медуза», 16 февраля 2021 г.). Следующее судилище, в апреле 2021 г., достигло новых высот абсурдности: Навальному пришлось отвечать на обвинения в оскорблении девяностопятилетнего ветерана Великой Отечественной войны. Суд над Любовью Соболев проходил схожим образом («Бесконечный карнавал — из заседания в заседание», «Медуза», 12 апреля 2021 г.). Поведение Навального не только образец героизма — это бесспорно, но и пример противостояния диктатуре посредством сочетания правды и иронии.

Писатель Дмитрий Быков показал абсурдность тоталитарной России будущего, всю низость этого зла в романе-предвидении «ЖД» (2006). У Быкова можно встретить более современные наблюдения диктатуры, чем, скажем, у Набокова и Бродского. Комментируя в настоящее время ситуацию в России из США, он часто употребляет слово «наглядность». Примитивность российской государственной пропаганды столь очевидна, говорит Быков, что вместо противопоставления этим речам рациональных аргументов достаточно их процитировать. Он подразумевает, что цитирование языка пропаганды извлекает его из единственного контекста, в котором к нему можно относиться серьезно, — уродство, извращенность этого языка становится явным при его

Чарли Чаплин. Кадр из фильма «Великий диктатор». 1940

воспроизведении в свободном обществе, где он более не опирается на репрессивную власть. Тут он издыхает как рыба, выброшенная на берег. Примером может служить эпизод, имевший место в начале марта 2023 года, когда во время встречи «Большой двадцатки» в Индии министр иностранных дел России Сергей Лавров тщился утверждать, что войну начала Украина, а не Россия. Вместо того чтобы пытаться оспорить столь бессовестное искажение реальности, собравшиеся дипломаты ответили Лаврову дружным смехом.

Быков также ссылается на письмо Николая Гоголя (1847), в котором содержится рецепт, «как черта выставить дураком» (письмо получило известность благодаря, в частности, эссе Дмитрия Мережковского «Гоголь и черт», 1906). Как писал Гоголь: «Уже с давних пор только о том и хлопочу, чтобы после моего сочинения насмеялся вволю человек над

чертом». Украинский филолог сосредоточивается на этой фразе, видя в ней стилистический ключ к вечному спору о том, был ли Гоголь в большей степени украинцем или русским. В его глазах смех человека над чертом — это типично украинская разновидность юмора. Основываясь на исследованиях творчества Гоголя Михаила Бахтина, он говорит, что в творчестве Гоголя «пошлость взрывается смехом». Любопытно, но эту статью Владимира Звиняцковского — «В чем же наконец существо “украинства” Гоголя и в чем его особенность» (2010) — все еще можно найти на веб-сайте Дома Гоголя в Москве.

Действительно, сегодня во главе Украины стоит актер комедийного жанра, и украинское правительство использует юмор в целях обороны. Уже в марте 2022 года был основан веб-сайт <https://sprotyv.mod.gov.ua/> (Центр национального сопротивления — The National Resistance Center), в материалах которого юмор и сатира предстают способом сопротивления российскому вторжению. Украинская контрпропаганда разоблачает и высмеивает российские фейки посредством сайта юмористической направленности <https://notaenota.com/>. Министерство обороны Украины полуофициальным образом поддержало сообщество сатирической направленности в Twitter — NAFO (North Atlantic Fella Organization — Организация североатлантических чуваков), девиз которого — «Эту глупость сказали вы, а не я», а талисман-мем — пес породы сиба-ину. Подобная сатира направлена на умаление претенциозной торжественности, присущей вражеской риторике, и выявление ее лживости. Один из тактических приемов — проецировать, словно в зеркале, образ российской пропаганды.

Уместно вспомнить, что в Древнем Китае зеркало, которое, как полагают, излучает положительную силу *ян*, раньше располагалось над входом в дом. Согласно логике китайских верований, демон, увидев свой образ в зеркале, был бы так напуган ужасным зрелищем, что не стал бы входить в жилище и наносить вред его обитателям. Той же цели служили и деревянные таблички с изображением демона.

Протестующие, которые поместили огромный портрет Путина с нижней челюстью черепа прямо напротив посольства Российской Федерации в Риге в марте 2022 г., возможно, не были знакомы с китайским обычаем изгнания демонов, но их действия имели схожие основания. Теперь, когда война продолжается второй год, перспектива изгнания черта через демонстрацию его уродства становится все более призрачной, что, однако, никак не умаляет важности показа и осмеяния чудовищной морды.

Подъем и упадок империй*

Юрий Слёзкин,
историк, член
Американской академии
искусств и наук

Что такое «империя»? В последнее время в академической среде снова активно обсуждается эта важная тема. В политической жизни данный термин нередко используется как ругательство: в Соединенных Штатах в основном левыми — в отношении самих США, а теперь — все больше и правыми тоже.

В академической среде существует традиция обсуждения истории США как истории империи. В последнее время традиция окрепла и стала более живой.

Самое, наверное, распространенное определение, данное уже в классической книге о сравнительной истории империй, очень широкое: империя — любое большое государство, которое управляет разными популяциями по-разному.

У этого же определения есть историческая (или, если угодно, диахроническая) версия: империя — государство, часть территорий которого лежат за пределами его первоначальных границ. То есть имеется в виду государство, которое расширилось и поглощало другие территории вместе с их населением. Причем речь идет не обязательно об этнических или религиозных группах — скорее, о группах населения, определяемых по-разному и управляемых по-разному, обычно несимметричным образом. Следовательно, есть некое центральное ядро — исторический центр исхода — и зависимые управляемые территории.

Части ученого сообщества такое определение видится слишком широким, его представители настаивают на самом базовом определении, а именно: слово «империя» римское по происхождению, «империя» — это Римская империя и все те государства, которые по ее примеру стали называть себя так. В учебниках по истории империями названы Византийская,

* Выступление на семинаре Школы в Риге 8 октября 2023 г.

Священная Римская, Габсбургская Австро-Венгерская, Российская, а также неевропейские государства, которые европейцам кажутся сопоставимыми или аналогичными европейским: Китай разных династий, особенно Хань и Мин, Османская и Монгольская империи, персидские государства разных династий.

Но такое определение сейчас, пожалуй, используется редко, большинство ученых предпочитают более широкое. Во-первых, оно легче для компаративистики — удобнее сравнивать. Согласно ему, и Советский Союз, и Соединенные Штаты — очевидно империи, поэтому их можно сравнить и с Римской империей, и с Османской, и с Португальской, и с прочими. Вторая причина, мне кажется, политическая: люди так обзываются, империями называют государства, которые сами не хотят видеть себя таковыми. И тут нельзя не сказать о Советском Союзе и Соединенных Штатах. После Второй мировой войны они были оппонентами на мировой арене, называли друг друга империями, но сами себя империями не считали.

В США во времена холодной войны СССР часто называли империей, в том числе «империей зла», а в Советском Союзе Соединенные Штаты чаще называли империалистическими

Интересно, кстати, что имеет место асимметрия. Ведь в США во времена холодной войны Советский Союз часто называли империей, в том числе «империей зла», имея в виду, что это очень плохое большое государство, угнетающее другие народы. А в Советском Союзе Соединенные Штаты чаще называли империалистическими, само слово «империя» использовалось редко. Но можно сказать, что как нет дыма без огня, так нет и империализма без империи или, по крайней мере, государства, которое потенциально хотело бы расширяться.

О том, что Российская империя была империей по любому из определений, споров нет. Если же говорить о ее специфике, то, прежде всего, она, в отличие от морских, континентальная. И многие ученые делают более или менее далеко идущие выводы из этого факта. В так называемых морских, колониальных империях — Британской, Голландской, Португальской, Испанской, Французской — обычно есть некое национальное государство и есть зависимые территории, управляемые по другим законам. А континентальных империях — например, династических китайских, Османской, Габсбургской — центр выражен не так ярко. Это же можно сказать про Российскую империю (а потом и про Советский Союз): центр размыт, статуса национального государства нет. Статус титульной нации непонятен (да она и не титульная). Статус православия как официальной идеологии меняется с годами и неочевиден. Разные группы управляются по-разному. Центральной группы как бы нет.

Тут надо сделать оговорку. Я сказал, что по традиции империями называют большие государства, управляющие разными популяциями

и территориями по-разному, но что значит «большие»? Это понятие относительное.

Вот, например, Латвия. Люди, здесь живущие, не все равны. Есть этнические латыши и есть русское меньшинство. Они управляются по-разному. У некоторых из них разный статус. Разный статус у языков, на которых они говорят. Однако назвать Латвию империей нельзя.

Или, скажем, Латгалия — часть Латвии, у которой другая история, латгальский язык обычно называют не диалектом латышского, а отдельным языком. Почему она не империя? Потому что маленькая. Словом, последовательного научного критерия тут нет. Критерий вроде бы есть, но сделать окончательный вывод непросто.

Или, к примеру, Израиль. Да, в Израиле очевидно национальное ядро, это этнократия, как и Латвия. И есть зависимые территории и популяции. Но Израиль тоже никто не называет империей.

А относительно Российской империи спора нет.

Еще пару слов о Латвии, в которой мы сейчас встретились. Она сыграла очень важную роль в истории Российской империи в процессе прорубания окна в Европу (которое теперь заколачивается). И если смотреть на Россию именно как на империю, то невероятно важную роль в ее истории сыграли остзейские, или балтийские, немцы. С территории нынешних Латвии и Эстонии они — что типично для империй — специально рекрутировались в сферы, где местному православному населению не доверяли или не очень доверяли. Здешние остзейские бароны играли важную роль в администрации, политической полиции, дипломатическом и офицерском корпусе, в промышленности и ремеслах. Каждый, кто знаком с русской литературой, может представить себе немца в любой из этих ролей, равно как и в роли учителя или управляющего в дворянском поместье.

Сами же латыши с большим отрывом лидировали среди сосланных в Сибирь за революционную деятельность в конце XIX — начале XX века. Причиной было сочетание определенных факторов: здесь был самый высокий процент безземельных крестьян, самый высокий процент помещичьего землевладения, и здесь же — латышское национальное возрождение, появление местной интеллигенции, профессиональной элиты. В результате сложения всех факторов к началу XX века среди политических ссыльных доля православных восточных славян — грубо говоря, русских, потому что в Украине было мало революционеров-неевреев, — примерно соответствовала доле русских в населении Российской империи. Количество латышей было пропорционально в восемь раз больше. На втором месте обычно шли евреи (в четыре раза больше), затем поляки и грузины. Это к вопросу о том, в какой степени русская революция, Первая мировая война, Гражданская война были именно восстанием против империи. *Имперской* войной, если угодно.

Если посмотреть на большевистскую партию в первом ее поколении, то ЧК тоже была почти наполовину латышской, революционная элита в значительной степени — еврейской и польской

И если посмотреть на большевистскую партию в первом ее поколении, то ЧК тоже была почти наполовину латышской, революционная элита в значительной степени — еврейской и польской. Потом, по мере изменения государственной идеологии, в ходе Большого террора, ко-

торый уничтожил практически всех латышей, влившихся в ЧК и Красную армию во время революции и Гражданской войны, это, конечно, изменилось.

Переходим к Советскому Союзу. СССР сам себя империей не называл, но, по нашему определению, безусловно, ею являлся и по размеру, и по составу. Обычно, когда сравнивают империи, чаще всего имеют в виду в качестве классической модели колониальные империи с заморскими террито-

риями. Исторически это не очень хорошо работает, хотя бы из-за неясного, аморфного, плохо определяемого статуса «центрального народа» Российской, советской империи.

Да, в Испании можно быть националистом — и слава богу, их порядочно — каталонским, или галисийским, или баскским. А кастильские националисты обычно испанские националисты, и кастильского национализма мало. То же самое можно сказать про немцев в Габсбургской империи. В Великобритании сейчас есть шотландский национализм, есть валлийский, а английский национализм, в общем, табуирован.

Про роль русских и России в советской империи так или иначе говорят часто.

И, наверное, самая популярная, важная тема, когда речь заходит о Советском Союзе как об империи, — обсуждение того факта, что Советский Союз был первой в истории *этно-территориальной федерацией*. Каждая пядь земли в Советском Союзе, как и все без исключения граждане, была определена этнически. Собственно, это первый подобный опыт в истории человечества. Статус тех, кто жил «на своей территории», в общем-то понятен, а статус тех, кто жил на других территориях, — не всегда, и там у них могли возникать проблемы либо, наоборот, некие особые преимущества.

Когда Советский Союз распался, на его месте появились более или менее идеологически мононациональные государства и Россия. При этом Россия по-прежнему называет себя многонациональным государством и по нашему определению, безусловно, остается империей. Ее называют империей как в ругательном, так и в академическо-описательном смысле.

Кстати, вопрос: сочли бы вы Польшу, Болгарию, ГДР частью советской империи? Многие отвечают утвердительно.

Хуан Юнпин (Huang Yong Ping). Спрут. 2016

Есть традиция подразделять империи на «формальные» и «неформальные». Начало традиции — в историографии Британской империи пятидесятих годов XX века.

«Формальная империя» — это когда речь идет о территориях и группах населения, формально включенных в пределы государства, его суверенитета и так далее.

«Неформальная империя» — когда у какого-то государства теоретически есть суверенитет, а фактически его нет или его немного и он в той

Когда говорят о Советском Союзе как об империи, важнее всего тот факт, что СССР был первой в истории этно-территориальной федерацией. В Советском Союзе все граждане были определены этнически

или иной степени зависим от кого-то еще. В истории Британской империи термин ввели в отношении многих мест, таких, например, как Уругвай, который Британия специально придумала в качестве своей зависимой территории в Латинской Америке. Примерно то же было в Аргентине, хотя ее не англичане придумали, в Китае после опиумной войны. Появились определения типа «открытые порты», «дипломатия канонерок» (Gunboat diplomacy) и т. п. Сам термин «неформальная империя» вошел в

широкое употребление, особенно в отношении Великобритании. Потом этот термин стали применять и к Советскому Союзу.

Территория Советского Союза, та же Латвия, — это часть формальной империи, а Болгария — часть неформальной империи. У Болгарии есть суверенитет, у нее футбольная команда на чемпионате мира, делегация в ООН (хотя у Украины и Беларуси тоже были делегации), но свобода маневра заведомо ограничена.

Ну и самое, наверное, интересное в разговорах об империях — это Соединенные Штаты.

В общем, если применять наше определение, то США всегда были империей. Штаты начинаются как колония Британской империи, а потом, по мере континентальной экспансии, включают в себя новые территории. И все эти территории, прежде чем быть включенными в состав Соединенных Штатов, прежде чем получить статус штата, являлись зависимыми. То есть на протяжении всей своей истории, по крайней мере до начала XX века, США состояли из штатов и из так называемых территорий. Некоторые, как Нью-Мексико, ждали статуса штата 60 лет (хотя обычно меньше). Но, так или иначе, наше определение — *разные территории и группы населения, управляемые по-разному*, — подходит. Плюс, естественно, наличие индейских резерваций: они до сих пор управляются по-разному, а племена, живущие в них, имеют особый статус. До 1865 года имел место институт рабства; рабы тоже группа населения, которая живет и управляется по другим законам. С этим определением

большинство американских мейнстримовских историков не согласится, но сейчас такое понимание набирает вес.

К началу XX века континентальная империя как бы превращается в национальное государство, перестает быть империей — и тут же начинается экспансия, выход за собственные границы. Соединенные Штаты стали такой же традиционной империей, как и любая европейская, когда присоединили к себе после испано-американской войны Филиппины, обеспечили протекторат над Кубой, позже Гуамом, Гавайями, Пуэрто-Рико.

Большинству историков интересно не то, что США сделали формальной империей, а то, как недолго они ею были. После Второй мировой войны Гавайи стали штатом, Аляска — тоже. Куба еще раньше перестает быть формальным протекторатом и становится частью того, что можно было бы назвать неформальной империей. Филиппины получают независимость. Но не все знают, что сегодняшние Соединенные Штаты делятся на штаты с полными правами и на так называемые неинкорпорированные территории, статус которых (и, соответственно, статус их граждан) отличается от статуса остальных и является неполным. Пуэрто-Рико, Гуам, Самоа, Виргинские острова — это неинкорпорированные территории.

Наконец, «неформальные империи». Если мы принимаем оппозицию «формальных» и «неформальных» империй, если мы признаем существование «неформальных империй», то, конечно, Соединенные Штаты — самая большая, мощная империя в истории человечества, имея в виду охват, количество территорий, групп населения, так или иначе зависимых от США.

О нынешней России, в общем, дискуссий нет, речь идет просто о масштабе. Нынешняя Россия — это как бы «региональная империя», а Соединенные Штаты — «глобальная».

К вопросу о «закате империй». Сейчас появилась целая группа не то чтобы ученых, а, скорее, наблюдателей, которые считают, что Россия находится на грани коллапса, фрагментации и что вот-вот мы будем наблюдать конец Российской империи. И то же самое говорят про США.

Дискуссия: вопросы и ответы

Вопрос: В вашем описании меня смутила одна вещь. Определение касалось размеров государства и взаимоотношений между разными его частями, но не политического строя. По моим представлениям, в империи обязательно должен быть император, должна быть централизация власти. Возможна ли демократическая империя? Что касается США, то других прецедентов империй без центральной авторитарной власти история, пожалуй, не знает.

Юрий Слёзкин: Да, есть ученые, которые придерживаются такого мнения. Например, мой коллега Доминик Ливен, замечательный исследователь Российской империи, в своей недавней книге *The Emperor in World History* (2022) пишет о государствах-империях, которыми управляют императоры. Он заканчивает свою историю на Хирохито, императоре

*Империя может быть
в ядре своем демократической.
Британская империя
формально была монархией,
но управлялась парламентом*

Японии, правившем с 1926-го вплоть до своей смерти в 1989 году. Ему так проще, не надо участвовать во всех этих спорах о том, являются ли империями Советский Союз и США.

Но, конечно же, империя может быть в ядре своем демократической.

Британская империя формально была монархией, но управлялась парламентом. Причем расцвет Британской империи, самая ее мощь пришлась на середину XIX века. И тут нет сомнения в том, что это неполная демократия. О полной демократии где бы то ни было речь заходит редко. Американское левое крыло политической жизни и Америку сейчас не считает демократией. Но если придерживаться более или менее конвенционального определения, то для этого разделения — на полную и неполную демократию — империя совершенно необязательно должна быть демократической. Голландию иногда тоже называют империей, по крайней мере отчасти, с некоторыми важными признаками демократии...

Вопрос: То есть можно сказать, что империя может быть и республикой?

Ю. С.: Опять же, все зависит от нашего определения. Я начал с определения, доминирующего сейчас в исторической науке, мы не обязаны ему следовать. В этом определении речи о режиме нет, но, конечно, он может обсуждаться. В том смысле, что империя, по определению или по большинству определений, это государство, состоящее из некоего ядра и других территорий, управляемых по-разному, по законам, отличающимся от законов, прилагаемых к ядру. Ядро может иметь парламент, как было в Великобритании. А уже страны Восточной Африки, Китай и Уругвай устроены иначе. Но, пожалуй, по крайней мере для большинства историков, тут нет проблем.

Вопрос: *Я полагаю, империя — это в первую очередь государство, которое строится на насилии, подчиняет себе более слабые страны и за счет этого растет и самоутверждается. Поэтому, на мой взгляд, Латвию и Израиль нельзя назвать империями. И мне кажется, что каждая империя управляется страхом.*

Ю. С.: Вы озвучили две вещи. Первая: империя предполагает экспансию. Это не входило в определение, с которого я начал. Если кому-то это интересно, рекомендую книгу Фредерика Купера и Джейн Бербанк «Империи в мировой истории: власть и политика различий» (*Empires in World History: Power and the Politics of Difference*, 2010), очень популярный в англоязычной академической среде труд по сравнительной истории империй. Можно сказать и так: действительно, империя — это или результат экспансии, или государство, вовлеченное в процесс экспансии. Такая формулировка вполне уляжется в большинство определений.

И второе, про насилие. Ну что ж, любое государство — это, по самому классическому определению Вебера, монополия на насилие. Неотъемлемые составляющие любого государства — армия, полиция. Другое дело, что можно говорить о характере насилия. Тут вы соединили насилие и экспансию. Да, есть империи, которые в свое время расширялись насильственным путем, как и большинство империй, которые мы называли: Римская, Османская, Португальская, Британская, Американская. Это если говорить об экспансии континентальной. А потом они как-то застывают, и происходит рутинизация политической жизни, активной экспансии нет, активного насилия не очень много, не больше, чем в других государствах.

Насилие империи чаще всего связывают с экспансией вовне. Национальные государства обычно упоминаются в качестве противоположного полюса. Империя по определению многообразна внутренне, она признает многообразие и живет им. А национальное государство стремится к единству. Но ведь и стремление национального государства к единству может быть насильственным. Что происходит, когда государство пытается свести себя к одной этнической группе? Оно или уничтожает другие, или каким-то образом подчиняет их. Если, скажем, цель Латвии — сделать страну латышской, то надо что-то делать с русскими, и в данном случае имеет место политика ассимиляции.

В Израиле проводится политика, которую кое-кто называет апартеидом. Но там разный статус у разных жителей — подчиненный и центральный. Тоже, в сущности, насилие, которое порождает новое насилие.

Так что смысл имеет, на мой взгляд, говорить не просто о насилии в империи, а о характере насилия.

Вопрос: *Есть еще более жесткий пример — Османская империя, в которой было разное насилие, но, как только Турция стала национальным государством, тамошним национальным меньшинствам пришлось совсем плохо.*

Ю. С.: Да, и, освободившись от так называемого османского ига, балканские национальные государства стали воевать друг с другом ровно так же, как национальные или протонациональные государства.

Вопрос: *Можно ли Европейский союз считать неформальной империей? Есть ли риск, что в будущем ЕС станет ею?*

Ю. С.: Об этом сейчас много пишут. Я специально не слежу за публикациями, но действительно широко распространилось мнение, что Евросоюз, по сути, есть процесс создания империи. Правда, говорят и о том, что этот процесс приостановился или даже обратился вспять из-за вой-

*Широко
распространилось
мнение, что Евросоюз,
по сути, есть процесс
создания империи*

ны, а также из-за утраты Европой значительной части автономии по мере все более интенсивного включения ее в Американскую империю.

Много разговоров — особенно в среде ученых, обращающих внимание на центральную роль Германии в европейской экономике, — об асимметрии внутри этой экономики, о составных

частях, управляемых по-разному. О том, что Латвия, к примеру, поставщик дешевой рабочей силы, а Германия — центр производственных мощностей. Говорят разное о разном, но, в общем, мало кто говорит о Евросоюзе как о законченной империи так, как говорят о Соединенных Штатах или России.

Вопрос: *Сейчас нередко заходит речь о сетевых моделях государства. И в основном упоминают три модели. Первая модель такова: есть центр (говорилось про императора, но я назову это центром), откуда исходит руководство этой сетевой моделью, и есть идеология. Например, ислам: центр — Мекка, Кааба, а идеология — это Коран. Или [при другом центре] идеология — христианство. Есть Соединенные Штаты Америки: центр — Вашингтон, идеология — либеральные идеи, «Макдоналдс», «Кока-Кола». Другая модель — это когда есть центр, но нет идеологии. Скажем, автомобили «Тойота»: есть завод в Японии и есть дочерние заводы по всему миру; нет идеологии, но руководство идет из центра. И еще модель — просто идеология без центра. Это, скажем, глобализм. Как вы относитесь к подобным моделям? Я знаю, что у нас в Армении многие занимаются этой проблематикой.*

Ю. С.: Модели, конечно, есть. Но наша сегодняшняя тема — империи, а по любому определению империя — это государство. Понятно, о чем вы говорите. Ислам, например, можно называть не только религией, его часто называют цивилизацией, культурным сообществом, сообществом

единоверцев: сакральный текст, ритуалы и так далее. Но государства нет, и поэтому ислам как таковой империей не называют. Хотя, конечно, в истории ислама были и империи.

Если же мы продолжим разговор об империях, то большинство из названных вами сообществ таковыми все-таки не являются.

Вопрос: *Что, собственно, дает нам доминирующее нынче определение империй как больших государств, которые разными популяциями управляют по-разному? Я спрашиваю потому, что оно мне не нравится. Не нравится тем, что оно слишком широкое. Есть ли вообще большие государства, которые разными популяциями не по-разному управляют? То есть любая асимметричная федерация по этому определению, скорее всего, империя. Канада — империя, потому что есть Квебек и есть индейцы, которыми определенным образом управляют. Индия — империя, потому что есть Кашимир и налицо асимметричная федерация. Китай, Малайзия — империи. С некоторой натяжкой, возможно, и Италия империя, потому что там децентрализованное государство и не все регионы одинаково управляются. Надо ли все эти страны вписывать в одну категорию? Что в них общего помимо размера и гетерогенности?*

Ю. С.: Я согласен, что это очень уязвимое определение, и я был бы благодарен вам за более удачное. Но пока оно остается доминирующим, поскольку означает некое понятие, приложимое на разных исторических отрезках к разным государствам. Это удобно. А если пользоваться узкими определениями, что тогда делать с Советским Союзом? Он, по крайней мере, большой и гетерогенный.

Мне понятны ваши сомнения. Получается, что, исторически говоря, мир делится на империи и национальные государства. Но национальные государства — относительно недавнее изобретение. Значит ли это, что всегда были одни только империи?

Тем не менее важна сама попытка создать определение, в которое бы удобно укладывались все те государства, которые традиционно считаются империями, плюс те, которые хотелось бы с ними сравнить, которые на них похожи. Разговор о последних — это как бы *ad hoc*, отдельная специальная тема и исследование. Я рассказал, не настаивая ни на чем, как примерно все выглядит в историографии, просто чтобы вам был понятен общий ландшафт.

Вопрос: *Во-первых, что все-таки, с точки зрения истории, происходит сегодня с советской империей? И второе: было ощущение, что все эти глобальные империи, основанные на современной технике, на IT, всякие Google и прочие, победят. Но мы видим, что глобализация пока уступает национальным, этническим приоритетам. Что на самом деле происходит?*

Ю. С.: Я повторяю то, что уже сказал: если речь идет об империи, давайте говорить о государствах. Термин «империя» часто используется как метафора, что удобно. В таком случае и Google тоже империя.

Насчет того, что глобализм проигрывает национальным государствам... Я в этом не уверен. Да, это очень важная часть наблюдений и размышлений о том, что вообще сейчас происходит в мире. И, на мой взгляд, важно то, что происходит внутри сообщества, которое принято называть Западом.

Западноевропейские государства преподносят себя как космополитические образования и табуируют этнические определения государства либо подвергают их сомнению. А восточный фланг того, что сейчас именуют Западом, — к этому флангу можно отнести и Латвию — содержит в себе более или менее стандартные этнократии, моноэтнические национальные государства. Тут разница в терминах, но факт, в общем, не подлежит сомнению.

Таким образом, если глобализацию так или иначе ассоциируют с Соединенными Штатами — с его институтами, корпорациями, военной экспансией (как-никак, по миру разбросаны порядка 700 военных баз США, и роль доллара немаловажна), — то США не национальное государство. Но в некоторых кругах судьба его сейчас интенсивно и страстно обсуждается. Известно, что удельный вес США в мировой экономике за последние десятилетия сильно упал и продолжает падать. Хотя есть и серьезные аргументы в пользу того, что США — империя. Те, кому не нравится этот термин, называют Штаты «гегемоном». Гегемония США продолжается и благополучно развивается. США в каком-то смысле в центре мира, в котором мы живем. А кто там кого побеждает, это не очевидно...

О национальном государстве. О том, как устроены Латвия и Эстония, в общем-то, говорить не принято — дескать, от греха подальше. Принято считать, что этническая идентичность как основа государства — это плохо. Нельзя, например, в Швеции сказать, что Швеция должна быть государством этнических шведов — приличный человек такого не скажет, иначе ему руки не подадут. А в Латвии нельзя сказать иначе. Для США этнонациональное государство — это очень плохо, но из этого не следует, что оно не может замечательно жить, а его идеология очевидным образом продолжает иметь огромную мобилизационную мощь.

Вопрос: *В условиях войны, в том числе информационной, в условиях подтасовки фактов и следования шаблонам практически 80-летней давности возможно ли изучение и интерпретация советской истории? Я уточню. Мы знаем, какой идеей Россия оправдывает вторжение в Украину — победой над фашизмом и нацизмом. То есть той же идеей, которую в свое время провозгласил Советский Союз, стремясь к победе над фашизмом и нацизмом в Германии. Россия до сих пор идет по следу советского прошлого, и вы сами писали, что победу в Великой*

Розана Паулино (Rosana Paulino). Шитье памяти. 2006

Отечественной войне нельзя представить без участия коммунистов. У меня в связи с этим такой вопрос: возможно ли полностью отречься от советского наследия без изменения, без искажения исторических событий, которые все-таки имели место? И как в условиях информационной войны бороться с этим и изучать историю?

Ю. С.: Если я правильно понял, последний ваш вопрос таков: можно ли отринуть советское наследие? Мне кажется, для России — нет. В любой другой бывшей советской республике — можно, это и делается в большинстве из них. Там советский период считается оккупацией, и где-то это более, где-то менее очевидно. Но для России нет избавления от советского прошлого, потому что оно не просто часть русской истории, а центральная, очень важная часть. Какая может быть российская, русская история без большевистской революции, большевиков, их прихода к власти? Это как с Китаем: кончается одна династия, много государств воюют друг с другом, наступает смутное время, затем новая династия, и все это — история Китая.

Про Латвию можно сказать, что, хотя ее территория была частью Российской империи, частью в определенном смысле германской экспансии, потом частью советской, она наконец обрела — и, будем надеяться, навсегда — независимость. А про Россию так сказать нельзя. В России была одна фаза в ее истории, была другая, советская, теперь имеет место постсоветская Российская империя.

Если кто-то считает, что Россия должна как бы вычлени́ть советский период из своей истории, то, на мой взгляд, такой возможности нет. Я правильно понял ваш вопрос?..

Вопрос: *Я в первую очередь имела в виду изучение советской истории без обмана и без самообмана. Чтобы исторические факты не подтасовывались в соответствии с современной политической повесткой дня и тому подобным. Я говорю об изучении истории без подтасовок.*

Ю. С.: Изучая историю, мы все же надеемся, что делаем это непредвзято, не руководствуясь какими-то извне привнесенными соображениями и идеологемами. Правда, в Америке тоже обвиняют даже самых известных мейнстримовских историков в том, что они следуют определенным шаблонам, например утверждению, что история США — это так или иначе история свободы. Кому-то это не нравится, и звучат возражения: «Ну вот, опять идеологема!»

Джон Ллойд, британский журналист: *Вы говорили, что Британская империя была демократической. Она определенно не была таковой на протяжении большей части своей истории. В период своего расцвета, в XIX веке, она была аристократической монархией. Я имею в виду, что Британия была очень подвержена влиянию буржуазии через парламент, особенно промышленной и финансовой буржуазии. Что Британия действительно сделала и чего не сделал Советский Союз — она оставила*

*Достижение
Британской империи
в том, что, распавшись,
она оставила после себя
группу англоязычных
государств, более
или менее связанных
с Западом и самой
Великобританией*

после себя группу англоязычных государств, включая, в первую очередь, Соединенные Штаты Америки, но, конечно, и Новую Зеландию, Австралию, Канаду, которые в той или иной степени сохраняют связь с Британией (по крайней мере, на каком-то эмоциональном уровне). А еще она создала Содружество, включающее и ряд развивающихся стран, которые также испытывают некоторое чувство родства с Британией, с королевской семьей. Этого Советский Союз сделать не смог. После него в Центральной Европе не осталось государств,

которые ощущали бы себя иначе, чем врагами России (или, по крайней мере, точно не союзниками). Так что в каком-то смысле величайшее достижение Британской империи в том, что, распавшись, она оставила после себя группу англоязычных государств, более или менее связанных с Западом и самой Великобританией.

Ю. С.: Я не утверждал, что Великобритания была какой-то совершенной демократией. Но в том, что парламент играл центральную роль в политической жизни Великобритании, мне кажется, сомнений нет.

Когда пишут историю Британской империи, всегда говорят о парламентской [демократии], пусть она сколь угодно несовершенна. Сейчас

очень многие мои коллеги называют Соединенные Штаты олигархией, утверждают, что там кто-то куплен, говорят о роли лобби — неважно! Конечно, это была аристократическая в значительной степени монархия, олигархия — как угодно можно называть. Но важно, что в ее ядре была парламентская система, которая отсутствовала у зависимых территорий (если не считать колоний поселенцев).

Таким образом, мне кажется, что тут можно сравнивать и интересно сравнивать, но все-таки, как принято говорить в Америке, «не будем сравнивать яблоки с апельсинами».

Латвия частично была колонией поселенцев, но сейчас она не является ею в той же степени. Для местного этнического ядра русские, которые сюда приехали, — проблема. Нет ни одного государства сейчас, которое можно было бы сопоставить (в том смысле, в котором вы о них говорили) с Австралией, Новой Зеландией, Канадой, если угодно — Соединенными Штатами и которое имело бы начало в Российской империи.

Тут, кстати, действительно важно, что это так называемая *contiguous continental*, континентально смежная империя, а не заморские территории. Но, в общем, мне кажется, что колонии британских поселенцев являются результатом *колоссальной победы* над местным населением, в некоторых случаях его уничтожения, — именно так были созданы государства приехавшими из Великобритании переселенцами.

Сейчас принято смеяться над тем, как российской пропагандой используется термин «англосаксы», термин действительно неудачный. Но в том, что англофонные государства являются центром «Западной империи», сомнений нет, мне кажется.

Альянс FVEY (Intelligence Alliance The Five Eyes) — США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия — это одна семья, растущая из одного корня. Действительно, США были колонией Великобритании. И теперь Великобритания, если угодно, сателлит Соединенных Штатов. Семья осталась та же, они все братья, есть «патриарх», который сейчас на вторых ролях, ну и так далее.

Я согласен, что это невероятно важное для истории человечества явление — появление колоний поселенцев и их превращение в национальные государства. Сохраняется семья, родственная их связь очевидна. Я уже не говорю о том, что английский язык стал языком глобального общения.

Иными словами, Российская империя — это пример неудачной экспансии, а Британская империя — пример удачной экспансии. Одна экспансия была в основном поселенческая, а другая не была. Так можно говорить про Канаду и Запад, и так можно говорить про Сибирь, действительно заселенную таким образом, но не ставшую отдельным [государством].

Максим Рычков,
журналист

Издательство «РОССПЭН» выпустило научную биографию Юрия Андропова (1914–1984) — одного из последних советских лидеров, председателя КГБ (1967–1982) и генерального секретаря ЦК КПСС (1982–1984).

В интервью автор, заместитель председателя Совета Научно-информационного и просветительского центра общества «Мемориал» **Никита Петров**, рассказал о жизненном пути председателя КГБ, его причастности к советским «спецоперациям» в разных странах и о том, почему Андропов так боялся правды о родной семье.

«Андропов, проживи дольше, не спас бы СССР...»*

Никита Петров
заместитель председателя
Совета Научно-информационного и
просветительского центра
общества «Мемориал»

«При Андропове водка подешевела? Это заблуждение, как и многое другое»

Максим Рычков: Никита Васильевич, начать разговор о Юрии Андропове я бы хотел с личного момента. Сам я 1992 года рождения, при Андропове не жил, но отлично помню, что говорили о нем старшие родственники в разное время. Сначала больше звучали насмешки: очередной больной дед из Политбюро. Потом тон постепенно сменился: мол, честный был мужик, с ворами боролся, проживи он еще несколько лет — и Союз бы не рухнул. Это частная история одной моей семьи или нечто большее?

Никита Петров: Хорошее наблюдение. Я бы сказал так: люди уже задним умом пришли к определенному для себя выводу. И Андропов получил свою посмертную славу. Я бы слово «слава», конечно же, поставил в кавычки. Вообще, как известно, русский человек задним умом крепок.

Советская обыденность не давала оценить масштаб личности. В случае с Юрием Андроповым особого размаха и не было. Он лишь один из многих кремлевских чиновников, которого волею судьбы вынесло на самый верх. Люди не успели ничего заметить

* Republic. 29 августа 2023 г.

за его короткий период управления страной. Да, находились некоторые отличия, я бы сказал — стилистические, от эпохи Брежнева. Но в целом партийная риторика, марксистско-ленинская кондовость оставались прежними. Не пришло особой свежести.

Но все познается в сравнении. Андропов умер, на пост генсека заступил Черненко — брежневский застой, который вроде бы начинал рассеиваться, только стухнул еще больше. А затем выскочил Горбачев — молодой, энергичный, такой моторный лидер, который постоянно выступал, что-то говорил, делал. И Андропов по сравнению с ним выглядел обычным советским Кощеем.

Уже потом настал распад СССР и трудности 1990-х. Вот к людям и пришло «постзнание». Пропаганда и легенды начали вытаскивать образ Андропова как человека, который хотел перемен, знал, как провести реформы, сохранить Советский Союз, но не успел. Это не так. То есть не соответствует действительности.

М. Р.: *А при жизни Андропов не успел оставить свой след в обывательском сознании? Хотя бы на уровне анекдотов? Все, что я слышал, — это добрая ирония насчет подешевевания водки в 1982-м: «Вот Она, Доброта Коммуниста Андропова»...*

Н. П.: А это, кстати, как раз миф. Дело в том, что в сентябре 1981 года, буквально за год до смерти Брежнева, по народному сознанию и кошельку сильно ударило подорожание водки. Тогда цена напитка, раньше стоившего 4 рубля 12 копеек, поднялась до 5 рублей 30 копеек, а та самая легендарная по 3,62 вообще исчезла. Но государственный стандарт на нее оставался в силе.

И вот уже при генсеке Андропове в продажу поступила водка за 4 рубля 70 копеек, изготовленная по тому стандарту, что прежняя по 3,62. По сути, старая подорожала на рубль, но народ возликовал, воспевал «доброту коммуниста Андропова». Многим советским людям понравилась сама зеленая этикетка той «старой новой» водки. Я специально даже дал ее у себя в книге, чтобы напоминала о чем-то знакомом на бытовом уровне для тех, кто застал те времена.

А анекдоты про Андропова рассказывали, хоть и, конечно, не в таком количестве, как про Брежнева. Все-таки один правил 18 лет, а другой — 15 месяцев.

И почти все шутки про Андропова отсылали к его прошлому в качестве председателя КГБ.

Вроде: когда стучались в кабинет Брежнева, тот говорил: «Войдите», а когда к Андропову, он отвечал: «Введите». Или: новые танцы в народной Польше и Советском Союзе. Там «ярузелька», руки надо держать по швам [генерал Войцех Ярузельский, глава государства в 1981–1990 годах], а у нас — «андрополька», исполняется с руками за спиной.

В общем, сочиняли анекдоты. И про Андропова, и потом про Черненко. Но, в отличие от фольклора про Брежнева, они были довольно злыми. Мой любимый, наверное, этот, хоть его и не все сразу понимают: «У Андропова в кабинете висит портрет Пушкина. Его спрашивают:

«Как пережил репрессии?»

«Вовремя пускал слезу и отрекался от прежних покровителей»

— Зачем?

— Ну как же, это ведь ему принадлежит гениальное: “*Души прекрасные порывы!*”»

М. Р.: *А ведь задушить в молодости могли и самого Андропова, сталинские репрессии прошли совсем рядом с ним...*

Н. П.: Да, в конце 1930-х годов еще совсем молодому комсомольцу Юрию крупно повезло. Репрессии его не просто не коснулись, они послужили для него трамплином. Тогда громили руководство ВЛКСМ на уровне всех обкомов. А Андропов как раз занимал освобождавшиеся вакансии, шел вверх. Он отлично понимал, как нужно себя вести, чувствовал, когда нужно успеть отмежеваться от тех, кого объявили врагами народа.

Еще Андропов отлично умел «пустить партийную слезу» — публично подвергнуть себя самокритике, это тогда чрезвычайно ценилось.

И при этом его вела счастливая звезда. Если бы молодой Юра до 1937 года выдвинулся на руководящие посты в ВЛКСМ, хотя бы на уровне Ярославской области, где он тогда жил и работал, то его судьба вышла бы незавидной. Оцениваю вероятность в 90–95%. Почему? Потому что сталинские репрессии в партийном и советском аппарате подчинялись определенной логике.

Андропов отлично умел «пустить партийную слезу» — публично подвергнуть себя самокритике

«Органы» арестовывали как врага народа условного первого секретаря комсомола и смотрели: а кто у него второй, третий секретари? Кто руководил секторами? Наверняка ставленники избличенного «врага»

успели впитать его пороки. Так что все как бы расходилось кругами. А Андропов тогда руководил комсомолом всего лишь на уровне судоверфи в Рыбинске. В общем, прошел сперва меж капелек, а затем уже и меж струек просочился.

Правда, в 1938 году вот эти круги могли дойти и до него. Андропов уже занимал пост 3-го секретаря обкома в Ярославле. Но он вовремя сориентировался, примкнул к травле Потапа Попкова, своего первого секретаря, втерся в доверие обкома партии — там начальство сменилось раньше местного комсомольского. И новые местные руководители ВКП(б) Алексей Шахурин, а за ним и Николай Патоличев сделали ставку именно на Андропова.

В конце концов, раз Попкова снимут, кого-то же надо на его место поставить. А тут третий секретарь на всех пленумах и собраниях так

Илья Кабаков. Ящик с мусором. 1981

яростно критикует своего предшественника. Даже в газетах тогда об этом писали с иронией: мол, молодой человек, не надо заниматься излишним самобичеванием, не стоит перегибать. Но замысел сработал и себя оправдал. Карьера пошла в гору: комсомольские посты, переход в [имевшую в 1940–1956 годах статус союзной] Карело-Финскую республику, затем там же и партийная работа.

М. Р.: В Карелии Юрий Владимирович едва снова не угодил под репрессии, верно?

Н. П.: Да, в конце 1940-х годов Андропов, уже второй секретарь ЦК Компартии Карело-Финской ССР, мог попасть под «Ленинградское дело». В связи с этим ходит много легенд, якобы его тогда спас старый финн-коминтерновец Отто Куусинен, мол, так они дружили. Ничего подобного. Куусинен и достаточным авторитетом для того не обладал, да и особой дружбы с Андроповым не водил. Знали друг друга, немного общались, но не больше.

«Ленинградское дело» следователи вели по личным указаниям Сталина. Спасти по чьим-то советам в такой ситуации являлось невозможным. И выручило Андропова только то, что глава государства не приказывал его арестовывать. Номенклатурный уровень второго человека в республике предполагал, что без сталинской санкции его тронуть

не могли. Да, там много чего наговорил на себя и на других [1-й секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Геннадий] Куприянов, непосредственный начальник Андропова. Притом не по злой воле — просто рассказывал, с кем работал, с кем встречался в быту, как проводил время. Но Куприянов и сам проходил по «Ленинградскому делу» не основным фигурантом, «отделался» в итоге лагерным сроком.

Андропов вновь сообразил, как себя вести, снова «пустил партийную слезу», подверг себя самокритике, поддержал нападки на Куприянова. Но решающей, повторюсь, являлась воля Сталина. А он добро на арест второго секретаря не давал. В общем, если даже Куусинен научил бы Андропова неким «коминтерновским методам», как об этом пишут биографы, это только сыграло бы ему во вред, учитывая судьбы большинства крупных деятелей Коминтерна [которые стали жертвами Большого террора].

М. Р.: *В Карелии, как и в Ярославле, будущий генсек снова отрекся от вчерашнего начальника и покровителя. Можно ли здесь делать глубокие выводы об Андропове как о человеке?*

Н. П.: А это общая черта для партийных начальников сталинских лет. Привязываться к людям, питать к ним дружеские чувства, руководствоваться ими в трудную минуту — все это считалось изъясном. Полагалось, что по-настоящему партийный человек в нужный момент отмежуетя от тех, кто стал политически невыгодным.

Так что у Андропова не было ни одного друга, связь с которым проходила бы через всю его жизнь. Он быстро забыл о тех, кто в трудное время принял его в партию. Став уже фигурой общесоюзного масштаба, почти не бывал ни в Карелии, ни в Ярославле. Приглашали его однажды в осетинский Моздок, где он когда-то школу окончил, — отделался красивым письмом. И здесь вновь циркулируют легенды: вроде как боцман, под чьим началом юный Юра ходил по Волге, потом на Лубянку якобы приезжал и встречался уже с Юрием Владимировичем, всесильным шефом КГБ.

Допускаю, что кто-то из прошлого мог искать нового Андропова — уже взрослого и могущественного. Но сам он абсолютно точно никого не пытался найти.

Конечно, часто находились равные по рангу деятели, с которыми он сходиля ближе других. В поздние годы, например, таким человеком оказался министр обороны Дмитрий Устинов. Там нашлось много общих привычек, всегда друг друга понимали, обычно сходились во мнениях. Но, работая с источниками, я пришел к выводу, что связи из прошлого Андропова неизменно тяготили. Будто все время боялся, что из-за какого-нибудь старого знакомства вылезет что-то неприглядное. Как он приспособлялся, скрывал свое происхождение, забыл своих родителей...

Прошлое все время давило его, воспитало в нем много комплексов. Вот он все и отринул, вплоть до психологической связи с уже покойными матерью и отчимом. Не посещал могил, не ухаживал за ними. А ведь когда он уже вошел в зенит своей власти, ему бы стоило лишь заикнуться, как местные власти [Северной Осетии] бросились бы искать их, все там поправлять и подкрашивать.

М. Р.: *И тут мы подходим к загадке происхождения Андропова. Наверное, вас как профессионального историка этот вопрос уже утомил; отдает от него чем-то в духе бразильской мыльной оперы?*

Н. П.: Ничего подобного. Историка, особенно в биографическом жанре, нужно рассказать о своем герое все. А происхождение и детство — это чрезвычайно важно, оттуда идут все наши комплексы, страхи и мечты. Ранние годы закладывают основы характера и личности. Юрий Андропов здесь не исключение.

«Тайна происхождения — андроповская травма на всю жизнь»

Ведь до 1936 года в СССР действовала юридическая категория «лишенцев», то есть лишенных избирательных прав. Туда записывали не только священнослужителей, бывших чиновников и офицеров «охранки», но и тех, кто просто жил на «нетрудовые доходы», использовал наемный труд. Попасться, что у тебя есть родственники из «лишенцев», означало погубить карьеру. Считалось, что все в порядке, если человек происходил из рабочих или беднейших крестьян.

А у Андропова ничего подобного не было. Мать Евгения Карловна, урожденная Флекенштейн, образованный человек: окончила в Москве гимназию, преподавала там сама. Воспитана в зажиточной, считай, богатой, почти купеческой семье, торговцев часами и ювелирными изделиями. наших современников, конечно, зацепит фамилия. Надо сказать, напрасно: Флекенштейны исповедали лютеранство и, скорее всего, происходили из немцев. Да и в раннем СССР на национальность еще не смотрели, там интересовало социальное происхождение. И мать из семьи торговцев однозначно выглядела бы изъясном.

Саму Евгению Карловну, кстати, в семью Флекенштейн подкинули. И в своей книге я впервые публикую соответствующие архивные документы. Раньше этот факт только предполагали на основе автобиографий Андропова. Но мне удалось обнаружить в архиве оригинальный документ от его бабушки Евдокии Егоровны — заявление, что она хочет удочерить подброшенную девочку-младенца. Ее истинное происхождение до сих пор не выяснено. Кто знает, Евгения могла быть и незаконнорожденной дочерью кого-то очень знатного и влиятельного. Есть и такие гипотезы, интрига сохраняется и сейчас.

В любом случае выросла мать будущего генсека однозначно в богатой семье владельца магазина Карла Флекенштейна. И это потом не могло не тревожить ее сына.

М. Р.: *Так, тайна матери вполне раскрыта, а что с отцом?*

Н. П.: С отцом ясности никакой, здесь до сих пор море спекуляций. Известно лишь, что он носил фамилию Андропов, хотя мать, в девичестве Флекенштейн, так и не сменила фамилию даже после рождения сына. Причем и ее сын поначалу имел двойное имя — Юрий-Григорий. Уже во втором браке Евгения Карловна взяла фамилию нового мужа, стала Федоровой, и в школьных документах у ее сына даже встречается двойная фамилия Андропов-Федоров. Но потом вторая часть отпала.

Виктор Федоров, отчим, работал железнодорожником. Ту же профессию Андропов потом указывал в анкетах и автобиографиях и упоминая о родном отце, которого едва хорошо помнил; тот умер в 1919 году. Обычно Юра писал, что его родитель учился в Москве, в Инсти-

«В Венгрии он увидел то, повторения чего потом всегда боялся в Советском Союзе»

туте инженеров путей сообщения. Я просматривал личные дела тех, кто учился там в обозначенные годы: нет никаких следов студента Владимира Константиновича Андропова.

И тут встает набивший оскомину вопрос о реальной национальности будущего генсека, раз его биологический отец пока одно сплошное белое пятно. Теория о еврейском происхождении Андропова получила хождение еще при его жизни. Причем намек на это дал он сам. В автобиографии в январе 1939 года Андропов писал, что мастерская его деда пострадала «во время еврейского погрома» в 1915 году. А на самом деле тогда в Москве случился «патриотический» погром магазинов и предприятий, принадлежавших гражданам Германии и других воюющих с Россией держав.

Андропов на этом не остановился и даже в школьном сочинении выбрал тему антисемитских настроений в царское время. Быть или хотя бы казаться евреем во время его детства и отрочества выглядело предпочтительнее, чем тем же немцем. Уже потом с ростом официального антисемитизма в Советском Союзе все резко изменилось. Но с анкетой Андропова в этом отношении все выглядело чисто, ведь на свои еврейские корни он лишь намекал, а так во всех документах неизменно указывал себя русским.

А все нестыковки в разных анкетах и автобиографиях, прежде всего в вопросах о родителях и их социальном статусе, никто по-настоящему толком не вскрыл.

Попадись молодой Юрий тогда на лжи — ни о какой советской карьере не пришлось бы и мечтать. Сам факт неискренности перед партией выглядел однозначным злом.

Со временем сложился порочный круг. Какие-то нюансы Андропов мог и не скрывать, но боялся, что будет плохо продвигаться по службе. Он их скрывал — еще больше запутывался. Еще больше запутывался — вырастал страх, что кто-то раскопает его родословную. Одним словом, травма. Травма на всю жизнь.

М. Р.: *Имя Андропова неотделимо от трех вторжений СССР в соседние государства: Венгрия-1956, Чехословакия-1968 и Афганистан-1979. Какова его роль в каждой из трех интервенций?*

Н. П.: В Венгрии участие Андропова было непосредственным. Он тогда работал послом в Будапеште и сыграл свою роль. Не главенствующую, конечно, ключевые решения принимали в Кремле. Тем не менее тогдашний посол поспособствовал, чтобы возникшую проблему Советский Союз решил максимально жестко, через ввод армейских частей и репрессии венгерской оппозиции.

Здесь часто забывают о тех ошибках, которые Андропов допустил еще до собственно восстания в октябре 1956 года. Я постарался побольше об этом написать в своей книге. Если коротко, то наш герой делал ставку на прежние, еще сталинские кадры вроде Эрнё Герё, сменившего Матьяша Ракоши, и задвигал тех, кто ему казался ненадежным, скомпрометировавшим себя: Яноша Кадара, Имре Надя, то есть более гибких, популярных среди венгров политиков. Их своевременный приход во власть мог бы разрядить обстановку и предотвратить восстание.

Андропов в Венгрии показал себя типичным кремлевским человеком: догматиком, лишенным широты взгляда.

Во вводе войск в Прагу его роль иная. Уже председатель КГБ, кандидат в члены Политбюро, но еще не член брежневского, так сказать, «ареопага». Хотя, безусловно, подавление Пражской весны Андропов полностью поддерживал. А вот война в Афганистане — здесь воля будущего генсека оказалась решающей. Именно он и близкий по духу министр обороны Дмитрий Устинов настояли, что афганскую проблему [стихийные восстания против просоветского правительства] надо решать силовым путем, не предвидя будущих последствий.

Так что личная вина Юрия Владимировича в каждой из этих трех операций вырастает кратно. При этом настоящим потрясением для него стали именно венгерские события, которые Андропову выпало наблюдать непосредственно. Сказать, что он был потрясен — ничего не сказать, Венгрия его буквально перепыхала. Своими глазами увидел, сколь опасен может быть народный взрыв, восстание против власти. Это то, чего он потом всегда боялся и стремился всеми силами не допустить в Советском Союзе.

М. Р.: *При этом венгерские события 1956 года обеспечили Андропову дальнейший рост. А так, возможно, должность посла в Будапеште осталась бы вершиной его карьеры?*

Н. П.: Спорное суждение. Но безусловно, что Хрущев именно в Венгрии по-настоящему увидел Андропова, оценил его, не найдя за ним крупных ошибок. Посла хвалили и подавлявшие восстание офицеры армии

В Венгрии участие Андропова было непосредственным. Он тогда работал послом в Будапеште и сыграл свою роль

Хизер Дьюи-Хагборг (Heather Dewey-Hagborg). Образы незнакомцев. 2012

и КГБ. Так что Никита Сергеевич вскоре выдвинул Андропова на новую должность в аппарате ЦК. Тогда стало понятно, что отдел по связям с иностранными компартиями нужно переформатировать, создать отдельное подразделение по социалистическим странам. Его и возглавил Андропов. Работа пошла — в 1961 году его избрали в состав ЦК, а через год он уже секретарь ЦК КПСС.

Смуцало ли Хрущева, что у Андропова нет высшего образования? Нисколько. Такого критерия в советской системе не существовало даже для высших постов. Партийно-государственное руководство складывалось годами на основе выдвижения себе подобных. Дипломные корочки, степени и звания здесь не особо ценились.

*Партийно-государственное
руководство складывалось
годами на основе
выдвижения себе подобных*

Важным считали другое: насколько человек показал себя преданным режиму, заручился доверием, сработался с товарищами. И Андропов в этом отношении не уступал другим.

И если при Никите Хрущеве, тоже человеке без высшего образования, Андропов выдвинулся, то какая разница, имел ли он диплом? Даже лучше, если нет.

Хрущев мог бы тогда косо смотреть на такого выдвиженца, и не потому, что ученых не любил. Логика была примерно такая: наука пусть себе где-то существует, а мы политики, мы руководим. Зачем нам в ЦК

профессора и кандидаты? Мы здесь все свои. Андропову следовало не выделяться из общей массы ни в худшую, ни в лучшую сторону. И он этому требованию соответствовал идеально. Поэтому приглянулся в итоге новому генсеку Леониду Брежневу, хотя для большинства хрущевских выдвиженцев тогда карьеры закончились.

М. Р.: *В чем секрет андроповского политического долголетия? При любых сменах руководства СССР его карьера неуклонно шла вверх.*

Андропов обладал тем, что в его кругах называли партийным нюхом

Н. П.: Еще при Сталине в нем сформировались устойчивость и осмотрительность. В принятии решений, поведении, в выборе стороны, на которую стоит делать ставку.

Самый частый совет Андропова подчиненным — не подставляйте бока, он постоянно это повторял им. То есть всегда будьте настороже, оценивайте расстановку сил, понимайте, откуда может прийти опасность. Методичность и последовательность, а не головокружительные взлеты — вот в чем был конек Андропова.

Андропов обладал тем, что в его кругах называли партийным нюхом. Отлично уживался, находил контакт с самыми несимпатичными ему в душе людьми. Например, при раннем Брежневе он внешне отлично ладил с такой могущественной фигурой, как [экс-председатель КГБ и член Политбюро ЦК КПСС] Александр Шелепин. При этом понимал, что Брежневу тот не друг, что, по слухам, тот сам стремится к высшей власти. Вот он и объяснял генсеку: дескать, к таким, как Шелепин, ведь нужно присматриваться, держать их рядом.

Обыватель хотел верить в просвещенного Андропова и одновременно чувствовал здесь фальшь

М. Р.: *И Брежнев отплатил доверием. В 1967 году Андропов стал главой КГБ. Как так вышло, что пост достался партийному чиновнику, а не профессиональному чекисту?*

Н. П.: Это странно сейчас прозвучит, но тогда Андропов не мечтал о карьере в «органах». Он видел себя именно партийным аппаратчиком: сначала секретарь ЦК, потом кандидат в члены Политбюро, затем член Политбюро. От предложения Брежнева отказаться он не мог, но душа к новой должности изначально у него не лежала. Брежневский помощник Александров-Агентов потом вспоминал, что Андропов обескураженно бросил: «Меня еще раз переехало колесо истории». Куда больше нового шефа КГБ обрадовало, что Брежнев тогда же сделал его кандидатом в члены Политбюро.

Вообще советские спецслужбы порой возглавляли совсем случайные люди, нередко совсем ненадолго. Ну кто сейчас вспомнит, например, Семена Игнатьева, последнего главу сталинского МГБ, вышедшего из

аппаратчиков-партийцев? А к 1960-м воспринималось уже обычным, что в КГБ председательствует не кадровый чекист, а комсомольский или партийный бюрократ. До Андропова комитетом уже руководили Александр Шелепин и Владимир Семичастный, выходцы из комсомольской верхушки.

Так что сама должность председателя КГБ воспринималась как политическая, которая и не полагалась выходцу из этого ведомства. Андропов

Главной новацией Андропова стало учреждение 5-го управления КГБ для борьбы с «идеологическими диверсиями»

на новом месте привычно быстро обжился, приспособился к новому окружению. В итоге руководил КГБ до 1982 года — 15 лет. Дольше, чем кто-либо другой. Проводил в целом устоявшуюся линию: комитет — это инструмент партии, ее вооруженный отряд.

М. Р.: *Однако именно в КГБ Андропов окончательно создал себе лицо, стал тем политиком, которого мы сейчас знаем. Чем он этого добился?*

Н. П.: Главной новацией Андропова стало учреждение 5-го управления КГБ для борьбы с «идеологическими диверсиями». Логика решения очевидна. В хрущевские времена эту работу несколько ослабили, при Брежневe решили вновь усилить. И Андропов вытащил нужные отделы из второго главка [контрразведки], сконцентрировал их, увеличил штаты.

Появился кулак, предназначенный исключительно для подавления крамолы, против тех, кто думает не так и что-то против партии злоумышляет.

В 1990-е годы мне доводилось общаться с [шефом КГБ в 1961–1967 годах] Семичастным. Спрашивал его: «Владимир Ефимович, а что ж вы сами до такого не додумались?» А он отвечал: «Не видел необходимости, нужная работа и так велась в существовавших отделах и управлениях». Но Андропов как истинный аппаратчик понимал, что ЦК надо выгодно подать и продемонстрировать организационную сторону. С точки зрения администратора, он здесь сделал расчетливый шаг.

5-е управление под началом генерала Филиппа Бобкова придало работе с инакомыслящими определенный пафос. Хотя, конечно, сотрудники первых двух главков, разведки и контрразведки по-прежнему считали элитой себя. Свысока смотрели на «пятку», как они ее между собой называли. Мол, мы ведем полевую работу, противостоям реальным врагам, а эти вот — орган сыска, жандармы — болтунов и анекдотчиков всяких ловят.

Но «пятка» все равно росла как на дрожжах. Укрепляла кадры, расширяла сеть агентов, находила новые направления работы, проникала в разные сферы советского общества, собирала досье на все большее число людей. За время Андропова там вдвое выросло и число сотрудников управления, и количество отделов внутри него. Вы думаете, что весь

Кадр из фильма «1984», режиссер Майкл Андерсон. 1956

этот рост остался на бумаге? Вовсе нет. Рост влияния «органов» при Андропове на советскую повседневность выглядел очевидным.

КГБ проник во все сферы советского общества: к писателям, деятелям искусств, молодежи, в религиозные организации. Раньше Хрущев заявлял, что органы КГБ ни к чему держать в областях и районах, где не бывает иностранцев: мол, в своем народе мы уверены. Никита Сергеевич упрощал, конечно, лукавил, но чекисты его все равно не любили уже за саму постановку такого вопроса. А при Брежневе и Андропове все пошло вспять, потому их и до сих пор почитают в соответствующих кругах. Мол, великие люди, подняли престиж нашей героической службы.

КГБ проник во все сферы советского общества: к писателям, деятелям искусств, молодежи, в религиозные организации

М. Р.: Но на КГБ карьера Андропова не остановилась. Он поднялся до фактического главы государства, пусть и на короткое время. Располагал ли он целостной системой идей, как сделать СССР лучше?

Н. П.: Все известные андроповские высказывания характеризуют его как просто осторожного человека, боявшегося сделать неверный шаг. На этом и построил свою карьеру. Конечно, бытует множество обратных легенд. И многие из них окружение Андропова запустило еще при его жизни. Дескать, никакой не гэбэшный держиморда, а просвещенный человек: владеет иностранными языками, разбирается в искусстве,

любит джаз. Граждане одновременно и хотели во все это верить, и чувствовали фальшь.

Все же знали, кто стоял и за «пяткой», и за карательной психиатрией, и за охотой на музыкальные ансамбли. Многие инстинктивно понимали сущность Андропова, что воплотилось в том анекдоте про Пушкина и «души порывы». Этот человек источал страх сам по себе. Помню, как в те годы в Москве в очередях все только и шептались, как бы не попасть

Никакие архивные документы не подтверждают, что Андропов в принципе хотел стать реформатором

под облавы на прогульщиков. Причем из моих знакомых они никого не коснулись, но страх власти внушили почти всем.

Мог ли Андропов стать советским Дэн Сяопином? Однозначно нет. Как любил повторять наш герой: «Мы еще по-настоящему не раскрыли и со- той доли тех резервов, какие есть в социалистическом строе». Здесь дело даже не в том, что он не располагал никаким планом реформ. Шеф КГБ до

последних месяцев жизни Брежнева не думал, что сам займет его пост. И я убежден, что он объективно ничего не мог сделать хорошего.

Андропов не был готов к этой власти, у него не было свежих идей. Все, что мог, — продолжать прежнюю линию с небольшими вариациями в стиле.

Например, Андропов видел, как коррупция разъедает советские верхи. Но инициированное им «Хлопковое дело» в Узбекской ССР, дела [главы МВД в 1966–1982 годах Николая] Щёлокова и [первого секретаря Краснодарского крайкома КПСС в 1973–1982 годах Сергея] Медунова служили просто своего рода острасткой, косметическими мерами. Сама система не изменилась, ее решительных реформ не произошло.

И никакие архивные документы не подтверждают, что Андропов в принципе хотел стать реформатором. Разговоры о научно-техническом прогрессе? Их вели еще при Брежневе. Вели и ничего не делали, уповали на высокие цены на нефть. Кампания «Рабочее время — работе»? Стало больше страха, появился еще один повод для анекдотов, но трудиться эффективнее советские люди не начали. Даже понимая опасность нарастания кризисных явлений в советской системе, Андропов продолжал убеждать себя и других: «Советская власть — штука крепкая!»

Вот мнение ученого-экономиста Николая Федоренко, высказанное в 1975 году перед собранием сотрудников советской разведки: «Признаком здоровой экономики является ее преимущественный рост за счет научно-технического прогресса. Если 2/3 всего прироста годового производства идут за этот счет, а 1/3 — за счет экстенсивного развития, тогда можно не беспокоиться за судьбу страны. У нас эти цифры стоят как раз в обратном порядке. Мы обогнали США по общим объемам произведенных капиталовложений, а общее производство едва достигает 60% их уровня. У нас посевных площадей в 1,8 раза больше, чем в США, но

зерна не хватает постоянно в тревожно нарастающих объемах» (отрывок из книги «Время Андропова»).

Не собирался Андропов ничего менять и во внешней политике. Наоборот, только усилил противостояние с Западом, отвергал все их инициативы по тому же сокращению ракетного потенциала. Он по-сталински полагал, что «вокруг одни пигмеи»: там, на Западе, нет сильных политиков, Советский Союз им никогда не сокрушить. А на минуточку, кто руководил ключевыми западными странами на момент смерти Андропова 9 февраля 1984 года? В США — Рональд Рейган, в Великобритании — Маргарет Тэтчер, во Франции — Франсуа Миттеран, в ФРГ — Гельмут Коль. Политики, вошедшие в историю!

М. Р.: *И каким вышел личный финал для несостоявшегося спасителя Союза?*

Н. П.: Андропову повезло не увидеть краха всего, во что он верил и чему служил. Множество недугов преследовали его всю жизнь: диабет, атеросклероз и прочее. Но прежде всего — болезнь почек, это и сгубило в итоге Юрия Владимировича. Несмотря на то, что не курил, почти не пил и любил заниматься спортом. Думаю, здесь сыграла роль его плохая наследственность.

Рано умерли оба родителя. От болезни почек скончался его сын Владимир от первого брака — еще в 1975-м, в возрасте 35 лет. Правда, тот еще и злоупотреблял спиртным и вдобавок в тюрьме дважды сидел — никакой политики, банальные кражи. Андропов-старший, разумеется, существование Володи не афишировал, даже на похороны к нему не приехал.

Всю жизнь этот человек пытался уйти от своего прошлого, своих родных, своих близких. И в самом конце его все-таки настигли именно наследственные недуги. Такой вот мрачный символизм.

5 сентября скончался наш постоянный эксперт и большой друг, профессор международных отношений Лондонской школы экономики, автор книг «Сумерки Запада», «Почему война?» и многих других Кристофер Коукер.

«Замечательный, талантливый, образованный, создававший мир научных идей, тонкий знаток философии и литературы, музыки и поэзии. Красивый, молчаливый и грустный человек. Эстет в мыслях, дискуссиях. Темой жизненного и научного исследования он выбрал тему войны. Полагал, что война — результат эволюции. И задавал вопрос: как перейти к миру, как научиться культуре мира?» — Лена Немировская.

Слова Кристофера

Кристофер Коукер умер 5 сентября на Мальте, на госпитальном острове, на острове рыцарей.

Однажды Лена Немировская, пользуясь неповторимой, только ей подвластной палитрой образов, уподобила своего замечательного друга Кристофера (философа, историка, джентльмена) готическому собору. Если же следовать прустовским литотам, можно добавить, что свой мир, вращения человеческой истории, сотни путешествий во все концы света, книги, ужасы и грохот сражений, кинофильмы, музыкальные фразы, извивы мысли Кристофер заключал в хрустальную сферу и держал ее, пристально разглядывая, перед собой, как персонаж, изваянный на средневековом портале, умещает на ладони скульптурную миниатюру собора, который возвел, или города, который защищал от врагов.

Я помню летний день в подмосковном Голицыне двадцать лет назад, когда Юрий Сенокосов представил меня Кристоферу Коукеру. Неяркий свет струился в большие пыльные окна, зимний сад безуспешно соревновался со старым, влажным, переливавшимся всеми оттенками зеленого парком, в аквариуме пучили глаза чудовищные рыбы. Можно было выпить кофе и выкурить сигарету. На пятую минуту знакомства мы уже говорили о «Поминках по Финнегану».

Помнится, я сказал ему, что сохранилась единственная запись голоса Джайса, читающего отрывок из «Поминок». Он попросил выслать ему аудиофайл по электронной почте. С этого началось наше приятельство.

«I know my dates» («С датами у меня все в порядке»), — сказал он как-то в пылу спора, поправляя собеседника, который неточно указал годы всеми забытой войны.

Он мог бы сказать и другое: «I know my quotes» («С цитатами у меня все в порядке»), обнимая удивительной памятью хроники Шекспира, Тацита, Гомера, сотни лирических стихотворений.

О ком размышлять, о чем писать? О Боге, о любви. Или о тягчайшем грехе убийства, о причинении смерти другому, об отсутствии мира, что в несколько ханжеском мире политической философии преобразуется в понятие войны.

Коукер сообщает, как и когда он начал писать о войне: «Фрейда в последний месяц его жизни спросили: “Доктор Фрейд, как вы думаете, это последняя война в Европе?” — “Ну, это определено моя последняя война, но, скорее всего, не ваша”. Я предпочел академические занятия карьере в лондонском Сити, прочитав книгу Джона Лукаша “Последняя европейская война” (1976)».

Наследие Кристофера — более двадцати трудов (1983–2021 гг.): «Почему война?» (2021), «Возвышение цивилизационного государства» (2019), «Перезагрузка Клаузевица» (2017), «Воинственные греки: как технологии XXI века меняют методы и наши представления о войне» (2013), «Философы-варвары: размышления о природе войны от Гераклита до Гейзенберга» (2010). Десятки статей. Сотни блистательных лекций и бесед. Горькая поэтика его фраз.

Однажды я поинтересовался мнением Кристофера о трактате Канта «К вечному миру». Он сказал, что об этой вещи следует помнить всегда.

Любопытно, как часто искажают его слова: дескать, профессор Коукер утверждает неразрывную «эволюционную связь» между человеком и войной, тогда как его «неудобная правда» состояла, как представляется, только в том, что война, увы, не исчезнет, пока не истощатся ее, войны, «эволюционные возможности».

Шутит так, что непонятно, шутит ли он. Его чувство юмора, бескомпромиссность и эрудиция, стойкость перед лицом испытаний (среди которых, насколько мы можем судить, была длительная, изматывающая болезнь), умение пить водку были баснословны. Манеры и стиль безукоризненны. Его шутки и парадоксы могли обжигать.

*Наследие Кристофера –
более двадцати трудов.
Десятки статей. Сотни
блистательных лекций
и бесед. Горькая
поэтика его фраз*

Из частной беседы

Лет пять назад меня пригласили выступить с лекцией в Пентагоне. Я читал им об автономных системах вооружений, а также о возможной встрече с инородным разумом.

Порицая человеческую лень, упомянул научно-фантастическую повесть, где каждый обитатель Земли далекого будущего сможет позволить себе робота для решения всякой мыслимой — бытовой или метафизической — задачи. Так, землянин мог бы приобрести электронного монаха, чтобы тот верил за хозяина в бога. Или, скажем, можно было бы разжиться машинкой, которая верит в несуществующие вещи, причем даже такие, в которые не верят в Солт-Лейк-Сити. Разумеется, десятая часть моих слушателей в том зале были мормоны. В Пентагон меня больше не приглашали.

Из интервью 2023 года

В рассуждениях о цивилизационном государстве проскальзывают и генетические доводы как странные отзвуки политики 1930-х. Скажем, китайцы ссылаются на некие «волчьи гены», которые они унаследовали в результате нашествий варваров две или три тысячи лет назад. Сочетание волчьих генов с «ханьскими генами» торговли и предпринимательства предопределило становление современного могущественного

*В нем восхищало
отсутствие
сентиментальности*

Китая. А что касается России, вспомним публикацию за подписью ученых мужей, заявивших, что Путин и его ленинградские друзья унаследовали от родителей (в течение и вследствие блокады Ленинграда, которая длилась 900 дней) особые гены, которые сделали их... «сверхпатриотичными». Разумеется, если верить в подобную ерунду, то вполне можно приписать себе некие права, которыми не обладают другие страны или народы. Я называю это разновидностью культурного дарвинизма.

В одном из последних интервью Кристофер сослался на американского философа Ричарда Рорти, высказавшего сомнение, что три миллиарда новорожденных, которые с высокой вероятностью появятся на свет между сегодняшним днем и 2050 годом, вырастут приверженцами идей Джона Стюарта Милля. Однако с точки зрения восприятия западными державами идей либерализма это обстоятельство, заключил Кристофер, выступает препятствием не в большей степени, чем неминуемый распад Западной Римской империи послужил помехой на пути Блаженного Августина к Христу.

Меня восхищало в нем отсутствие сентиментальности или по меньшей мере проявлений сентиментальности. Неудивительно: если решили писать о войне, лучше обойтись без сантиментов. Тем не менее попытки

нескольких авторов представить Кристофера «ницшеанцем от политологии» смехотворны — в нем не чувствовалось позы, а в его книгах не звучат прокламации. Если в словах Кристофера и содержится призыв к человечеству, то лишь один — взглядеться в зеркало.

Ролан Барт признавался: «Читать умершего автора — это нечто совершенно живое, ведь меня тревожит, мне разрывает сердце противоречие между насыщенной жизнью его текстов и знанием о его смерти. Так, читая, я нередко движим эмоцией, чувством любви к автору. Сама скорбь исполнена жизни».

Жизни Кристофера присуще кинематографическое качество. Я вижу его на пленке памяти, на завораживающих кадрах. Вот он завершил лекцию, и в аудитории повисает молчание, как после концерта. Вот подал руку зябнувшей француженке, ступающей по льду, — зимой, на Финском заливе, близ Зеленогорска. «La mer elle-même est gelée!» — восклицает та, не веря своим глазам. Вот он сидит с бокалом в баре отеля One Aldwych.

Мы идем с ним берегом чудесного острова Лидингё, а спустя мгновение — январским дождливым днем по улице в Оксфорде и одновременно вдоль крепостной стены замка под кастильским солнцем. Вот легчайший выдох и тень улыбки в его глазах.

Марк Дадян

*Руне Хенриксен,
консультант
по вопросам безопасности
и конфликтов, окончил
Университет Тромсё
и Лондонскую школу
экономики
и политических наук*

*В память о Кристофере Коукере**

Кристофер Коукер, занимавший на протяжении почти 40 лет пост профессора международных отношений в Лондонской школе экономики и политических наук (LSE), а затем директора LSE IDEAS, умер в возрасте 70 лет. Он оказал огромное влияние и вдохновил не одно поколение студентов, ученых и практиков, изучающих вопросы стратегии и войны.

Студентам LSE и многим практикам и руководителям по всему миру он запомнился в первую очередь впечатляющим интеллектом и широкой эрудицией, но также и мрачным юмором, добротой и щедростью, с которой он был готов делиться своим временем и знаниями.

Интерес Кристофера к войне зародился еще в раннем детстве, когда он слушал рассказы своих родителей, бабушек и дедушек, прошедших обе мировые войны. В 1970-х годах он получил образование в Кембридже и Оксфорде, но все время с 1982 года, начала своей академической карьеры, он был в LSE. В университете, который гордился своим прогрессивным наследием, он занял необычное место, выделяясь не только своим блестящим умом, но и своей неангажированной консервативной линией. У него была определенная смелость взглядов, хоть он обычно и не выражал их ни в лекциях, ни в книгах.

Будучи феноменологом войны, Кристофер подходил к исследовательскому предмету скорее в духе художника или философа, чем конвенционального исследователя международных отношений, хотя и называл себя политологом. Он много путешествовал по миру, заводил знакомства, сотрудничал с другими организациями, выступал с докладами в военных колледжах, институтах, университетах, аналитических центрах. Застенчивый, не любящий саморекламу, он никогда не получал и не жаждал славы за пределами той области, в которой заслужил признание.

* <https://www.stratagem.no/christopher-coker-in-memoriam/>

Отчасти Кристофер создал департамент военных исследований, который бросил вызов факультету международных отношений LSE. В его департаменте не действовали ни дисциплинарные, ни общепринятые границы. Это было пространство, где реалистическое восприятие дополнялось анализом литературы и философии. Проверка эссе и статей обычно проходила в его знаменитом кабинете, где хранилось множество предметов искусства тоталитаризма, фрагментов

Будучи феноменологом войны, Кристофер подходил к исследовательскому предмету скорее в духе художника или философа

сражений и памятных вещей со всего мира. В его коллекции была записка от Дональда Рамсфелда, американского политика-республиканца, министра обороны в 1975–1977 и в 2001–2006 годах. Он знал, что для некоторых это провокация, и это его радовало. Отсюда занятия часто переходили в его излюбленное место — ресторан Coopers в кампусе.

Среди его многочисленных студентов, в том числе из Норвегии, многие находили в его мышлении редкое сочетание оригинальности и простоты, а значит, и актуальности, выходящей за рамки дисциплинарных категорий. Послушать его лекции приходили со всего LSE. Они будоражили и вдохновляли как студентов, так и аспирантов.

Студенты отмечали его впечатляющий высочайший интеллект, но при этом и притягательную личность, и ощущение, что ему всегда есть чему учиться и что открывать. Никто не изучал войну так, как он. Он не мог назвать другую тему, которой мог бы посвятить себя. То, как война держала его в плену, по его мнению, лучше всего передает строчка из Диккенса: «Есть темные тени на земле, но тем ярче кажется свет. Некоторые люди, подобно летучим мышам или совам, лучше видят в темноте, чем при свете».

Студенты отмечали его высочайший интеллект, но при этом и притягательную личность

27 книг Кристофера охватывают три этапа. Сначала он в русле традиции сфокусировался на британской и американской внешней политике, трансатлантических отношениях и соперничестве сверхдержав в конце холодной войны. Однако после болезни в начале 1990-х годов он расширил свой взгляд и вышел на сцену с амбициозной идеей — определить смысл войны в XX веке и не только понять, что заставляло людей воевать, но и найти жизнеутверждающие аспекты войны, которые поддерживали их на фронте. Широкая эрудиция проявилась и в книге «Война и иллиберальное сознание», блестящем мрачном отклике на «Войну и либеральное сознание» Майкла Ховарда. Книга «Гуманная война», вышедшая в 2001 году, дала понять, что после 11 сентября — с новыми войнами — авторский голос Кристофера стал ярче проявляться в его работах.

Войны в Ираке и Афганистане на 20 лет стали главной заботой для большинства практикующих специалистов, но не для Кристофера. Он с глубоким скептицизмом относился к контрповстанческим операциям и несбыточным обещаниям и вместо этого следил за долгосрочной игрой: подъемом Китая, последствиями технологического развития и возможностью «постчеловеческих войн». Самое пристальное внимание он уделял персональному опыту людей на войне, рассматривая этические аспекты, судьбы самих военных, главных героев войн или смотря на ситуацию через призму ведущего философа войны всех времен Клаузевица. В последних книгах он будто подводил итоги, рассматривал войну во всей ее полноте: в «Философах-варварах» и последней книге «Почему война?» он утверждал, что она надолго останется с нами.

Насколько мне известно, в начале карьеры на Кристофера в большей степени повлияли три выдающиеся личности. Во-первых, его научный руководитель в Оксфорде, ведущий военный историк своей эпохи покойный сэр Майкл Ховард. Во-вторых, его наставник, один из основателей английской школы реализма Хедли Булл. И, наконец, Филип Виндзор, исследовавший ядерную стратегию, чей курс — Стратегические аспекты международных отношений — Кристофер развил в дальнейшем. Как и Кристофер, Виндзор был блестящим оратором. В аннотации к его книге «Стратегическое мышление» Кристофер перечислил характеристики, которые можно отнести к ним обоим: «глубокое понимание, невероятная гуманность и воображение, блестящий навык презентации».

Кристофер не только передал интеллектуальный багаж своих предшественников, но и призывал быть наставником для следующего поколения. Равняясь на то, как Ховард всегда слушал молодых, а Хедли Булл принимал студентов за несколько дней до своей смерти. После смерти Булла Ховард написал в некрологе про его учеников: «Они, возможно, даже больше, чем его труды, должны были стать его истинным наследием». Эти слова стали пророческими и для Кристофера.

У Кристофера Коукера не осталось никого из родных. Он был крайне закрытым человеком, редко говорил о личной жизни. Он говорил, что студенты — это его дети. Легионам этих «детей» его будет очень не хватать, и он никогда не будет забыт.

Знакомим читателя с нашими новыми изданиями, публикуя аннотации и фрагменты текста, дающие представление о книгах.

Была ли война неизбежна?

С тех пор как 24 февраля 2022 года Россия начала полномасштабное наступление на Украину, ученые всего мира обсуждают причины этой катастрофической войны. Как это часто бывало в прошлом, основной раскол происходит между представителями реалистической и либеральной школ международных отношений.

Реализм — структуралистская теория, которая предполагает анархию как естественное состояние международных отношений. Изменения во внешнем поведении государств вызваны, согласно этой теории, исключительно изменением баланса сил в международной системе. Меняющиеся отношения власти заставляют государства беспокоиться о своей безопасности и конкурировать друг с другом. Никакой накопленный опыт, никакое международное агентство или учреждение не способно заставить их вести себя по-другому. Поэтому реалисты считают войну неизбежным элементом поведения государства.

Джон Миршаймер представил свою специфическую версию реализма. Уже в 2014 году он оправдывал российскую агрессию против Украины, аннексию Крыма и войну на Донбассе как естественную реакцию России на расширение влияния НАТО на ее ближайшие окрестности. «Кризис в Украине — это вина Запада», — заключил он тогда и подтвердил свою горячо обсуждаемую оценку после полномасштабного нападения Москвы в феврале 2022 года¹.

Справедливости ради отмечу, что Джон Миршаймер получает немало критики, в том числе от коллег-реалистов, за чересчур упрощенную интерпретацию мировых дел. Однако его взгляды широко разделяет немало число экспертов и политиков по всему миру, особенно в Латинской Америке, Африке и Азии. Неудивительно, что Джон Миршаймер обеспечил себе огромный фан-клуб в российском внешнеполитическом сообществе. Можно уверенно утверждать, что в российских дебатах о международных отношениях полностью доминирует реалистическое мышление, облеченное в националистическо-культурологическо-цивилизационную риторику. Что русские ученые

*Владимир Рыжков.
Длинная тень СССР.
Очерк истоков
внешнеполитического
поведения современной
России.
Рига: Школа гражданского
просвещения, 2023. 288 с.*

и политики больше всего любят в Миршаймере, так это то, что он уверенно возлагает вину за войну (как и за все остальное) на США и коллективный Запад, тем самым освобождая Москву от любой ответственности.

Реалисты считают войну неизбежным элементом поведения государства

В своем эссе о «Длинной тени СССР» Владимир Рыжков порывает с преобладающим в его родной стране дискурсом. Фактически он основывает свои рассуждения о внешней политике России на противоположном предположении. Он убежден, что внутренние факторы не только влияют на внешнюю политику государств, но и решающим образом ее определяют. В качестве концептуальной основы Владимир Рыжков опирается на «Длинную телеграмму» Джорджа Ф. Кеннана 1946 года. Вместе с Кеннаном он настойчиво подчеркивает, что авторитарное правление и великодержавная идеология являются основами политического режима в Москве. И то и другое делают ее политику изначально враждебной по отношению к демократическим амбициям в соседних с Россией странах и на Западе.

Либеральная теория задается вопросом об установках, мировоззрении и ценностях, которыми руководствуются общество и политические элиты

Можно сказать, что, придерживаясь такого подхода, Владимир Рыжков (а до него Джордж Кеннан) исповедует либеральную школу международных отношений. Действительно, либеральный подход требует прежде всего изучения того, что происходит в пределах границ того или иного государства. Является ли оно демократическим или авторитарным? Как различные политические и экономические интересы на субнациональном уровне, а также отношения государства и общества влияют на внешнее поведение? В своем конструктивистском воплощении либеральная теория задается вопросом об установках, мировоззрении и ценностях, которыми руководствуются общество и политические элиты. Согласно либерализму, государства могут преодолеть дилемму своей безопасности, вызванную международной анархией. Они в состоянии найти способы не только сосуществовать без войны, но и создать правила и институты, способные гарантировать устойчивый международный мир и сотрудничество между странами. С этой точки зрения, прогресс на пути народов к современности означает, что все больше и больше государств и обществ поддерживают демократию, соблюдение международных норм и правил международных институтов и могут научиться жить между собой мирно. Цитируя статью Александра Вендта: «Анархия — это то, что из нее делают государства», а значит, они же могут ее преодолеть².

Но реальная история, которую рассказывает Владимир Рыжков, такова, какую не ожидали приверженцы либеральной теории в период ее

расцвета в 1990-е годы. Это история не модернизации и прогрессивного движения к демократическому миру, но, напротив, история демодернизации и ресоветизации российской политики с катастрофическими последствиями для украинской, европейской и международной безопасности. Владимир Рыжков возвращает нас во времена Михаила Горбачева и Бориса Ельцина, когда открылось историческое окно возможностей для глубокого изменения политической системы и когда самоидентификация и мировоззрение (или, по выражению Владимира Рыжкова, национальная идентичность российского общества) могли эволюционировать в сторону демократии и гражданского национализма. Увы, этого не произошло. Вместо этого метапериод модернизации (1984–2004 гг.) завершился с приходом к власти Владимира Путина. Он и его сторонники приняли свою собственную разновидность «перестройки». Они постепенно аннулировали институциональные и идеологические результаты модернизационного процесса при Горбачеве и Ельцине. На их месте они возвели жесткую, репрессивную и похожую на советскую автократию с агрессивной, империалистической, великодержавной идеологией. Это второй метапериод постсоветской истории России в эссе Владимира Рыжкова (2004 год — сегодня).

Либералы задаются вопросом: возможны ли перемены в будущем в сторону более демократической и мирной России?

Владимир Рыжков анализирует политическую историю России последних 30 лет острым взглядом человека, который не только наблюдал, но и участвовал в описываемых событиях. В конечном итоге, пишет он, возврат к «великому советскому прошлому» нереалистичен и лишь ставит крест на перспективах развития, а также на надеждах на благополучную и мирную жизнь. Старый режим вернулся, и вместе с ним вернулись жестокость, бессмысленность и безнадежность советской модели государства и общества, советского образа жизни. Длинная тень СССР накрыла собой Россию и лишила ее будущего. Следует добавить, что Путин одновременно пытается похоронить под тенью СССР и независимую Украину. Но, в отличие от российского общества, которое, как отмечает Владимир Рыжков, в основном апатично и все больше скатывается в глубокую моральную катастрофу, украинцы нашли в себе силы сопротивляться. Зверская атака Путина укрепила и объединила украинскую национальную идентичность вокруг тех самых идей и ценностей, которые российский лидер так отчаянно желает уничтожить.

Могли ли итоги тридцати лет постсоветской истории России сложиться иначе? Могла ли страна пойти по другому пути? Либералы также всегда задаются вопросом: возможны ли перемены в будущем в сторону более демократической и мирной России? Владимир Рыжков представляет блестящие и страстные контраргументы, опровергающие убеждения подавляющего большинства его российских коллег (и таких специалистов, как Джон Миршаймер, если уж на то пошло). Он яростно

оспаривает распространенный довод, что Запад подтолкнул Москву к началу этой убийственной войны. Он задается вопросом: могла ли более решительная поддержка Запада, включая «второй план Маршалла» в поздние горбачевские годы, направить политические события в Советском Союзе/России в более продуктивное русло? Мы не можем знать этого в ретроспективе. Ситуация до и после распада Советского Союза была беспрецедентной — она перенапрягла тех, кто принимает решения, с обеих сторон. Но мы должны продолжать анализировать политику Запада и учиться на прошлых ошибках. Взгляд Владимира Рыжкова на будущее и его рекомендации снова сходятся с советами Джорджа Ф. Кеннана 80-летней давности. По его мнению, не может быть конструктивных отношений с ресоветизированной и неототалитарной Россией. Если страна не перейдет к демократии, федерализму и верховенству права, та или иная форма сдерживания останется единственным жизнеспособным вариантом для западной политики. Сдерживание означает лишение правителей России возможности вести войну против любого из своих соседей. Это, конечно, добавлю от себя, подразумевает и поддержку самообороны Украины всеми средствами. Необходимо и сдерживание через укрепление альянса демократических стран, через поддержание их безопасности в Европе перед лицом агрессии России.

Перспективы политических изменений в России выглядят сегодня мрачно. Но (опять же, с либеральной точки зрения) они не являются невозможными. Если и когда перемены начнутся, мы можем извлечь (некоторые) уроки из опыта 1980-х и 1990-х годов. Тем временем жизненно важно поддерживать связь с либеральными и демократическими сегментами российского общества. Потому что они являются единственным мостом между настоящим и лучшим будущим для России, в России и вместе с Россией.

Сабина Фишер, старший научный сотрудник Германского института международных отношений и проблем безопасности (SWP, Берлин), ведущий специалист по российской внешней политике

¹ Mearsheimer J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault // Foreign Affairs. 18 August 2014. <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault>;

John Mearsheimer. Playing With Fire in Ukraine // Foreign Affairs. 17 August 2022.

² Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. Vol. 46. No. 2 (Spring 1992). P. 391–425.

В бой идут одни старики?..

*Мы пролили кровь за советскую власть,
пришло время и ей заступиться за нас.*

Жанна Гаузнер, советская писательница,
повесть «Вот мы и дома...» (1947)

В рамках советского исторического нарратива фронтовика, вернувшиеся в 1945 году домой, неизменно представляли не просто победителями — они были героями, безраздельно преданными советскому строю и «родной Коммунистической партии». Если верить сообщениям тогдашних советских газет, едва добравшись до родных мест, ветераны включались в восстановление социалистической родины, бросаясь в новые битвы — теперь уже у станков и доменных печей, на полевых станах и в шахтах. Официозные репрезентации рисовали ветеранское движение в СССР плотью от плоти советского строя, опорой и надеждой партийного руководства. Соответствующим образом социально-политическая активность ветеранов представлялась и историками-марксистами.

После упразднения Советского Союза российская историческая наука, попытавшись пересмотреть многие марксистско-ленинские догмы, оставила этот стереотип в неприкосновенности: предав гласности многие аспекты войны, засекреченные или замолчанные ранее, специалисты по большей части не тронули триаду «родина — ветераны — партия». Однако подобное превращение ветеранского сообщества, сложившегося в СССР, в своего рода неприкосновенную касту не могло не провоцировать историков-ревизионистов на пересмотр канонических, казалось бы, истин. В нынешнюю пору, когда историки в самой Российской Федерации, придавленные не терпящим возражений Левиафаном, скорбно помалкивают, их функции вполне по-союзнически принимают на себя русисты из «недружественных» стран. Именно в таком контексте появился на свет русскоязычный перевод книги австралийского историка Марка Эделе, опубликованной на английском еще в 2008 году. Появившись в России в 2023-м, эта книга, прямо скажем, зазвучала по-новому.

Этот специалист принадлежит к той страте западных славистов, которые не только читают по-русски, но и провели немало времени в российских архивах. Красноречивым подтверждением тому выступает обширный научный аппарат рецензируемого труда, содержащего великое множество ссылок на советские архивные материалы. Дополнительную яркость изложению придает постоянное обращение автора к

Марк Эделе. *Советские ветераны Второй мировой войны: народное движение в авторитарном государстве, 1941–1991.* М.: Новое литературное обозрение, 2023. 480 с.

альтернативным свидетельствам ветеранского быта в сталинском СССР, заимствованным из художественной прозы, мемуаров, кинематографа. Как рассказывает Эделе, родина встречала возвращающихся бойцов довольно сурово: практически все ожидавшие их дома проблемы, включая жилищное обеспечение, медицинское обслуживание и постоянное трудоустройство, им приходилось решать самостоятельно, опираясь либо на уцелевших родственников, либо на окопные связи. С некоторыми категориями бывших фронтовиков советская власть обращалась особенно плохо: к таковым прежде всего относились репатриированные военнопленные, навсегда попадавшие в разряд «пожизненно меченых», — их мытарствам автор посвящает особую главу, — а также инвалиды, получившие в боях наиболее тяжелые увечья и неспособные работать. Последние, занимавшиеся в основном нищенством и попрошайничеством, были настолько многочисленны, что государственные органы в 1951–1954 годах решили организовать специальную кампанию против «антиобщественных и паразитических элементов», увенчавшуюся выселением тысяч и тысяч увечных победителей фашизма за пределы крупных городов (с. 186–188). Кстати, на вовлеченности вернувшихся солдат и офицеров в преступные и теневые сообщества автор останавливается отдельно, подчеркивая несомненную ответственность Советского государства за подобное положение дел.

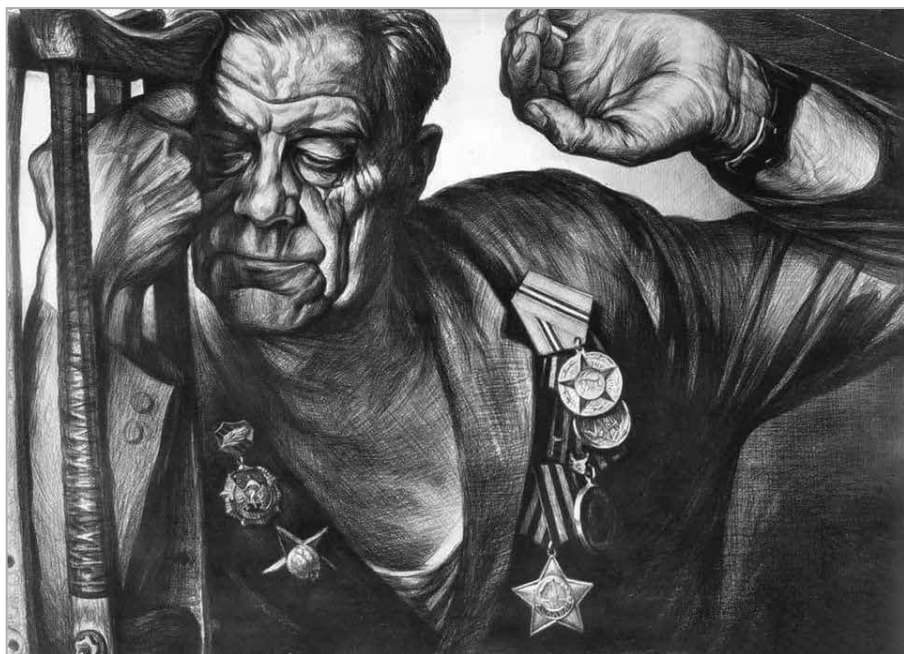
Согласно Эделе, выжившие фронтовики в большинстве своем крайне болезненно переживали парадоксальность своего нового положения: с одной стороны, еще до завершения войны штатные и внештатные агитаторы на все лады рассказывали им о том, что коммунистическая родина обязательно отблагодарит и обласкает всех, кто спас ее от «нацистской чумы»; с другой стороны, попавшие наконец в родные края демобилизованные едва ли не каждый день получали свидетельства того, что с ними никто не собирается церемониться. «Даже самые скромные утопические надежды обернулись для большинства несбывшимися розовыми мечтами, — пишет австралийский историк. — Говоря напрямую, обещания, раздаваемые фронтовикам при демобилизации, просто невозможно было исполнить» (с. 89–90). Рождавшийся отсюда resentment в конечном счете породил в советском обществе необычную социальную группу, которая в книге именуется «сообществом заслуживающих»: возвращавшиеся из-за границы ветераны, наряду со всевозможными трофеями, военными байками, боевыми ранениями, «везли с собой убежденность в том, что имеют полнейшее право на достойную жизнь после войны» — и эта вера спланировала и консолидировала их (с. 46).

Вступая в неизбежный конфликт с вездесущей советской бюрократией, бывшие бойцы пытались освоить невиданное для homo soveticus искусство самоорганизации: создавая первые ветеранские объединения, они рассчитывали на консолидированное предъявление советским

властям коллективных требований, формируя тем самым то, что в книге названо «народным движением в авторитарном государстве». Коммунистические власти вместе с тем на протяжении десятилетий пресекали подобные инициативы, во-первых, беззастенчиво препятствуя официальному учреждению в СССР ветеранских союзов, а во-вторых, жестко ограничивая деятельность допущенной на политическую арену «ветеранской общественности» исключительно «борьбой за дело мира во всем мире». Неформальный ветеранский актив, однако, не устраивало ни то, ни другое: с годами «сообщество заслуживающих» все громче и громче начинало требовать, чтобы Советское государство начало прислушиваться к нему при выработке своей социальной политики. Этот конфликт партии и государства с выжившими в сражениях фронтовиками, начавшийся сразу же после завершения войны и закончившийся только с кончиной советской власти, составляет ядро всего представленного в книге нарратива.

*Конфликт партии
и государства с выжившими
фронтовиками, начавшийся
сразу же после войны,
составляет ядро всего
представленного в книге
нарратива*

Книгу можно назвать очень человечной, поскольку Вторая мировая война предстает в ней не столько грандиозным столкновением великих империй, сражающихся за геополитическое доминирование, сколько тяжким испытанием для человека, которому помимо собственной воли оказались подвергнуты миллионы участвующих в ней мужчин и женщин. Равнодушие большевистской бюрократии к страданиям и тяготам тех, кто сумел, вопреки всему, выжить, порой казалось невообразимым. Обрекая вчерашних освободителей на бесконечные унижения в очередях и приемных, государство на всем протяжении массовой демобилизации 1945–1948 годов не уставало информировать граждан о материальной поддержке возвращающихся бойцов. Несмотря на то, что в абсолютных цифрах эта поддержка выглядела впечатляюще, пишет Эделе, на деле она была мизерной: «Так, в Башкирской АССР на каждого демобилизованного пришлось в среднем один рубль денежной помощи, два килограмма хлеба, крошечный кусочек ткани (длиной в один сантиметр) и никакого топлива для обогрева жилища. На каждую тысячу ветеранов только единственный получил одну голову крупного рогатого скота, двенадцать — одну пару обуви, шесть — один предмет одежды» (с. 90–92). По стране в целом обстановка была примерно такой же. Но огорчения фронтовиков, конечно же, отнюдь не сводились к бытовой депривации, ибо с полей сражений они привезли и гораздо более высокие надежды. В частности, многим ветеранам вполне реалистичным «представлялось то, что наградой за безупречную службу крестьян советскому режиму станет упразднение ненавистного колхозного строя» (с. 88). Разумеется, советская власть не собиралась кончать самоубийством,

Геннадий Добров. «Новой войны не хочу...». Портрет солдата Виктора Попкова. 1974

ликвидируя одну из своих фундаментальных основ: вместо того чтобы на волне победного воодушевления заняться собственным реформированием, она еще активнее, чем до 1941 года, начала затыкать рты недовольным. Так вчерашние победители начали заселять ГУЛАГ.

В сущности, подытоживает Эделе, советская власть просто боялась бывших фронтовиков. Преодолевшие немислимые страдания и пережившие очную встречу со смертью люди с самого начала казались ей потенциально опасными. Из-за этого она всеми силами не позволяла им объединяться, не брезгуя даже откровенными низостями: например, долгое время отказываясь объявить 9 мая, по-настоящему всенародный праздник, нерабочим днем. Фронтовики, в свою очередь, платили ей той же монетой: коммунисты не пользовались в их рядах пиететом, и они не стеснялись высказывать претензии государству. Это довольно неожиданный ракурс, позволяющий по-новому взглянуть на жизнь послевоенного СССР. И тот факт, что в нынешней России в сумеречный период ее истории все-таки публикуются честные исторические работы, подобные только что рассмотренной, вселяет капельку надежды.

Андрей Симбирцев

Контрапункт

Амстердам

У успеха, в отличие от неудачи, всегда много авторов. У американского успеха, как кажется, количество претендентов на авторство стремится к бесконечности. Год от года их общая сумма угрожающе нарастает. В научно-популярных изданиях пишут, что причина успеха — в гениальности отцов-основателей. Массовый кинематограф утверждает, что секрет был в беспримерной гражданской сознательности рядовых американцев. Согласно циничной версии, американский успех — это закономерное следствие высокого качества британских институций; они работают как часы, даже если их отсоединить от королевского двора и палаты лордов. По странному стечению обстоятельств циничная версия имеет массу сторонников в Лондоне.

Есть версии, которые обсуждаются в среде верующих, и о них лучше молчать. Есть и неожиданные джазовые варианты. Согласно одному такому, все дело в глубоком голландском влиянии. Якобы переселенцы из Амстердама и их необычные правила жизни сделали Америку такой процветающей. Что касается Британской империи с ее юридической изощренностью, то ее ролью можно пренебречь.

Версия про роль голландцев нечасто встречается в академических исследованиях. Зато в медиа для образованного среднего класса она живет уже как минимум полтора столетия. Иногда ее обсуждают очень широко, вплоть до редакторских колонок в больших женских журналах. Иногда о ней можно услышать разве что во время экскурсий по самым старым районам Нью-Йорка.

Нетрудно заметить, что даже на первый взгляд версия не выглядит убедительной. Всем — кроме лондонских литературных снобов — известно, что американцы говорят на английском языке. Долгое время жители Британских островов чаще других пересекали океан с целью начать новую жизнь в Новом Свете.

Максим Горюнов,
философ

Голландские колонии вдоль Гудзона перешли к британской короне еще в семнадцатом веке, за сто лет до Войны за независимость. В течение уже этих ста лет узкие улицы Нового Амстердама затерялись внутри быстрорастущего Нового Йорка. Тем не менее, невзирая на эти и другие бесчисленные факты, голландская версия продолжает жить и захватывать воображение.

Российскому читателю, знакомому с историей путешествия молодого царя Петра на амстердамские верфи, сюжет про влияние голландцев будет близок. След голландцев в России заметнее, чем в Северной Америке. Царь Петр был очарован голландскими технологиями, городами, каналами, деловитостью. Историки часто пишут о том, что его план переустройства страны появился на свет во многом благодаря этому очарованию. Царь Петр говорил и читал на голландском, и это был единственный язык, который ему удалось выучить. Его новая столица Санкт-Петербург была построена под впечатлением от Амстердама. Для династии Романовых одноэтажный дом, в котором жил Петр в Нидерландах, был местом паломничества. И не только для Романовых. Согласно апокрифу из мемуаров Александры Смирновой-Россет, Александр Пушкин, узнав, что дом царя Петра в Заандаме может быть подарен императору Николаю I, предложил себя в качестве дворника. Для романовских россиян этот дом был культурным Вифлеемом — местом, где появилась на свет идея страны, в которой они жили.

У пиетета американцев в отношении Нового Амстердама и пиетета романовских россиян в отношении домика Петра в Заандаме есть некоторое созвучие. Во всяком случае, и там и там речь идет о воображаемой прекрасной прародине, о романтическом увлечении, которое не рассеивалось, несмотря на время.

Голландская мания

В книге профессора Аннетт Стотт «Голландская мания: неизвестный голландский период в американском искусстве и культуре» (Annette Stott. *Holland Mania: The Unknown Dutch Period in American Art and Culture*. The Overlook Press/Ambo Anthos, 1998. 320 p.) подробно и с большим удовольствием описывается сорок лет — с 1880 по 1920 г., — когда образованное американское общество было охвачено «голландской манией». Крупные бизнесмены соревновались друг с другом, чья коллекция Рембрандта и Вермеера полнее. В модных журналах из номера в номер появлялись зарисовки из повседневной жизни в Амстердаме и его приморских окрестностях. В дальних рыбацких деревнях Фризских островов Северного моря можно было увидеть молодых американских художников, занятых поисками сюжетов. Для тех, у кого не было возможности купить билет на трансатлантический рейс, вблизи Бостона были открыты курсы живописи. Знатоки уверяли, что дюны и морская гладь в той местности приблизительно похожи на те, что тянутся вдоль

голландских берегов. Талантливый художник без гонорара, но с воображением запросто мог додумать недостающие детали. Если воображения не хватало, с этим тоже могли помочь. Можно было взять в аренду народный костюм и попросить натурщицу или натурщика изобразить что-нибудь из жизни фризских тружеников. Кроме того, всегда есть вариант опереться на плечи родных и близких. До наших дней дошли фото молодых американок в белых передниках и деревянных башмаках — так жены и подруги художников помогали своим партнерам найти нужный образ. Спрос на голландские картины был фантастически перегрет, покупатели платили не глядя, портреты улыбающихся американок в голландском наряде у моря или у молочной фермы шли на ура. Продажи антикварной мебели, серебра, керамики — привозное из Нидерландов, разумеется, — неуклонно росли. Подделки и имитации росли в цене соответственно. Группы просвещенных энтузиастов ездили по самым старым городкам вокруг Нью-Йорка в поисках зданий, построенных руками первых голландских поселенцев. Если такое здание находилось, средства на его реставрацию собирались довольно легко. С точки зрения энтузиастов, эти здания таили в себе ключ к пониманию «американского образа жизни». Одновременно с этим в модных архитектурных бюро проектировались небоскребы и общественные здания в узнаваемой стилистике «Антверпен — Роттердам — Брюгге». Публичные лекции об истории Нидерландов собирали залы по всей стране. Публичные лекции о том, как многим американский проект обязан успехам голландской рациональности, собирали еще большие залы.

Как объясняет Аннетт Стотт, дело в том, что молодая американская республика открыла для себя Нидерланды как прародину своей политической и отчасти культурной идентичности. До этого были греческий и римский периоды, вслед за ними пришло время голландского. Учитывая ситуацию на тот момент, это увлечение было предопределено. В 1880 году мир управлялся империями во главе с императорами и императрицами. Австро-Венгерская империя, Российская империя, Испанская империя, очевидно, не были похожи на Штаты. Британская империя, из которой американцы с большим трудом и по счастливой случайности вышли, подходила к пику своего могущества. В соседней Канаде, которая из той же империи не вышла, присутствие британского монарха было более чем осязаемым.

Американскому обществу было неудобно выводить свою генеалогию из монархий. Требовалась хотя бы приблизительная схожесть, и Нидерланды оказались очень кстати. Их живой протестантизм, богатый республиканский опыт, поразительная терпимость к инаковости и открытость к инновациям не могли остаться незамеченными. Не так много американцев могли найти у себя голландские корни. Выходцы из

Американскому обществу было неудобно выводить свою генеалогию из монархий

Ирландии были многократно многочисленнее. С другой стороны, если ориентироваться не на кровное родство, а на правила жизни, на ценности, на видение того, что есть добро и зло, то здесь у американцев с голландцами в самом деле можно найти общие черты. Героями картин фламандских живописцев были не герцоги, святые и военные, а горожане, чей достаток зависел от их удачи и усердия, — примерно так и воображали себя американцы. Внимание фламандцев к дому, к семейному быту, к труду, к повседневности тоже было близко. Картины, созданные в мире, где есть абсолютный монарх и цензура, звучали иначе. Американцам, как утверждали самые ярые сторонники демократии, нужно было сделать над собой усилие, чтобы понять, о чем идет речь. В случае с фламандцами таких проблем не возникало (по крайней мере, так считали авторы колонок в популярных журналах о моде и искусстве). В Нидерландах американцы увидели похожую на них интеллектуальную среду, и это породило моду, которая продолжалась без малого полвека.

Как утверждает Аннетт Стотт, у истоков этой моды стояли несколько американских авторов. Их понимание штатов не всегда совпадало с фактами, зато пришлось по душе широкой публике.

В 1856 году будущий посол США в Австрии Джон Лотроп Мотли (John Lothrop Motley) издал книгу в трех частях «Подъем Голландской республики» (The Rise of the Dutch Republic). Книга разошлась огромным по тем временам тиражом в несколько десятков тысяч экземпляров. В 1867 году в свет вышла четвертая часть — «История Объединенных Нидерландов» (History of the United Netherlands). Написанные ярко и броско, скорее как политический памфлет, чем академический трактат, книги Мотли изображали голландцев как народ, любящий свободу и с сильной «инстинктивной склонностью к самоуправлению». Голландцам противостояла Испанская империя, в описании которой было подозрительно много общих черт с империей британцев. Испанцами правили тираны с неограниченной властью и угрюмые инквизиторы. Мягко говоря, ни те ни другие не стремились оставить о себе хорошее впечатление.

С точки зрения Мотли, голландская революция против испанского правления — это была война свободных людей с деспотическим монстром. Нетрудно представить, чью сторону занимал американский читатель и чьим победам он радовался.

Следующая важная книга появилась на прилавках в 1892 году, когда «голландская мания» уже набрала обороты. Книга называлась «Пуританин в Голландии, Англии и Америке» (The Puritan in Holland, England and America), ее автором был речистый нью-йоркский адвокат Дуглас Кэмпбелл (Douglas Campbell). Американцам, считал он, следует освободить свои умы от британских иллюзий и признать, что их истинными кузенами в Европе являются жители Нидерландов. На этот счет у автора было три серии аргументов. Все три, стоит отметить, были

подчеркнуто прикладными, взятыми из практики, а не из метафизики. Во-первых, голландские колонии в Северной Америке управлялись на порядок лучше, чем британские. В начале семнадцатого века у них была свобода вероисповедания, регистрация кредитов, бесплатное начальное образование и право петиций. Ничего этого, настаивал адвокат, не было у британцев, но появилось у американцев через прямое заимствование от голландцев. Во-вторых, британские пуритане бежали в Новый Свет через голландские города. В то время для религиозных беженцев со всей Европы, включая подданных английского короля, Нидерланды были ближайшим и самым надежным убежищем. Беженцы жили в Гааге и Утрехте иногда по несколько лет, прежде чем у них появлялась возможность переправиться через океан. За это время они, естественно, усваивали правила жизни приютивших их голландцев. Не следует забывать, что пассажиры «Мейфлауэр» — легендарного корабля с британскими поселенцами — перед тем, как пересечь Атлантику (1620), долго жили в Лейдене. Так долго, что их дети понимали голландский не хуже, чем английский. Их изначальный план был поселиться на новом континенте вблизи голландской колонии и под защитой голландцев. Увы, Амстердам отказал, пришлось плыть на новое место, и так появилась формально первая британская колония в Северной Америке. И в-третьих, такие важные усовершенствования общественной жизни, как письменное голосование, свобода прессы и независимые благотворительные организации, появились в Америке раньше, чем в Англии. При этом в Нидерландах они уже были — и давно. Таким образом, настаивал адвокат, гражданину штатов не нужно погружаться в истории королевских дворцов, чтобы понять свою страну. Чтение истории Объединенных Провинций даст ему несравнимо больше.

Как пишет Аннетт Стотт, настойчивое желание Дугласа Кэмпбелла отбросить в сторону британское наследие могло быть мотивировано его сочувствием к идеям шотландских националистов: те тоже стремились исключить Лондон из рецепта американского успеха. Как бы то ни было, книги Кэмпбелла и его лекции привлекли к себе немалое внимание, которое, как с грустью замечает автор, сошло на нет после Первой мировой войны. Четыре года чудовищной войны и последующий разгул национализма так изменили Европу, что идея ехать из Бостона в Амстердам, чтобы увидеть колыбель демократии, утратила смысл. Колонии американских художников опустели; остались только те, кто женились и перешли на язык своей новой семьи.

Тем не менее интерес к голландцам не ушел навсегда. Вторая мировая война и за ней холодная война не отменяют того факта, что крупнейший город страны, Нью-Йорк, первые полвека своего существования говорил на голландском.

Откуда «есть пошла» американская демократия

В 2005 году известный американский писатель Рассел Шорто (Russell Shorto) издал книгу «Остров в центре мира. Эпическая история голландского Манхэттена и забытой колонии, сформировавшей Америку» (The Island at the Center of the World: The Epic Story of Dutch Manhattan and the Forgotten Colony That Shaped America. Doubleday, 2005. 384 p.). Как очевидно из названия, это еще одна попытка пересмотреть роль голландских поселений в американской истории. Про Шорто следует знать, что его отношение к Нидерландам — это больше чем ситуативная

Речь идет о понятном и очевидном желании потомка эмигрантов глубже понять страну, в которой он оказался

симпатия. В его писательском портфолио есть книга про Амстердам с красноречивым названием «Амстердам: история самого свободного города в мире» (Amsterdam: A History of the World's Most Liberal City). Книга начинается с живого и даже восторженного описания утренней поездки с ребенком на велосипеде по амстердамским ули-

цам к детскому саду. Шорто рад свежему морскому ветру, исторической архитектуре и возможности передвигаться по городу не на автомобиле. И тон, и ритм текста говорят читателю о том, что писатель искренне влюблен в этот город.

С 2008 по 2013 год он был директором Института Джона Адамса в Амстердаме. В 2009-м получил рыцарское звание от нидерландской королевы за свои многолетние усилия по сближению американцев и голландцев. Среди официальных фото нидерландского принца и его супруги (теперь король и королева) есть фото с Шорто на выставке в Нью-Йорке в честь первых голландских поселенцев.

В США Шорто, как кажется, принял участие практически во всех заметных проектах, которые имеют отношение к голландским колонистам в Северной Америке: New Netherland Research Center, New Netherland Institute и начиная с прошлого года The New Amsterdam Project. Шорто не имеет голландских корней. Его интерес к теме не связан с генеалогией. В своей новой книге «Короткое время: история моей семьи и мафии» (Small-time: A Story of My Family and the Mob), увидевшей свет в 2021 году, он подробно рассказывает об истории своих предков. История включает в себя участие в криминальной группировке. Группировка не была особенно заметной. Как это часто бывает, криминальная деятельность прекратилась сама собой, когда эмигрантам удалось по-настоящему интегрироваться в американское общество. В этом отношении внимание Шорто к нидерландскому наследию и его желание представить Новый Амстердам как исток Соединенных Штатов исходит чисто от этнических фантазий. Скорее, речь идет о понятном и очевидном желании потомка эмигрантов глубже понять страну, в которой он оказался.

В отличие от авторов из позапрошлого века, описанных Аннетт Стотт, книга Шорто имеет больше академических достоинств. Все дело в том, что Шорто нашел документы. С 1974 года нью-йоркский лингвист и историк Чарльз Геринг (Charles Gehring) занят переводом архивов голландской колонии: петиции, протоколы, деловая переписка — всего двенадцать тысяч листов. Документы чудом пережили три британско-голландские войны и несколько пожаров и хранились в библиотеке Нью-Йорка. Написанные на давно устаревшем голландском, они были малодоступны для историков. По счастью, про архив знал Чарльз Геринг, который защитил диссертацию по голландскому языку семнадцатого века. Он связался с главами голландской общины Нью-Йорка и в результате получил работу на всю жизнь. Рассел Шорто, ссылаясь на уже переведенные документы, утверждает, что на самом деле Нью-Йорк является местом, откуда «есть пошла» американская демократия. Родителями Америки, ее святым семейством были голландские переселенцы. Помимо прочего, Шорто утверждает, что ему удалось найти в изученных документах самого первого отца-основателя. По мнению писателя, им был Адриан ван дер Донк (Adriaen van der Donck, 1618–1655), дипломированный адвокат из Северного Брабанта, который в 1641 году подписал контракт с крупным голландским торговцем мехом из Северной Америки. Перевравшись на другую сторону Атлантики, ван дер Донк скоро включился в главный конфликт Нового Амстердама: жителей города против Вест-Индской компании.

*Нью-Йорк является
местом, откуда
«есть пошла»
американская
демократия*

К тому времени конфликт длился уже не первый год, и причиной была впечатляющая неадекватность директора местного отделения. Его звали Виллем Кифт (Willem Kieft, 1597–1647), он много пил, и его решения были одно хуже другого. Одной из самых странных его выдумок была попытка заставить платить налоги индейцев, проживавших в лесах вокруг поселения. Ожидаемо получив отказ, Кифт устроил акцию устрашения: пролилась кровь, которая закономерно привела к войне. Колонисты, надо отметить, были против и налогов, и акции. Кифт, являя собой пример «сильного лидера», проигнорировал их возражения. Нарушенный мир с коренными американцами поставил под удар имущество и жизни колонистов. В то время как Виллем Кифт, окруженный солдатами и укреплениями, мог безопасно спиваться, колонисты жили в постоянном страхе перед внезапными набегами. Тем, чьи фермы были совсем далеко от берега, пришлось их бросить: вероятность насильственной смерти была слишком высока. Используя навыки юриста, ван дер Донк тайно помог жителям составить жалобы на Кифта. До него жалобы были написаны с ошибками, невнятно, без знания процедур и законов. Они вряд ли могли убедить. Когда за оформление жалоб взялся

Лили Бернар. Карлота, ведущая народ. 2011

юрист с дипломом, жалобы стали выглядеть так, что компания не могла на них не ответить. Когда невменяемость Кифта стала очевидна для руководства, его уволили.

Рассел Шорто видит в этом событии победу гражданского общества, в которой угадывается будущее восстание против неадекватности британской администрации. В глазах писателя Адриан ван дер Донк — это прообраз сразу всех американских отцов-основателей, вместе взятых. Сочетание фундаментальных юридических знаний, умения вести дела и почти религиозной лояльности к рядовым поселенцам — такими будут первые лидеры американских штатов. В 1776 году юристы с образованием и практикой, точь-в-точь как Адриан ван дер Донк, помогут недовольным налогоплательщикам выйти из империи и создать республику. Как мы теперь знаем, эта республика-на-краю-света смогла выжить и не только. При всех ее недостатках и иногда пугающих странностях она неожиданно скоро обогнала свою бывшую метрополию и стала самой могущественной страной за всю историю человечества.

В издательстве «Новое литературное обозрение» вышла книга профессора истории в Висконсинском университете в Мэдисоне (США) **Франсин Хириш** «Суд в Нюрнберге. Советский Союз и Международный военный трибунал».

Международный военный трибунал, или Нюрнбергский процесс, организованный союзническими державами-победителями сразу после Второй мировой войны, был призван привлечь нацистов к ответственности за их преступления и восстановить чувство справедливости в мире, опустошенном насилием. И хотя роль, которую Советский Союз сыграл в организации этого судебного процесса, является основной, она зачастую упускается в современных описаниях.

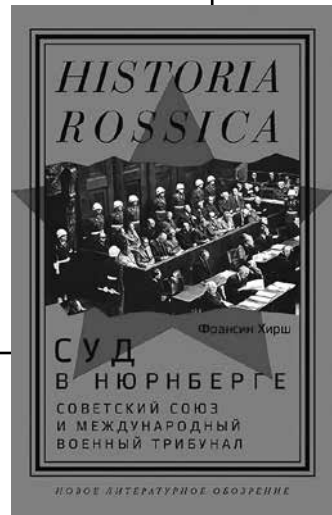
Как показывает Франсин Хириш, без участия СССР Нюрнберг никогда бы не состоялся: именно советские юристы разработали правовую основу, рассматривающую войну как международное преступление. Однако попытки Сталина управлять дистанционно ходом процесса ломали планы советской стороны, американская сторона навязывала свою стратегию обвинения, а сторона нацистской защиты открыто поднимала на заседаниях Трибунала вопрос о причастности СССР к преступлениям против мира.

Предлагаем читателю авторское введение к книге.

Введение. Нерассказанная история

В ноябре 1945 года — примерно через шесть месяцев после окончания Второй мировой войны в Европе — в Нюрнберге, в американской зоне оккупации бывшей нацистской Германии, во Дворце юстиции, собрался Международный военный трибунал (МВТ). Над входом в величественное здание из песчаника реяли флаги Соединенных Штатов, Великобритании, Советского Союза и Франции, а снаружи стояли по стойке смирно почетные караулы из этих стран — зримое напоминание о том, что процесс над бывшими нацистскими вождями ведут четыре военные оккупационные администрации Германии.

Нюрнберг был исполнен символического значения. Этот город был колыбелью нацистского движения, местом срежиссированных массовых митингов — увековеченных частью в фильме Лени Рифеншталь «Триумф воли», — на одном из которых

Франсин Хириш.

Суд в Нюрнберге. Советский Союз и Международный военный трибунал.

Новое литературное обозрение, 2023. 640 с.

в сентябре 1935 года Адольф Гитлер провозгласил расовые законы Третьего рейха и воодушевил миллионы последователей обещанием возродить Германию. Это был и один из последних очагов сопротивления немецких войск в 1945 году, театр одного из завершающих сражений в Европе. Одним словом, подходящее место для подведения итогов войны.

Среди тех, кто приехал наблюдать за судебным процессом, был советский кинорежиссер Роман Кармен — специальный корреспондент советской печати, получивший задание освещать ход суда. В первый день, проезжая в автомобиле через город, Кармен был поражен разрушениями. «Ни одного дома уцелевшего в Нюрнберге не увидишь, — писал он. — Это сплошные руины». Последние годы Кармен работал кинооператором Красной армии и снимал документальные фильмы в Ленинграде, на Дону и на Белорусском фронте. Он видел, что может сделать война. Но его все равно ошеломило увиденное. Нюрнберг почти сровняли с землей периодические бомбардировки союзников и уличные бои. Средневековый центр и современные части города были обращены в кучи щебня и мусора. Перед отъездом из Москвы Кармен смотрел немецкие кинохроники и документальные фильмы, где город представлял во всей своей славе под властью нацистов. Он вспоминал сцены, исключительные в своем великолепии, — территорию съездов НСДАП и бесконечные парады частей СС, гитлерюгенда и вермахта. Невозможно было поверить, что это один и тот же город¹.

Оставив багаж в пресс-лагере, расположенном к юго-западу от города, Кармен направился прямо в суд. Он спешил. Из-за плохой погоды задержался его рейс в Нюрнберг. Было уже 22 ноября: он пропустил первые два дня процесса и не хотел больше терять времени. Его машина свернула на Фюртерштрассе, одну из немногих улиц, сохранивших свой вид. Там, за коваными железными воротами, стоял Дворец юстиции. Четырехэтажное здание начала XX века выглядело сравнительно не тронутым войной. Тысячи немецких военнопленных были подражены американскими оккупационными войсками заделывать дыры от пуль и ремонтировать здание. При виде советского почетного караула Кармен ощутил прилив гордости, вспомнив «доблестный путь» Красной армии «от Сталинграда, Волги, Москвы до Берлина»².

Внутри Дворца юстиции Кармена очаровало сочетание монументальности с функциональностью. Сам зал суда был разобран и расширен, чтобы вместить восемь судей, четыре группы обвинителей, подсудимых с их адвокатами и сотни представителей прессы, которые размещались в задней части зала. Позади свидетельской скамьи соорудили специальную кабину для переводчиков; наверху приделали галерею для зрителей. Пахло свежей древесины и краской. На стене висел бронзовый барельеф с Адамом, Евой и змеем, оставшийся со времен постройки здания. На карауле стояли американские военные полицейские

в белых касках. Прямо напротив судей располагалась скамья подсудимых; Кармен сразу узнал среди них Германа Геринга и Рудольфа Гесса. Позже, в разгар процесса, Кармен вспоминал, какое удовольствие пережил именно в этот момент — зная, что в этом месте «народы мира судят банду фашистских палачей»³. Здесь ему суждено было провести десять месяцев, снимая процесс на камеру для потомков.

Кармен приехал в Нюрнберг, глубоко ощущая собственную ответственность. Всю войну его миссией было разоблачение преступлений нацистов. Он снимал разрушенные деревни, разбомбленные города и зверски убитых мирных жителей. Эти кадры вошли во множество советских и иностранных кинохроник и документальных фильмов. Весной 1944 года он заснял освобождение советскими войсками лагеря смерти Майданек в Польше. В статье, опубликованной одновременно в «Дейли уоркер» и «Лос-Анджелес таймс», он описал работу газовых камер и крематория и отметил, что весь проект уничтожения более полу-миллиона человек «был организован с дьявольской эффективностью». «За исключением тысячи живых трупов, найденных Красной армией, когда она вошла в лагерь, ни один заключенный не выбрался оттуда живым»⁴. Из Польши Кармен двигался вместе с Красной армией на запад, документируя взятие Берлина и капитуляцию нацистов.

В Нюрнберге Кармен возглавлял небольшую группу советских операторов, которым было поручено снимать хронику, а затем подготовить полнометражный фильм о процессе. Они стремились создать визуальный нарратив, показывающий миру колоссальные жертвы, принесенные Советским Союзом ради победы над нацистами. «Если бы не Советская армия, не героический советский народ, который сыграл решающую роль в победе над Германией, не было бы Нюрнберга», — рассуждал Кармен в ходе работы над фильмом⁵. Кармен был талантливым режиссером и опытным советским пропагандистом, способным в полной мере контролировать идеи и образы, которые он представлял на экране. Но в целом для советской делегации в Нюрнберге — для судьи и его заместителя, обвинителей, письменных и устных переводчиков и большого количества вспомогательного персонала — контролировать ход процесса оказалось гораздо сложнее.

Не то чтобы Советский Союз был захвачен врасплох открытием МВТ; он сыграл ключевую роль в его создании. В самые черные дни войны — когда было еще неизвестно, устоит ли вообще Советский Союз, — Иосиф Сталин и его нарком иностранных дел Вячеслав Молотов призвали создать «специальный международный трибунал» для суда над нацистскими лидерами, отчасти ради того, чтобы подвести правовую основу под требования репараций: они уже понимали, что репарации необходимы для восстановления разгромленных городов и предприятий в СССР. Советские власти считали очевидным, что нацистские лидеры виновны и заслуживают виселицы. Они воображали себе Нюрнбергский процесс

Фотография международного трибунала в Нюрнберге. (20.11.1945 – 01.10.1946)

по образцу Московских процессов 1936–1938 годов — как большой политический спектакль с предрешенным исходом. Нюрнберг должен был высветить всю глубину злодейства нацистов и вынести обвиняемым смертный приговор.

Ожидалось, что так все и будет. Но еще до того, как Кармен установил свою кинокамеру «Аймо» во Дворце юстиции и начал съемку, процесс начал отходить от сценария, ожидаемого в Москве. Страны-обвинители не только противостояли обвиняемым в зале Нюрнбергского суда — они соперничали друг с другом.

Четыре союзника совершенно по-разному прошли войну. В Нюрнберге они в разной степени желали возмездия и преследовали совершенно разные интересы. Французам нужно было разобраться со своим коллаборационистским наследием; война выявила и обострила

*Страны-обвинители
не только противостояли
обвиняемым – они
соперничали друг с другом*

социальные и политические конфликты, и новое французское правительство не вполне понимало, что делать дальше. Британцы, которые в течение года в одиночку противостояли Германии, были разорены войной и опасались утраты своего влияния и потери

империи. Соединенные Штаты поздно вступили в войну, покончив с долгим периодом изоляционизма, и готовились принять на себя более видную и, возможно, даже лидирующую роль в международных отношениях. В сравнении с европейскими участниками войны Соединенные Штаты потеряли незначительное число мирных граждан; в отличие от других союзников, экономика США в ходе войны набрала мощь, и американцы были полны уверенности в своих силах. Советский же Союз был растерзан нацистским вторжением и оккупацией: количество

жертв превосходило всякое воображение. Он праздновал окончательный триумф над врагом, но сел за стол переговоров, понеся чудовищные потери, и твердо намеревался занять подобающее место среди победителей.

Все союзники хотели воспользоваться этим судебным процессом, чтобы представить свою собственную версию истории войны и повлиять на формирование послевоенного будущего. Кроме того, они прибыли в Нюрнберг со взаимно несовместимыми идеями о самой сути правосудия и о том, как оно должно осуществляться. Обвинители и судьи из четырех стран с разными политическими системами и правовыми традициями имели конфликтующие представления даже о таких фундаментальных вещах, как доказательство, свидетель и права подсудимого.

А как насчет подсудимых? Рейхсмаршал Герман Геринг, министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп, рейхсминистр Альфред Розенберг и другие нацистские руководители вовсе не раскаивались; для них Нюрнберг был пародией на правосудие. К удивлению и смятению стороны обвинения, бывшие нацистские бонзы и их адвокаты решительно отрицали легитимность суда и играли на разногласиях между странами-обвинителями — а эти разногласия стали досадно очевидными с самого начала. Да, обвиняемые шли на виселицу, но они сражались за каждый шаг на этом пути.

Бывшие нацистские бонзы и их адвокаты отрицали легитимность суда

Все это было ясно участникам и, несомненно, таким внимательным наблюдателям, как Роман Кармен. Как и другие советские корреспонденты в Нюрнберге, он чувствовал напряжение процесса с самого момента прибытия. Несколько месяцев он выслушивал показания об ужаснейших преступлениях, и война поневоле воскресала в его памяти. Он был шокирован утверждениями обвиняемых, что Германия напала «превентивно» ради защиты от неминуемого советского нападения. У него вызвали отвращение попытки защитников отрицать за победителями право судить побежденных. Для него было почти мучительно день за днем фокусировать объектив на лицах «отвратительных существ» и «гносных зверей», сидевших на скамье подсудимых. Но он все равно снимал, чтобы запечатлеть их истинную природу и тем самым разоблачить суть зла⁶.

Фильм Кармена «Суд народов» вышел на экраны Советского Союза через месяц после того, как в октябре 1946 года судьи вынесли свои вердикты. Пятидесятипятиминутный документальный фильм представлял советский взгляд на Вторую мировую войну в совершенно определенной форме. Сцены в зале суда сменялись кинохрониками нацистских зверств, которые Кармен и другие советские операторы засняли на территориях, только что освобожденных от немецких оккупантов. Крупные планы лиц подсудимых сменялись жуткими картинками разрушенных

до основания городов и невероятного количества трупов в концлагерях. В США фильм шел под названием «Нюрнбергские процессы»; премьера состоялась в Нью-Йорке весной 1947 года. В «Нью-Йорк таймс» его назвали «мрачным и впечатляющим рассказом об ужасах нацистских военных преступлений и вине высших руководителей»⁷. С другой стороны, в «Нью-Йорк геральд трибюн» фильм раскритиковали как «растянутую кинохронику», а его идею, что «нацисты захватили бы мир, если бы их не остановили красные армии», объявили пропагандой, которая вряд ли бы привлекла друзей к Советскому Союзу. На самом деле фильм Кармена был слишком эмоционально жестким и напряженным, по крайней мере для американского зрителя, которому надоела война и хотелось просто жить дальше. Его центральная идея о Советском Союзе как спасителе Европы от Гитлера противоречила американским представлениям о США как освободителе и защитнике Европы.

Вскоре этот фильм был забыт в США — как и роль СССР во всех аспектах Нюрнбергского процесса⁸.

* * *

МВТ остается одним из главных событий XX века и отправной точкой дискуссий о транснациональном правосудии, международном праве, геноциде и правах человека. Но, вопреки многолетнему интересу широкой публики и ученых к МВТ, его история все еще рассказана не вполне. В этой книге я представляю новую историю Нюрнбергского процесса, восстанавливая ее центральное недостающее звено: роль Советского Союза. Тем самым я предлагаю новое понимание истоков и развития послевоенного движения за права человека.

Почему роль СССР в Нюрнберге была так важна? И почему его участие в МВТ по большей части забыто? Причины последнего не должны особенно удивлять. МВТ был не только последним салютом военного

В этой книге я предлагаю новое понимание истоков и развития послевоенного движения за права человека

сотрудничества стран-союзников. Он был и ранним фронтом холодной войны, поскольку его появление совпало с тем переломным моментом, когда послевоенные отношения между Соединенными Штатами и Советским Союзом еще по большей

части не оформились — до того, как эти страны стали сверхдержавами. Еще до окончания Нюрнбергского процесса политика холодной войны породила миф о «Нюрнбергском моменте» — миф, в котором роль Советского Союза сводилась к нулю. Десятилетиями советское участие в Нюрнберге либо вообще не обсуждали в США, либо описывали как нечто досадное, но неизбежное — что-то вроде фаустовской сделки, которую пришлось заключить американским и британским лидерам, чтобы закончить войну и привлечь к суду нацистов⁹.

Согласно этому мифу, американцы играли ведущую роль. Они умерили свою жажду мести и подвергли нацистов справедливому суду по закону, чем открыли новую эру международных прав человека. Фильм Стэнли Крамера «Нюрнбергский процесс» 1961 года и документальная драма 2000 года «Нюрнберг» следуют этому сюжету. В фильме «Нюрнберг» главный обвинитель от США Роберт Х. Джексон с квадратной челюстью (его роль была сыграна Алеком Болдуином) предстает как герой, требующий беспристрастного суда даже для самых монструозных нацистских вождей.

Британцы и французы играют положительные, но второстепенные роли. Советские же представители появляются лишь в эпизодах и выглядят неотесанными, звероподобными и мстительными — не как равные партнеры, а как помехи благородному делу поиска справедливости. В некоторых сценах немцы изображены с большей симпатией, чем советские аппаратчики¹⁰.

Эта документальная драма — экранизация книги Джозефа Э. Персико «Нюрнберг: зло под судом», основанной по большей части на рассказах американских и британских участников¹¹.

Западные судьи и обвинители, которые оставили первые и прочнее всего укоренившиеся рассказы о МВТ, воспринимали сам факт советского участия как угрозу легитимности Нюрнберга и его наследию. У них были все на то основания. Германия и СССР совместно вторглись в Польшу в сентябре 1939 года; многие подозревали, что не нацисты, а советская сторона виновна в убийстве тысяч польских офицеров в Катынском лесу недалеко от Смоленска; некоторые части Красной армии совершали акты насилия во время наступления на Берлин в последние месяцы войны, и именно советские войска проводили депортации в Польшу и Венгрии в то самое время, как МВТ заслушивал показания против нацистов¹². С точки зрения многих членов западных делегаций и международного пресс-корпуса, советская сторона была немногим лучше обвиняемых нацистов.

Идея «Нюрнбергского момента» как триумфа западного лидерства и западного права, как ни странно, осталась жизнеспособной даже после того, как в новых исторических трудах основное внимание стало уделяться более глубокому анализу роли экспертов по международному праву в организации Трибунала.

Захватывающая книга Филиппа Сэндса «Ист-Вест-стрит» (2016) описывает вклад польско-американского юриста Рафаэля Лемкина и австро-британского юриста Герша Лаутерпахта в разработку некоторых ключевых понятий Нюрнберга, таких как «геноцид» и «преступления против человечности», но лишь эпизодически упоминает советского юриста Арона Трайнина, чей вклад был, возможно, еще важнее. Все трое происходили из еврейских семей в Центральной Европе — но Лемкин и Лаутерпахт эмигрировали на Запад, а Трайнин остался в России

Американские военные в день окончания войны. 8 мая 1945 года

и служил советскому правительству¹³. Лемкин и Лаутерпахт — представители либеральной правовой традиции. Они вписываются в сюжет. Трайнин сделал карьеру в сталинском СССР, и его прежние работы подвели основу под советские показательные процессы. Поэтому он определенно не вписывается¹⁴.

Нарратив о «Нюрнбергском моменте» не оставляет места неоднозначности. Но рассказать историю МВТ без полного учета роли СССР — значит ухватить деталь и упустить главное. Сталинский Советский Союз фундаментально повлиял на МВТ и стал ключом к его успеху, приведя в движение то, что стало затем широко признано революцией в международном праве, — криминализацию завоевательных войн и стремление защитить индивида от репрессивного государства¹⁵. То, что эту роль сыграла страна, известная показательными процессами и ярко выраженным презрением к человеческой жизни, способно удивить и, возможно, даже огорчить. Полная история Нюрнберга сталкивает нас с двумя неудобными истинами: нелиберальные авторитарные государства иногда позитивно влияли на международное право, а международное правосудие есть процесс по своей сути политический¹⁶.

Из всех союзных держав СССР больше всего стремился осудить нацистов не только за преступления, совершенные в ходе войны, но и в первую очередь за преступление, состоявшее в том, что они развязали «агрессивную войну». Под влиянием опыта тотальной войны — войны, мобилизовавшей все ресурсы общества, — советские юристы оставили

на международном праве печать, изменившую его навсегда. Не кто иной, как Арон Трайнин, впервые артикулировал концепцию «преступления против мира», описав планирование и развязывание неспровоцированной войны как наказуемое преступное деяние. Это стало важнейшим пунктом в Обвинительном заключении — документе, создавшем правовую рамку для Трибунала в целом¹⁷. Трайнин также задолго до победы союзников внес советские идеи об уголовной ответственности и соучастии в международную дискуссию о военных преступлениях. Когда британские лидеры и некоторые американские политики (в том числе министр финансов Генри Моргентау — младший) выступали за внесудебную казнь нацистских вождей как более простой и прямолинейный подход, советские представители настаивали на созыве международного трибунала. Возможно, Нюрнбергского процесса вообще не было бы, если бы советская позиция не возобладала.

Но советские представители получили совершенно не тот трибунал, который представляли себе. Они не имели понятия, во что они ввяжутся в Нюрнберге. Преступления нацистов были столь чудовищны, свидетельства массовых зверств столь обильны, что Сталин и Молотов считали сценарий суда предрешенным. Советские руководители были настолько уверены в обвинительных вердиктах, что не постеснялись добавить в Обвинительное заключение одно из своих собственных военных преступлений — массовое убийство польских офицеров в Катыни. Они не ожидали, что подсудимым позволят оспаривать официальные отчеты о военных преступлениях, призывать в свидетели военачальников и эсэсовцев и настойчиво выдвигать встречные обвинения. Не ожидали они и того, что другие союзники будут иметь совершенно другие мнения о том, как должен идти процесс, как и того, что американцы настолько успешно будут выставять и продвигать свою собственную повестку.

Сталин и Молотов также считали, что им будет легко контролировать советских обвинителей и судей и тем самым издали управлять ходом процесса. Они представляли себе Нюрнберг как величественный образец воспитательной и просветительской работы — тот же показательный процесс, только масштабнее¹⁸. Сталин назначил Андрея Вышинского, обвинителя в зрелищных постановках Московских процессов, главой секретной московской комиссии, которая должна была руководить работой советских представителей на Нюрнбергском трибунале¹⁹. При отборе советских судей и обвинителей для МВТ Сталин тоже искал людей с опытом показательных процессов. Советский судья Иона Никитченко сделал карьеру судьи на Московских процессах; советский главный обвинитель Роман Руденко выступал обвинителем на показательных процессах 1930-х годов в Украине, а позже — обвинителем на показательном процессе против польских лидеров в Москве²⁰. Советские заместители обвинителей имели аналогичный опыт.

Однако Сталину и другим советским руководителям было очень далеко до возможности такого контроля. Лишь когда судебные процессы начались, они поняли, до какой степени просчитались. По иронии обстоятельств именно сверхцентрализованная командная структура СССР оказалась главной помехой в Нюрнберге и не позволила советской группе юристов достичь некоторых целей, более всего желанных Москве. Сталин возложил на Вышинского ответственность за все аспекты работы советских представителей, в том числе проверку и отбор показаний и свидетелей. Вышинский в свою очередь требовал, что-

Трения между союзниками влияли на происходившее в нюрнбергском зале суда не меньше, чем интересы правосудия

бы советские обвинители и судьи консультировались с ним по всем, даже мельчайшим вопросам, касающимся МВТ. Это влекло за собой обмена секретными сообщениями для сверки действий, зачастую по обходным каналам и, как правило, в условиях крайнего дефицита времени. Ситуацию еще больше осложняло то, что даже Вышинскому недоставало авторитета для выдачи директив по

большинству вопросов в его же области ответственности. Многие решения требовали полного круга консультаций с советскими руководителями — вплоть до самого Сталина. Из-за этого советская делегация не могла быстро реагировать на непредвиденные ситуации.

А большая часть ситуаций оказалась непредвиденной — по крайней мере, с советской точки зрения. Трения между союзниками влияли на происходившее в нюрнбергском зале суда не меньше, чем интересы правосудия. Ни одна из стран-обвинителей не хотела, чтобы ее собственная внешняя политика и действия в ходе войны подвергались разбору на международной арене, поэтому Нюрнбергский устав ограничивал юрисдикцию Трибунала действиями европейских стран Оси. Но в ответ на громкие заявления о «суде победителей» со стороны защиты и в качестве реакции на периодические утверждения Никитченко о несомненной виновности обвиняемых западные судьи с удвоенным усердием старались создать впечатление беспристрастного суда.

Военный альянс разваливался; разгоралась холодная война. Чем дальше, тем больше западные судьи потакали стороне подсудимых, позволяя им почти свободно обвинять СССР во многих военных преступлениях, зверствах и других нарушениях международного права во время выступлений стороны защиты. Советские преступления против мира — в том числе секретные протоколы к германо-советскому Пакту о ненападении от августа 1939 года, когда советские и нацистские руководители сговорились о захвате и разделе большей части Восточной Европы, — стали вначале секретом Полишинеля, а затем вообще не секретом. Советские руководители хотели использовать международный трибунал для выработки нарратива о советском героизме и немецком предательстве, о советских страданиях и немецкой вине. Но сюжет

очень скоро выскользнул из их рук. В конце концов они обнаружили, что их изображают соучастниками сговора с нацистским режимом, отказывая им и в достоинстве победителей, и в правоте жертв.

* * *

Полная история Нюрнбергского процесса требует широкого угла зрения. Необходимо осветить, как отношения между четырьмя странами-обвинителями реализовались в повседневной жизни американской оккупационной зоны Германии. Нужно показать и то, что происходило за сценой. В Нюрнберге кристаллизовались высокие идеалы правосудия и прав человека — и в то же время он был «кипящим, бурлящим интернационалом» (по словам Кармена), многоязычным сообществом с попойками до поздней ночи, сделками и интригами²¹. Телеграммы, отчеты разведки, стенограммы секретных совещаний из постсоветских архивов, частные письма и неопубликованные дневники участников и свидетелей Трибунала из США, Великобритании и России ясно показывают, что происходившее за кулисами, в барах и на частных вечеринках имело почти столь же важные последствия, что и наблюдавшееся участниками в зале суда. Там обвинители торговали друг с другом секретами, заключали альянсы, формировали блоки и сливали в прессу сверхсекретную информацию. Там журналисты из всех стран мира делились сплетнями о подсудимых и даже организовали тотализатор с денежными ставками на вердикты.

*В Нюрнберге
кристаллизовались
высокие идеалы
правосудия и прав
человека*

Эта книга рассказывает не только о международном праве и политике, но и о человеческих драмах. Ребекка Уэст, британская журналистка, освещавшая процессы для «Нью-Йоркера», так описывала свои тяжелые впечатления: «Особенно утомляла изоляция в маленьком помещении, отрезанном от нормальной жизни колючей проволокой армейских правил; постоянные столкновения с жуткими деталями отвратительной главы истории... Мы по-прежнему были под властью военной машины»²². Сотни иностранных корреспондентов и членов американской, британской, французской и советской делегаций вдали от дома чувствовали себя в Нюрнберге отрезанными от мира. В зале Дворца юстиции им приходилось выслушивать показания о невообразимых зверствах, поэтому вечерами они стремились по-человечески пообщаться и «разгрузиться», получив все доступные им удовольствия²³. Они держались благодаря шумным ужинам, дешевому виски в баре пресс-лагеря и не всегда целомудренным развлечениям в городском «Гранд-отеле». Советских корреспондентов и юристов предостерегали в Москве против сближения с западными людьми, за ними следили агенты их собственных спецслужб, а ночная жизнь Нюрнберга сталкивала их одновременно и с уникальными возможностями, и с опасностями. Под воздействием алкоголя советские представители иногда забывались.

Советский пресс-корпус в Нюрнберге насчитывал около сорока пяти сотрудников, назначенных освещать процессы для советской аудитории и иностранной прессы. Многие из них были отобраны лично Сталиным²⁴. Компанию Кармену составляли писатель Илья Эренбург, фотограф Евгений Халдей (ему принадлежат широко известные фотографии советских солдат на войне), журналист Борис Полевой, драматург Всеволод Вишневский, любимый политический карикатурист Сталина Борис Ефимов и другие опытные пропагандисты. Многие из них хорошо знали друг друга по фронту. Некоторые, в том числе Кармен, были евреями; несколько человек, включая Эренбурга, во время войны работали в Еврейском антифашистском комитете — официальном советском агентстве, которое публиковало свидетельства нацистских зверств и собирало за границей пожертвования для Красной армии. Все корреспонденты определяли себя как несомненно лояльных советских граждан. Все они делали карьеру в кипящем политическом котле сталинских 1930-х, защищали свою страну на фронте или в тылу в годы войны и наконец сошлись в Нюрнберге.

Некоторые были лучше подготовлены, чем другие, к жизни в Нюрнберге с его многочисленными видами неформального международного общения. Многие советские корреспонденты ценили возможность сблизиться с иностранными журналистами и поделиться с ними рассказами о войне. Кармен вспоминал: «Нас хлопали по плечу, с нами знакомились, пожимали руки, приглашали выпить виски у бара»²⁵. Другие чувствовали в Нюрнберге глубокое отчуждение, будучи уверены, что британцы и особенно американцы никогда по-настоящему не поймут, что перенесли советские люди под немецкой оккупацией. «Тут много смешного, много хамства, много нелепого», — отмечал Вишневский в одном из писем домой, удрученный обыденным отношением американцев к процессу и «разгулом» ночной жизни в Нюрнберге²⁶.

Советские юристы часто казались загадочными их западным коллегам. Американские, британские и французские обвинители и судьи еще могли понять Арона Трайнина: он учился за границей и его представления о военных преступлениях были известны на Западе. Никитченко и Руденко, члены коммунистической партии и карьерные бюрократы, имевшие только базовое образование и не понимавшие ни тонкостей, ни сложностей международных отношений, часто ставили их в тупик. Трайнин представлял обращенный к Западу фасад Советского Союза в вопросах послевоенной юстиции; Руденко и Никитченко представляли советскую традицию показательных процессов и имели репутацию партийных громил. Все трое получали распоряжения от Вышинского — серого кардинала советской группы юристов. Вышинский не играл официальной роли, но был ключевой фигурой в попытках СССР повлиять на ход процесса и на вердикты. В роли посредника между Кремлем и советской делегацией он контролировал поток информации,

предоставляя Никитченко и Руденко деликатные сведения о советском прошлом (в том числе детали советско-германского сотрудничества) строго в минимально необходимом объеме. Он прилагал все усилия, чтобы в зал суда не просочились свидетельства собственных военных преступлений СССР.

Советскую делегацию в Нюрнберге сопровождали письменные и устные переводчики, стенографы, машинистки, водители — и, разумеется, тайные агенты, подотчетные таким фигурам в Кремле, как Лаврентий Берия, глава Наркомата внутренних дел (НКВД), и Виктор Абакумов, глава Смерша (военной контрразведки)²⁷. Агенты в основном занимались тем, что следили за другими членами советской делегации и докладывали о результатах. На практике граница между агентами госбезопасности и остальными советскими представителями зачастую была размытой. Советские корреспонденты и даже некоторые заместители советских обвинителей тоже докладывали в Москву о последних событиях в ходе процесса, а также о приездах и отъездах членов делегации. Эта практика доносительства была обычной частью культуры сталинского периода. Порожденный ею корпус документов — кладезь для историка.

Вышинский прилагал все усилия, чтобы в зал суда не просочились свидетельства собственных военных преступлений СССР

* * *

В конечном счете в Нюрнберге соединились правосудие и политика, смешались принципы, своекорыстные интересы и компромиссы. Полная история гораздо сложнее мифа — но не менее героичная. Все обвинители и судьи, журналисты и переводчики, юристы и дипломаты — американские, французские, британские и советские — работали долгие часы, курсируя между своими переполненными кабинетами и залом суда, с его отделкой из деревянных панелей и «зеленоватым мертвенным» освещением, день за днем, неделю за неделей, месяц за месяцем — почти целый год²⁸. Представители четырех разных государств с совершенно разными правовыми системами настойчиво стремились разоблачить нацистские преступления, которые, по словам американского главного обвинителя Роберта Х. Джексона, были «столь расчетливыми, столь злостными и столь разрушительными, что цивилизация не может терпеть пренебрежение ими, потому что не переживет их повторения»²⁹. Это была эмоционально гнетущая работа. Выслушивая показания о дыме и смраде лагерей смерти, изучая фотографии массовых захоронений и расчлененных тел, читая в уголовных делах бесчисленные доклады о зверствах, члены всех четырех делегаций безнадежно тосковали по дому, хотя все это не давало им забыть, что стоит на кону³⁰.

Эти мужчины и женщины прилагали все усилия, чтобы найти в Нюрнберге общий язык, и в некоторых важных аспектах у них это

получилось. Они создали подробный свод свидетельств о преступлениях Третьего рейха. У них были общие моменты катарсиса. Они подтолкнули дело денацификации. Они установили прецедент, согласно которому развязывание агрессивной войны объявлялось преступлением, и заложили основу для развития новых международных законов и институтов, предназначенных для защиты прав человека на войне и в мирное время.

Это был коллективный труд — но не все партнеры были равны. Американцы, в чьей юрисдикции находились свидетели и обвиняемые нацисты, заключенные в тюрьму при Дворце юстиции, делали все возможное, чтобы переиграть советских представителей. Джексон не доверял им, но при этом недолюбливал и французов и с самого начала попытался взять под свой контроль ход судебного процесса. Американцы и британцы неплохо ладили между собой, но тоже соперничали за внимание публики.

В чем миф о «Нюрнбергском моменте» правдив, так это в изображении инициативности и энергии американцев. После того как процесс начался, американские обвинители и судьи делали все для продвижения своей повестки. Советские представители, так много сделавшие для запуска Трибунала, постоянно оказывались на шаг позади. Они также оказались в изоляции, которая все время усиливалась, особенно когда дело

*Советский Союз
выиграл войну;
в Нюрнберге он
проиграл победу*

дошло до опровержения встречных обвинений со стороны защиты. По ходу процесса зал суда в Нюрнберге превратился в площадку, где не только судили бывших нацистов, но и оценивали Советский Союз. Западные державы послали ясный сигнал Москве: зал международного суда не будет свободен от политики послевоенного соперничества.

Советские представители, со своей стороны, расценили отказ западных судей пресечь нападки защиты на СССР как расчетливую политическую тактику, против которой советской стороне не доставало ресурсов бороться. Плохо понимая принцип действия свободы печати в западном обществе, они воспринимали публикацию утверждений подсудимых о советских военных преступлениях в американских и британских газетах как доказательство того, что западные журналисты (пусть и дружелюбные после пары совместно распитых рюмок в баре пресс-лагеря) сговорились со своими правительствами и проводят антисоветскую политику.

Советский Союз выиграл войну; в Нюрнберге он проиграл победу. В неустойчивом равновесии завис не только исход судьбы подсудимых, но и послевоенный порядок. Идеи и доводы о правосудии, военных преступлениях и правах человека, артикулированные во Дворце юстиции, вскоре спровоцировали дискуссии в ООН и других местах о включении Нюрнбергских принципов (в том числе понятий «преступления против мира» и «преступления против человечности») в новый

международный уголовный кодекс. И хотя Советский Союз участвовал в формировании этих принципов, он также осознавал, что институты и язык международного права могут быть направлены и использованы против него. После Нюрнбергского процесса идеалы прав человека на десятилетия переплелись с политикой холодной войны.

Примечания

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 4–6. Впечатления и мнения Кармена извлечены из заметок, сделанных им в ходе процесса. Эти заметки легли в основу лекций, прочитанных им в Москве в 1946 году.

² РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 5–6, 36.

³ РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 5–6, 36. Описания зданий: Poltorak A. The Nuremberg Epilogue. Moscow: Progress Publishers, 1971. P. 22–28; Polevoi B. The Final Reckoning: Nuremberg Diaries. Moscow: Progress Publishers, 1978. P. 73, 81–82. (См. на рус.: Полторак А. И. Нюрнбергский эпилог. М.: Воениздат, 1965; Полевой Б. Н. В конце концов. Нюрнбергские дневники. М.: Советская Россия, 1969. — *Примеч. пер.*)

⁴ Karmen R. Lublin Extermination Camp Called «Worst Yet» by Writer // *Daily Worker*. 1944. August 14. P. 8; Karmen R. Writer Describes Nazi Murder Plant in Poland // *Los Angeles Times*. 1944. August 13. P. 5. О статьях Кармена см.: Shneer D. Through Soviet Jewish Eyes: Photography, War, and the Holocaust. New Brunswick: Rutgers University Press, 2012. P. 164–165.

⁵ РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 44.

⁶ Реакция Кармена, его описания подсудимых и их заявлений см.: РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 31–52. О методе Кармена: Колесникова Н., Сенчакова Г., Слепнева Т. Роман Кармен. М.: Искусство, 1959; Hicks J. First Films of the Holocaust: Soviet Cinema and the Genocide of the Jews, 1938–1946. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2012.

⁷ Crowther B. Goering, with Swagger Lacking, in «Nuremberg Trials», at Stanley // *New York Times*. 1947. May 26. P. 24.

⁸ J. P. «The Nuremberg Trials» — Stanley // *New York Herald Tribune*. 1947. May 26. P. 16; Hicks J. First Films of the Holocaust. P. 209–210 — о рецепции и забвении фильма Кармена.

⁹ См., например: Douglas L. The Memory of Judgment: Making Law and History in the Trials of the Holocaust. New Haven: Yale University Press, 2001. О советском участии как ахиллесовой пяте см.: Dodd C. J., Bloom L. Letters from Nuremberg: My Father's Narrative of a Quest for Justice. New York: Crown, 2007. P. 341. См. также: Bass G. J. Stay the Hand of Vengeance: The Politics of War Crimes Tribunals. Princeton: Princeton University Press, 2000. P. 147–205. Басс утверждает, что «советское возмездие вообще не было стеснено либеральными легалистскими нормами» (р. 196). Дискуссия о некоторых способах ссылаться на Нюрнберг как на «момент в истории идеи прав человека»: Borgwardt E. Commerce and Complicity: Human Rights and the Legacy of Nuremberg / Ed. B. J. Schulman. Making the American Century: Essays in the Political Culture of Twentieth Century America. New York: Oxford University Press, 2014. P. 92–108.

¹⁰ Фильм 1961 года посвящен одному из последующих нюрнбергских процессов, «процессу над судьями» (США против Йозефа Альштеттера и др.), где обвинителями были только американцы. Фильм 2000 года посвящен первому Трибуналу четырех держав 1945–1946 годов (собственно Международному военному трибуналу. — *Примеч. ред.*). Также примечателен документальный фильм «Нюрнбергский процесс» из серии «Американская история» канала PBS, который вышел в 2006 году и тоже прославлял Нюрнберг как триумф Джексона-обвинителя.

¹¹ Persico J. E. *Nuremberg: Infamy on Trial*. New York: Penguin Books, 1994. В число опубликованных рассказов входят: Biddle F. *In Brief Authority*. New York: Doubleday, 1962; Gilbert G. M. *Nuremberg Diary*. New York: Farrar, Straus, 1947; Harris W. R. *Tyranny on Trial*. Dallas: Southern Methodist University Press, 1954; Andrus B. C. *I Was the Nuremberg Jailer*. New York: Coward-McCann, 1969; Neave A. *On Trial at Nuremberg*. Boston: Little, Brown, 1979; Taylor T. *The Anatomy of the Nuremberg Trials*. Boston: Knopf, 1992. Более сбалансированное популярное изложение с англо-американской точки зрения, основанное преимущественно на британских архивах и мемуарах: Tusa A., Tusa J. *The Nuremberg Trial*. London: Atheneum, 1983.

¹² См., например: Naimark N. M. *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997; Snyder T. *Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin*. New York: Basic Books, 2010; Applebaum A. *Iron Curtain: The Crushing of Eastern Europe, 1944–1956*. New York: Doubleday, 2012; Beevor A. *The Fall of Berlin 1945*. New York: Penguin Books, 2003. (Пер. на рус.: Снайдер Т. *Кровавые земли. Европа между Гитлером и Сталиным*. Киев: Дуліби, 2015; Бивор Э. *Падение Берлина. 1945*. М.: АСТ; Транзит-книга, 2004. — *Примеч. пер.*)

¹³ Sands P. *East West Street: On the Origins of «Genocide» and «Crimes against Humanity»*. New York: Knopf, 2016. Третий главный персонаж в книге Сэндса — нацист Ханс Франк. Трайнин родился в Витебске (Российская империя), Лаутерпахт — в Жолкве, что неподалеку от Львова (Австро-Венгрия), Лемкин — в Безводно (Гродненская губерния Российской империи).

¹⁴ О Трайнине, Лемкине и Лаутерпахте см.: Penn M. J. *The Extermination of Peaceful Soviet Citizens: Aron Trainin and International Law*. PhD diss., University of Colorado at Boulder, 2017. Пенн критикует книгу Сэндса с примерно той же позиции и рассматривает Трайнина как участника диалога с Лемкиным и Лаутерпахтом.

¹⁵ Об этой революции см., например: Ehrenfreund N. *The Nuremberg Legacy: How the Nazi War Crimes Trials Changed the Course of History*. New York: Palgrave Macmillan, 2007.

¹⁶ Историки и праведы склонны по умолчанию считать, что идеи прав человека и международного права имеют либеральное происхождение. См., например: Hathaway O. A., Shapiro S. J. *The Internationalists: How a Radical Plan to Outlaw War Remade the World*. New York: Simon and Schuster, 2017. О русском вкладе в международное право см. работу Питера Холквиста, который сейчас заканчивает книгу о роли Российской империи в расширении и кодификации международных законов войны. О нелиберальном правосудии и советском праве см. также: Exeler F. *Nazi Atrocities, International Criminal Law, and Soviet War Crimes Trials: The Soviet Union and the Global Moment of Post-World War II Justice* / Eds I. Tallgren, Th. Skouteris. *The New Histories of International Criminal Law: Retrials*. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 189–219.

¹⁷ Роль Трайнина в процессах до последнего времени недооценивалась в западной литературе. Важное исключение: Ginsburgs G. *Moscow's Road to Nuremberg:*

The Soviet Background to the Trial. The Hague: Martinus Nijhoff, 1996. Сейчас Трайнину начали воздавать должное. См. особенно: Sellars K. «Crimes against Peace» and International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2015; Penn M. J. The Extermination of Peaceful Soviet Citizens.

¹⁸ Советский термин «показательный процесс» означает процесс с откровенно воспитательными целями. О политических процессах и дидактическом легализме см.: Shklar J. N. Legalism: Law, Morals, and Political Trials. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1964.

¹⁹ Ее полное название — «Комиссия по руководству подготовкой обвинительных материалов и работой советских представителей в Международном военном трибунале в Нюрнберге».

²⁰ Речь о так называемом «процессе шестнадцати» — открытом суде над шестнадцатью руководителями польского Сопротивления и деятелями польского правительства в изгнании. Суд проходил в присутствии представителей зарубежной прессы в Москве 18–21 июня 1945 года. — *Примеч. ред.*

²¹ РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 33.

²² West R. A Train of Powder. New York: Viking Press, 1955. P. 8.

²³ См. также: Tusa A. and Tusa J. The Nuremberg Trial. P. 230. На пике процесса его события освещали 300–400 журналистов. В зале суда одновременно помещалось меньше половины этого количества.

²⁴ В число этих корреспондентов входили кинематографисты, фотографы и художники.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 190. Л. 33.

²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГА-СПИ). Ф. 629. Оп. 1. Д. 109. Л. 84–85 об.

²⁷ О Смерше и НКВД см.: Birstein V. J. SMERSH: Stalin's Secret Weapon. London: Biteback, 2011.

²⁸ Polevoi V. The Final Reckoning. P. 73 (цит. по изданию на рус. — *Примеч. пер.*).

²⁹ Jackson R. H. Opening Speech for the United States of America, November 21, 1945 // International Military Tribunal — Major War Criminals. <https://digitalcommons.law.uga.edu/imt/11> (дата обращения 10 января 2023 года).

³⁰ РГАЛИ. Ф. 2989. Оп. 1. Д. 253. Л. 39–40.

TABLE OF CONTENTS

No. 4 (91) 2023

TO THE READER

How to Get Along
Yuri Senokosov 5

FEATURE ARTICLE

Russia: A Democratic Transition
that Never Happened
Maria Snegovaya 8

The International Tribunal and
Transitional Justice
Yelena Lukyanova, Mikhail Savva 18

HISTORIC EXPERIENCE

Russia, Ukraine and Poland:
The End of the Tragic Triangle
René Nyberg 31

Stephen Kotkin: “One needs to invest
into the people of Russia,
not the Russian state”
Andrei Kolesnikov 41

VIEWPOINT

On the Homeliness of Dictatorship
and the End of Tyrants
Mark Gamza 53

The Rise and Fall of Empires
Yuri Slezkin 63

BIOGRAPHY

Nikita Petrov: “Had Andropov lived
longer, still he would not have saved
the USSR...”
Maxim Rychkov 78

IN MEMORIAM

Lena Nemirovskaya 92

The Words of Christopher
Mark Dadian 92

Remembering Christopher Coker
Rune Henriksen 96

PREVIEW

Was This War Inevitable?
Sabine Fischer 100

BOOKS

Only Old Men Are Going into Battle?
Andrey Simbirtsev 104

The Counterpoint
Maxim Goryunov 108

NOTA BENE

Introduction. An Untold Story
Francine Hirsch 116

СОДЕРЖАНИЕ

журнала «Общая тетрадь» за 2023 год

К ЧИТАТЕЛЮ*Лена Немировская*

Как жить вместе (№ 3)

Юрий Сенокосов

Как жить вместе (№ 4)

К 30-ЛЕТИЮ ШКОЛЫ*Ян Альбрехт*

Знаки большой истории (№ 1)

Джон Ллойд

Школа стала наградой для многих из нас (№ 1)

Ардт Фрейтаг фон Лорингхофен

Миссия чрезвычайной важности (№ 1)

Лена Немировская

«...я хочу сказать всем вам огромное спасибо!» (№ 1)

Михаэль Сульман

Школа — это место встреч (№ 1)

Джек Ханнинг

Работать на мир, а не на конфронтацию (№ 2)

Энн Эпплбаум

Российская империя должна умереть (№ 1)

ШКОЛЕ 30 ЛЕТ*Сильви Кауфманн*

Продолжение после «конца истории» (№ 2)

Нилс Муйжниекс

«...мы знаем, что происходит, мы беспокоимся о вас» (№ 2)

Сергей Николаевич

Время просвещения (№ 2)

Диана Пинто

Когда переполнены тюрьмы (№ 2)

Роберт Скидельский

Универсализм, взаимозависимость, деглобализация (№ 2)

Екатерина Шульман

О российских ценностях (№ 2)

ГОЛОСА ШКОЛЫ*Армаз Ахвеледиани*

Надо жить «с людьми в голове» (№ 2)

Армен Закарян

Дойти до вершины Арарата, чтобы оттуда посмотреть на мир (№ 2)

Игорь Ковалев

Борьба ценностей и за ценности не проиграна (№ 2)

Соня Лихт

Демократии не может быть без диалога (№ 2)

Роберт Скидельский

Посвящение Лене и Юре (№ 2)

ТЕМА НОМЕРА*Томаш Зарицкий*

Польша между центром и периферией (№ 2)

Шелби Коффи

А что же с правдой?.. (№ 1)

Сергей Лагодинский

Сохранять универсалистское спокойствие (№ 1)

Елена Лукьянова,

Международный трибунал и переходное правосудие (№ 4)

Елена Лукьянова

Эволюция конституционных ценностей (№ 2)

Михаэль Мертес

О некоторых признаках утраты доверия в обществе (№ 1)

Доминик Моизи

Когда отрицательные эмоции торжествуют над положительными (№ 1)

Дмитрий Муратов

Спасти заключенных, не дать закрыть YouTube (№ 3)

Григорий Охотин

О правовой помощи (№ 2)

Михаил Савва

Кто накажет «псов войны» (№ 4)

Мария Снеговая

Россия: демократический транзит, которого не было (№ 4)

Ральф Фюкс

Мы не имеем права быть наивными (№ 1)

Фиона Хилл

Украина в новом мировом беспорядке. Восстание всего мира против Соединенных Штатов (№ 3)

НОВОЕ ОСЕВОЕ ВРЕМЯ

Андреас Буммель

Универсализм означает равное глобальное гражданство (№ 1)

Делфина Нугайред

Правовое государство в изгнании (№ 1)

Владимир Шмелев

Массовое образование — инструмент ценностной деградации (№ 1)

МАТЕРИЯ И СОЗНАНИЕ

Кишиитоф Мейснер

Один только материализм не может объяснить загадку сознания (№ 1)

ДНЕВНИК ВОЙНЫ

Сергий Жадан

Слова о войне (№ 1)

Михаил Зыгарь

Интервью: Рэйф Файнс о войне в Украине и культуре отмены (№ 3)

Николай Плотников

Перед лицом катастрофы. Предисловие (№ 2)

ИСТОРИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

Валдис Биркавс

У войны — длинная тень (№ 3)

Ирина Бороган, Андрей Солдатов

Узкий коридор информации и безопасности (№ 2)

ОПЫТ ИСТОРИИ

Владислав Иноземцев

Несовременная страна (№ 3)

Кирилл Кобрин

Отложенная гражданская (№ 2)

Андрей Колесников

Ностальгия по жертвоприношению (№ 1)

Андрей Колесников

Стивен Коткин: «Нужны инвестиции в российский народ, а не в государство» (№ 4)

Сергей Мошкин

Уральская республика: о чем не принято вспоминать (№ 3)

Рене Нюберг

Россия, Украина и Польша: конец трагического треугольника (№ 4)

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Марк Гамза

О примитивности диктатуры и нелепости тиранов (№ 4)

Юрий Слэзкин

Подъем и упадок империй (№ 4)

БИОГРАФИЯ

- Сергей Николаевич*
 Спасти и победить: О книге
 «Джордж Сорос. Вся его жизнь» (№ 1)
- Максим Рычков*
 Никита Петров: «Андропов, проживи
 дольше, не спас бы СССР...» (№ 4)
- Михаил Фишман о своей книге*
 «Преемник» (№ 1)

IN MEMORIAM

- Марк Дадян*
 Слова Кристофера (№ 4)
- Руне Хенриксе*
 В память о Кристофере Коукере (№ 4)

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

- Лев Шлосберг*
 Выступление на вручении премии в
 Стокгольме (№ 3)

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

- Встреча с Адамом Михником* (№ 3)

ГОРИЗОНТЫ ПОНИМАНИЯ

- Владимир Зелинский*
 Подлинный кризис церкви (№ 3)
- Татьяна Рыбакова*
 Христос нигде никогда не говорил
 «Блаженны воюющие» (№ 3)

НАШ АНОНС

- Василий Жарков*
 Реализм планетарного
 парламента (№ 1)
- Джон Ллойд*
 Власть в зеркале историй (№ 3)
- Сабина Фишер*
 Была ли война неизбежна? (№ 4)

КНИГИ

- Андрей Симбирцев*
 Большевик наизнанку (№ 3)
- Андрей Симбирцев*
 В бой идут одни старики?.. (№ 4)
- Андрей Симбирцев*
 «Да, азиаты — мы...» (№ 1)
- Андрей Симбирцев*
 Фашисты как они есть (№ 2)
- Максим Горюнов*
 Контрапункт (№ 1)
 Контрапункт (№ 2)
 Контрапункт (№ 3)
 Контрапункт (№ 4)

NOTA VENE

- Вячеслав Бахмин*
 «Я не хочу отдавать им свою страну» (№ 2)
- Леон Конрад*
 Предисловие (№ 1)
- Франсин Хири*
 Введение. Нерассказанная история (№ 4)
- Валерий Ширяев*
 «Упреждающий удар возмездия» (№ 3)

НАШ АРХИВ

- Филипп Буббайер*
 Моральные уроки советской истории.
 Опыт противостояния злу (№ 1)
- Пьер Розанваллон*
 О государстве-нации (№ 2)
- Юрий Сенокосов*
 Между демократией и патриотизмом (№ 2)
- Юрий Сенокосов*
 Насилие и структура рациональности (№ 1)
- Франсуа Фюре*
 Зависимость от имперского прошлого (№ 2)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ, ИНФОРМАЦИЯ И СВОБОДА

Наши авторы:

Сергей Алексашенко

Геннадий Аляев

Валдис Биркавс

Томас Венцлова

Максим Горюнов

Олег Грешнев

Мария Доманска

Василий Жарков

Стефан Ингварссон

Николай Квантелиани

Андрей Колесников

Анна Кулешова

Арндт Фрейтаг фон Лорингофен

Адам Михник

Михаэль Мертес

Андрей Симбирцев

Екатерина Шульман